

НАТАЛЬЯ БЕЛИНСКАЯ

КОЛЛЕКЦИОНЕР

ДУШИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Он искал тридцатую душу четыреста лет.
И только найдя её, понял, что готов отдать свою.

18+

Наталья Белинская
Коллекционер душ

«Автор»

2026

Белинская Н.

Коллекционер душ / Н. Белинская — «Автор», 2026

Эйлара Вальтер привыкла жить среди красок, холстов и тишины своей художественной мастерской. Она давно перестала верить в сказки, древние легенды и любовь. Но одна поездка в затерянную среди лесов деревню меняет всё. В ночь полной луны Эйлара случайно пробуждает древний алтарь, скрытый в самом сердце Проклятого леса, и выпускает того, кто четыреста лет был заточён во тьме. Каэль Морвелейн. Полу-человек, полу-тьень. Древнее существо, связанное с лесом кровавым проклятием. Коллекционер душ, которому для завершения превращения нужна последняя душа. Её душа. Теперь лес требует жертву, а на запястье Эйлары вспыхивает метка, связывающая её с тем, кого боятся даже тени. Каэль должен забрать её кровь до восхода Кровавой Луны. Эйлара должна уничтожить его, прежде чем древний обряд будет завершён. Но чем сильнее становится их связь, тем опаснее выбор. Потому что иногда самое страшное проклятие — не магия. А чувство, способное разрушить тьму или навсегда сделать её частью тебя.

© Белинская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава первая.	8
Глава вторая.	42
Глава третья.	62
Глава четвертая.	77
Глава пятая.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Наталья Белинская

Коллекционер душ

Пролог.

Четыреста лет назад

Ночь опустилась на Священный лес тяжёлым, неподвижным покрывалом. Даже ветер, обычно гулявший среди вековых сосен, затих, словно сама природа затаила дыхание в ожидании того, что должно было произойти.

В самом сердце леса, где не ступала нога смертного уже многие столетия, возвышался древний алтарь. Камень его был чёрным, гладким, испещрённым рунами столь старыми, что даже мудрейшие маги забыли их истинный смысл. Лишь лунный свет, пробивавшийся сквозь густую листву, скользил по высеченным символам, заставляя их мерцать холодным серебром.

На коленях перед алтарём стоял молодой маг, Каэль Морвелейн.

Его руки дрожали, покрытые следами ожогов от недавних заклинаний, а под глазами залегли глубокие тени бессонных ночей. Но он не замечал ни боли, ни усталости. Все его внимание было приковано к девушке, лежавшей на каменной плите перед ним.

Её звали Элиара.

Когда-то её смех звучал ярче весенних ручьёв, а глаза сияли так, будто в них отражалось само небо. Теперь же её лицо было смертельно бледным, губы посинели, а дыхание стало едва уловимым.

Яд древнего проклятия уже почти добрался до сердца.

— Потерпи ещё немного, — хрипло прошептал Каэль, касаясь её холодной ладони. — Я не позволю тебе уйти. Слышишь? Не позволю.

Он говорил это скорее себе, чем ей.

Три месяца он искал способ спасти её. Перелистал сотни запретных фолиантов, спустился в подземные архивы Ордена, нарушил все клятвы, данные наставникам.

И нашёл. Обряд Возвращения.

Магия столь древняя, что даже само упоминание о ней было вычеркнуто из книг. Ритуал, способный вырвать душу у смерти.

Но каждая строка древнего текста предупреждала: Лес всегда требует цену.

Каэль не верил предупреждениям. Любовь сильнее любых древних сказок.

Он поднялся, стиснул в руке обсидиановый кинжал и полоснул ладонь. Кровь закапала на руны.

Алтарь вспыхнул багровым светом. Воздух задрожал. Из темноты между деревьями начали проступать фигуры. Высокие, тонкие, словно сотканые из корней и теней. Их лица скрывали деревянные маски, а вместо глаз в прорезях мерцало зелёное пламя.

Хранители.

Вперёд вышла жрица. Её белые одежды струились по земле, не касаясь её. Лицо было слишком прекрасным и слишком неподвижным, чтобы принадлежать живому существу.

— Каэль Морвелейн, — произнесла она голосом, похожим на шелест сухих листьев. — Ты пришёл просить у леса невозможное.

— Я пришёл заключить сделку, — твёрдо ответил он.

— Цена названа. — Жрица медленно склонила голову. Руны вспыхнули ярче. И тогда Каэль услышал слова, от которых кровь застыла в жилах. — Тридцать чистых душ.

Тишина. Даже лес будто замер, ожидая его ответа.

— Нет. Это невозможно. — Каэль отшатнулся.

— Такова цена жизни, которую ты хочешь вернуть. — Сказала жрица.

Он посмотрел на Элиару. Её грудь едва заметно поднялась в последнем, слабом вдохе. Достаточно было согласиться. Тридцать чужих жизней за одну её. Но Каэль медленно опустил голову.

— Нет, — выдохнул он. — Я не стану платить такой ценой.

Впервые на лице жрицы появилось подобие улыбки. Холодной. Безжалостной.

— Тогда ты уже сделал выбор.

Земля содрогнулась. Корни, чёрные как смоль, вырвались из-под алтаря и оплели его ноги.

Каэль вскрикнул, пытаясь вырваться, но тени уже поднимались по телу, впиваясь в кожу, проникая под плоть. Он почувствовал, как что-то древнее и голодное входит в него. Ломает. Перекраивает.

Его крик разнёсся по всему лесу. Последнее, что он увидел, лицо Элиары. Её глаза вдруг распахнулись. В них мелькнул ужас.

И прежде чем тьма поглотила его, жрица произнесла слова проклятия:

— Когда будет собрана тридцатая душа, ты либо станешь чудовищем навеки либо умрёшь.

Когда тьма рассеялась, лес уже молчал. Алтарь вновь стал холодным камнем, руны погасли, будто ничего не произошло. Ветер осторожно коснулся верхушек деревьев, и ночные птицы снова подали голос, словно природа пыталась стереть следы случившегося.

На каменной плите лежала Элиара. Неподвижная. Её грудь больше не вздымалась.

Каэль хотел броситься к ней, коснуться, позвать по имени, но не смог сделать ни шага. Его тело изменилось.

Левая рука почернела, превращаясь в нечто, похожее на сплетение дыма и живой тени. Под кожей правой проступали тонкие серебристые трещины, словно тело стало сосудом, едва сдерживающим чуждую силу. Зрение исказилось: мир потерял краски, превратившись в переплетение теней, света и мерцающих нитей чужих душ.

Он с ужасом коснулся своего лица. Пальцы наткнулись на холодную, гладкую поверхность. Половину его лица закрывала маска из чёрной древесины — та самая, что носили Хранители леса. Она вросла в плоть.

— Что вы сделали со мной?..

Голос его прозвучал чужим, глубоким, словно сразу несколько теней говорили вместе с ним.

Жрица стояла у алтаря, наблюдая без жалости.

— Ты отверг цену, но нарушил границу между жизнью и смертью. Теперь лес будет взыскивать долг через тебя.

— Верни её! — Он рванулся вперёд.

Тени вокруг вспыхнули, сковав его невидимыми цепями. Жрица лишь подняла руку и указала на Элиару. Каэль замер.

Её тело начало рассыпаться. Сначала пальцы, затем руки, волосы, лицо, всё превращалось в серебристый прах, который медленно поднимался в воздух.

— Нет. — Он упал на колени. — Нет, пожалуйста.

Но прах уже кружился над алтарём, собираясь в тонкий сияющий поток. Он вошёл в грудь Каэля. И в этот миг он услышал её голос. Тихий. Испуганный. Живой. *Каэль*

— Элиара?! — Он вскинул голову.

Тишина. Лишь слабое тепло под рёбрами. Жрица впервые отвела взгляд.

— Её душа не ушла за грань. Ритуал привязал её к тебе.

— Значит, она жива? — Сердце Каэля болезненно сжалось.

— Нет. — Ответ прозвучал безжалостно. — Но и не мертва. Жрица приблизилась, и её голубые глаза вспыхнули ярче. — Пока не будет собрана тридцатая душа, её сущность останется заключённой в тебе. Каждая чистая душа будет питать лес и приближать миг выбора.

— Какого выбора?

— На тридцатой душе проклятие завершится. Либо лес окончательно поглотит тебя, и ты станешь его вечным сосудом либо твоя жизнь оборвётся, освободив её.

Каэль долго молчал. Внутри, под грудной клеткой, он вновь почувствовал слабое биение чужого присутствия. Элиара. Она была там. Где-то в глубине его искалеченной души. Он медленно поднялся. В его глазах больше не было прежнего страха. Только решимость.

— Тогда я найду способ разрушить это проклятие. — Твёрдо произнес он.

— За четыре века никто не смог обмануть лес. — Жрица усмехнулась.

— Значит, я стану первым.

Лес отозвался глухим, зловещим шёпотом. Словно смеялся над ним. И в ту ночь Каэль Морвелейн исчез из мира людей. А спустя годы по городам и деревням начали шептаться о существе, которое появляется в час между полуночью и рассветом. О тени в человеческом облике. О собирателе душ.

Но никто не знал, что каждый раз, забирая очередную душу, он слышал внутри себя тихий голос той, ради кого когда-то пошёл против самой смерти. И с каждой новой душой этот голос становился всё слабее.

Глава первая.

Утро в мастерской Эйлары всегда начиналось одинаково.

С мягкого света, который медленно просачивался сквозь высокие окна, ложась золотистыми полосами на деревянный пол. С тихого потрескивания старого паркета под босыми ногами. С густого запаха льняного масла, красок и свежесваренного кофе, который неизменно остывал на подоконнике, потому что она снова забывала о нём, увлечённая работой.

Её мастерская располагалась на верхнем этаже старого дома в исторической части города. Просторное помещение с высоким потолком, белёными стенами и большими окнами выходило на узкую улицу, где по утрам открывались цветочные лавки, а прохожие неспешно шли по своим делам.

Здесь всё было её. Каждая кисть в стеклянной банке. Каждая тубик краски, разложенный по оттенкам на длинном столе. Каждый холст, прислонённый к стене.

На одной картине цвело летнее поле под ясным небом. На другой был изображён старый городской мост после дождя. У дальней стены сохли портреты, живые, глубокие, будто люди на них могли в любой момент заговорить.

Эйлара любила это место больше любого другого. Здесь было спокойно. Здесь она могла дышать свободно.

Подойдя к мольберту, она задумчиво прищурилась, оценивая вчерашнюю работу. На холсте медленно рождался городской пейзаж, солнечная площадь, залитая светом, с маленьким фонтаном в центре и девушкой с книгой на скамейке. Что-то было не так.

Эйлара наклонила голову, взяла тонкую кисть и добавила несколько лёгких мазков возле линии крыши.

— Вот так, — тихо сказала она сама себе. — Стук в дверь заставил её вздрогнуть. — Открыто! — Сказала Эйлара.

Дверь распахнулась, и в мастерскую вошла Мира, её лучшая подруга и владелица соседней кофейни. Как всегда, с идеально уложенными каштановыми волосами, в светлом пальто и с бумажным пакетом в руках.

— Я знала, что ты опять забыла позавтракать. — Заходя сказала подруга.

— Не забыла, — машинально возразила Эйлара.

— Конечно. — Мира выразительно посмотрела на нетронутую чашку кофе на подоконнике.

Она поставила пакет на стол и достала ещё тёплую булочку с корицей. Запах мгновенно наполнил мастерскую.

— Ладно, возможно, слегка отвлеклась. — Эйлара чуть улыбнулась.

— Слегка? Ты вчера обещала уйти домой до полуночи.

— И ушла. — Сказала она.

— В три часа ночи это уже почти утро.

— Спасибо. — Эйлара тихо рассмеялась и наконец взяла булочку.

— Это для выставки? — Мира подошла к мольберту, внимательно рассматривая картину.

— Да. Осталось закончить пару работ. — Ответила Эйлара.

Через две недели в городской галерее открывалась её первая персональная выставка. Событие, к которому она шла несколько лет.

Все вокруг говорили, что это начало большой карьеры: приглашения, критики, новые заказы. Но сама Эйлара почему-то не чувствовала той радости, которую должна была. Где-то внутри жило странное беспокойство. Словно она что-то забыла. Что-то важное.

— Ты опять выглядишь так, будто пытаешься вспомнить сон, — заметила Мира.

Эйлара отвела взгляд к окну. На стекле дрожал солнечный блик.

— Мне уже несколько недель снится одно и то же.

— Что именно? — Спросила Мира посмотрев на Эйлару.

Она замялась.

— Лес. — Эйлара слегка свела брови.

— Просто лес? — Мира удивлённо моргнула.

— Старый. Очень тихий. И посреди него каменный алтарь.

Она сама не понимала, почему этот сон так тревожил её. В нём не происходило ничего страшного. Эйлара просто стояла среди высоких деревьев и смотрела на древний камень, покрытый незнакомыми узорами. А ещё каждый раз ей казалось, что кто-то зовёт её по имени. Тихо. Почти шёпотом.

— Наверное, переутомление, — сказала Мира. — Ты слишком много работаешь.

Эйлара кивнула, хотя знала: дело не только в усталости. Её взгляд упал на дальний угол мастерской. Там, прислонённый к стене и накрытый белой тканью, стоял холст, который она начала писать несколько дней назад.

Она не помнила, почему взялась за него. И не понимала, что именно хотела изобразить. Но каждое утро, подходя к нему, чувствовала необъяснимое притяжение. Словно картина уже существовала. И ей оставалось лишь открыть её миру.

— Почему ты её не показываешь, что там? — Мира проследила за её взглядом.

— Сначала сама хочу понять.

Эйлара подошла к холсту и, немного поколебавшись, сдёрнула ткань. На полотне проступали очертания леса. Высокие деревья. Каменный круг. И силуэт мужчины, стоящего у древнего алтаря. Лица его не было видно.

Но почему-то от одного взгляда на него сердце Эйлары вдруг забилось быстрее. Эйлара сама не понимала, почему эта картина вызывает в ней такое странное чувство. Она стояла перед холстом, сжимая край белой ткани, и смотрела на мужскую фигуру так, будто вот-вот должна была вспомнить что-то важное. Но в памяти была только пустота.

— Ничего себе, — первой нарушила молчание Мира. — Это совсем не похоже на твои обычные работы.

Эйлара медленно кивнула. Это было правдой. Обычно её полотна были наполнены светом, городскими пейзажами, лицами людей, в которых она старалась поймать живую эмоцию. Даже когда она писала дождь или пасмурное небо, в картинах всегда оставалось ощущение тепла.

Эта же работа казалась чужой. Сдержанной. Тихой. И почему-то очень личной.

— Когда ты начала её? — спросила Мира, подходя ближе.

— Три дня назад. — ответила Эйлара.

— И решила не показывать?

Эйлара пожала плечами.

— Я не знаю, зачем вообще начала её писать. Просто однажды утром, поставила чистый холст и рука сама потянулась к краскам.

Мира внимательно всмотрелась в силуэт мужчины.

— Лица не видно. — сказала она.

— Я пыталась его написать. — Ответила Эйлара.

— И?

— Каждый раз стирала. — Эйлара вздохнула.

Она не могла объяснить это даже самой себе. Стоило ей коснуться кистью области лица, как внутри поднималось необъяснимое напряжение. Будто что-то останавливало её.

Мира слегка нахмурилась, но решила не развивать тему.

— Ладно. Может, это просто творческий эксперимент. Художникам полезно иногда выходить из привычного.

— Наверное. — Эйлара снова накрыла картину тканью.

— Кстати, — оживилась Мира, — я пришла не только кормить тебя.

— О, значит, у булочки был скрытый мотив?

— Конечно. Ты слишком легко подкупаешься выпечкой.

Эйлара усмехнулась.

Мира достала из сумки небольшой конверт и протянула ей.

— Приглашение.

— На что? — Спросила Эйлара смотря на него.

— Сегодня вечером в галерее встреча с куратором выставки. Он хочет обсудить расположение работ.

— Сегодня? — Эйлара взяла конверт и бегло пробежала глазами по аккуратным строчкам.

— В семь. — Ответила Мира.

— Почему ты говоришь об этом только сейчас?

— Потому что вчера ты не выходила и не слышала моего стука в дверь. Видимо, опять спорила с красками до глубокой ночи.

Это было вполне возможно. Она часто настолько уходила в работу, что переставала замечать время.

— Хорошо, я буду. — Эйлара смущённо отвела взгляд.

— И пожалуйста, выгляди так, будто ты художница, а не человек, случайно вышедший из мастерской после недельной изоляции.

— Это очень узкая грань.

— Постарайся. — Мира рассмеялась.

Когда подруга ушла, в мастерской снова стало тихо. Эйлара машинально убрала чашки, сложила кисти в банку с водой и подошла к окну.

На улице кипела обычная дневная жизнь. Кто-то торопился по делам, возле цветочной лавки спорили две пожилые женщины, мальчик на велосипеде едва не врезался в почтальона. Всё было привычным. Спокойным. Но внутреннее беспокойство никуда не исчезало.

Она вернулась к мольберту с городским пейзажем и попыталась сосредоточиться на работе. Несколько минут она уверенно наносила мазки, добавляя детали к фасаду здания. Потом остановилась.

На палитре вместо светло-охристой краски почему-то оказался густой зелёный оттенок. Тот самый, которым она обычно не пользовалась. Хмурясь, Эйлара подняла взгляд на холст. И замерла.

Среди солнечной площади, прямо у фонтана, появилась тёмная фигура. Высокий мужской силуэт. Она не помнила, чтобы рисовала его. Кисть медленно выскользнула из её пальцев и с глухим стуком упала на пол. Эйлара шагнула ближе.

Фигура была написана всего несколькими мазками, но в ней угадывалось что-то до боли знакомое. И хотя лица снова не было видно, её вдруг охватило странное, необъяснимое чувство. Будто кто-то очень долго искал её. И наконец нашёл.

Эйлара застыла перед мольбертом, не сводя глаз с фигуры на холсте. Утренний свет всё так же мягко заливал мастерскую, ложился на пол тёплыми прямоугольниками, блеснул на стеклянных банках с кистями. За окном раздавался привычный городской шум: скрип тележки цветочника, приглушённые разговоры прохожих, далёкий звон трамвая.

Всё вокруг оставалось обычным. Только сердце почему-то билось слишком быстро. Она наклонилась ближе, рассматривая мазки. Нет, это не могло появиться само.

Она должна была нарисовать силуэт пусть машинально, задумавшись о чём-то, отвлекшись на разговор с Мирой. Но Эйлара совершенно этого не помнила. Осторожно коснувшись пальцем ещё влажной краски, она размазала часть линии. Фигура тут же потеряла чёткость.

Эйлара выдохнула.

— Просто устала, — тихо сказала она вслух.

Слова прозвучали неубедительно. Она взяла чистую кисть, добавила несколько светлых мазков и окончательно убрала силуэт, вернув площади её привычный вид. Теперь возле фонтана снова была только солнечная пустота.

Так лучше. Логичнее. И всё же внутри осталось неприятное ощущение, словно она стёрла нечто важное.

Чтобы отвлечься, Эйлара открыла окно. В мастерскую ворвался свежий весенний воздух, пахнувший влажным камнем, цветами и свежей выпечкой из булочной напротив.

Город окончательно проснулся. С нижнего этажа донёлся голос хозяйки дома, что-то оживлённо обсуждавшей с соседкой. Где-то неподалёку громко залаяла собака. Обычные звуки быстро успокаивали.

Эйлара глубоко вдохнула и заставила себя переключиться на дела. До вечерней встречи в галерее оставалось достаточно времени, а значит, можно было закончить ещё хотя бы одну работу.

Она прошлась вдоль стены с холстами, выбирая. Пейзаж с рекой почти завершён. Портрет пожилого библиотекаря нуждался лишь в нескольких деталях. Но взгляд снова и снова возвращался к накрытой белой тканью картине.

— Нет. Не сейчас. — Эйлара раздражённо отвернулась.

Она выбрала чистый холст и установила его на свободный мольберт. Иногда лучший способ избавиться от навязчивых мыслей — начать что-то новое.

Несколько минут она просто стояла перед белой поверхностью, держа в руках карандаш. Что нарисовать? Городскую улицу? Весенний парк? Портрет?

Линия легла сама собой. Затем вторая. Третья.

Эйлара работала быстро, почти не задумываясь, позволяя руке двигаться свободно. Лишь спустя время она отступила назад, чтобы посмотреть на набросок. Это была скамейка в небольшом городском сквере. На ней сидела девушка. А рядом, чуть в стороне, стоял мужчина. Опять.

Эйлара резко положила карандаш. Теперь силуэт был чётче. Высокий, в длинном пальто, с чуть склонённой головой, будто он смотрел на сидящую девушку. На этот раз она точно знала: не собиралась его рисовать. Она медленно опустилась на стоящий рядом табурет. Солнечный луч скользнул по рисунку, осветив мужской профиль, всего несколько штрихов, но от них по коже вдруг пробежали мурашки.

В этот момент снизу раздался громкий стук в дверь дома, а следом знакомый голос хозяйки:

— Эйлара! Для тебя письмо!

Она вздрогнула. Словно вырванная из странного оцепенения, быстро поднялась и направилась к лестнице.

Спускаясь, она уже почти убедила себя, что слишком впечатлительна и просто перенервничала перед выставкой. Такое бывает. Переутомление. Недосып. Ничего больше.

У входной двери её ждала госпожа Линетт, энергичная женщина с безупречной осанкой и вечным недовольством ко всему, что нарушало порядок. В руках она держала плотный светлый конверт.

— Только что принесли, — сказала она. — Курьер сказал передать лично.

— Спасибо. — Эйлара взяла письмо. — Конверт оказался неожиданно тяжёлым. На лицевой стороне красивым ровным почерком было выведено только её имя. Без адреса отправителя. Она нахмурилась. — Кто принёс?

— Молодой человек. Очень вежливый. Сказал, что это важно.

— Он не представился? — Спросила Эйлара верня конверт в руках.

Госпожа Линетт покачала головой. Эйлара ещё мгновение смотрела на конверт, а затем осторожно провела пальцем по краю, собираясь вскрыть его. Бумага мягко хрустнула под пальцами. Эйлара медленно раскрыла конверт и вытащила сложенный вдвое лист плотной кремовой бумаги.

Никаких печатей. Никаких знаков. Только несколько строк, написанных тем же ровным аккуратным почерком:

Не ходите сегодня в галерею. Если хотите понять, что происходит, приходите в одиннадцать часов в городской ботанический сад. К северной оранжерее. Одна.

Эйлара перечитала записку дважды. Потом ещё раз.

— Что-то случилось? — спросила госпожа Линетт, заметив, как изменилось её лицо.

— Не знаю. — Она попыталась улыбнуться, но получилось неубедительно. — Наверное, чья-то странная шутка.

— В наше время у людей слишком много свободного времени. — Хозяйка дома неодобрительно поджала губы.

Эйлара машинально кивнула и поднялась обратно в мастерскую. Закрыв за собой дверь, она снова посмотрела на записку. Одиннадцать часов. Она бросила взгляд на часы на стене. Без четверти десять. Времени было достаточно, чтобы собраться если она вообще собиралась туда идти.

Логичнее всего было выбросить письмо и забыть о нём. Это мог быть чей угодно розыгрыш. Неудачная попытка привлечь внимание перед выставкой, чей-то нелепый способ познакомиться или просто ошибка.

И всё же что-то в этих строчках тревожило её. Не слова. Почерк. Он казался пугающе знакомым.

Эйлара нахмурилась, пытаясь понять, где могла видеть его раньше. Но память не подсказывала ответа. Она положила записку на стол и отошла к окну.

Солнечное утро было слишком ясным и спокойным для подобных странностей. На мостовой дети запускали бумажный самолётик. У цветочной лавки покупатель выбирал букет. Пожилой мужчина выгуливал маленькую собаку, которая упрямо тянула его в сторону булочной. Обычный день.

И всё же взгляд Эйлары невольно скользнул по мастерской, к новому наброску на мольберте. К мужскому силуэту.

Она подошла ближе. Теперь, при ярком дневном свете, рисунок казался ещё более странным. Линии были уверенными. Точными. Будто она рисовала кого-то, чьё лицо знала очень хорошо. Но сколько бы Эйлара ни всматривалась, память оставалась пустой.

— Это нелепо. — Она резко отвернулась.

Схватив палитру, она попыталась вернуться к работе. Несколько минут сосредоточенно смешивала краски, сделала пару мазков на другом холсте, но мысли всё равно возвращались к записке.

К ботаническому саду. К северной оранжерее.

В конце концов она положила кисть. Чем дольше она пыталась игнорировать письмо, тем сильнее становилось желание узнать, кто его отправил. Эйлара взглянула на часы. Десять двадцать. Если выйти сейчас, она успеет дойти спокойным шагом. Это займёт не больше получаса. Она раздражённо выдохнула, словно споря сама с собой.

— Я просто посмотрю, кто там, и сразу вернусь.

Решение пришло внезапно и вместе с ним странное облегчение. Эйлара быстро поднялась вверх, в маленькую спальню под самой крышей, переделась в лёгкое платье и накинула

поверх тонкий серый плащ. Собрав волосы в свободный узел, она ещё раз взглянула на себя в зеркало. В отражении была обычная девушка двадцати четырёх лет.

Немного взволнованная. Немного упрямая. С голубыми глазами, в которых сейчас читалось любопытство. Ничего больше.

Перед уходом она задержалась на пороге мастерской. Её взгляд невольно снова остановился на накрытом белой тканью холсте. А затем на наброске мужчины у скамьи. И на одно короткое мгновение ей показалось, что он стоит чуть ближе, чем прежде. Будто сделал шаг.

Эйлара моргнула. Рисунок был неподвижен. Она резко отвернулась, схватила сумку и вышла из дома.

Весеннее солнце встретило её мягким теплом. Город жил своей обычной жизнью, и это успокаивало. Ботанический сад находился всего в нескольких кварталах отсюда. Эйлара шла быстро, стараясь не думать о странной записке. Но когда впереди показались кованые ворота сада, сердце почему-то забилось чаще. А у входа, прислонившись к каменной ограде, уже стоял мужчина в тёмном пальто.

Эйлара невольно замедлила шаг. До ворот оставалось всего несколько метров. Мужчина стоял неподвижно, слегка повернув голову в сторону аллеи, по которой она шла. Высокий, стройный, с безупречно прямой осанкой, он выглядел так, словно случайно оказался здесь, просто прохожий, остановившийся перевести дух у старой ограды.

Но что-то в его спокойствии казалось слишком выверенным. Словно он точно знал, когда она появится.

Весенний ветер слегка тронул полы его тёмного пальто. Эйлара крепче сжала ремешок сумки. Первой мыслью было развернуться и уйти. Это было бы разумно. Нормально. Но вместо этого она продолжила идти.

Когда между ними осталось несколько шагов, мужчина выпрямился и посмотрел прямо на неё. На вид ему было около тридцати. Правильные черты лица, чуть резкие, будто выточенные слишком тщательно. Тёмные волосы, слегка растрёпанные ветром. И удивительно спокойный взгляд серых глаз. В них не было ни навязчивого интереса, ни смущения, ни той неестественной торжественности, которую обычно придают себе люди, устраивающие загадочные встречи. Он смотрел так, словно давно её знал. И ждал именно этого момента.

Эйлара остановилась.

— Это вы прислали письмо? — Спросила она не подходя.

— Да. — Мужчина слегка наклонил голову.

Голос оказался низким и ровным. Спокойным. Почему-то от этого стало только тревожнее.

— Кто вы? — Спросила она.

На несколько секунд он замолчал, будто тщательно подбирал ответ.

— Моё имя Люциан. — Ответил он.

Имя прозвучало просто. Без всякого значения. Но у Эйлары внутри вдруг что-то болезненно дрогнуло. Словно она уже слышала его раньше. Очень давно.

— Мы знакомы? — Она нахмурилась.

— Нет, — ответил он слишком быстро. И тут же, после короткой паузы, добавил: — По крайней мере, не так, как вы могли бы помнить.

Ответ ей совсем не понравился.

— Если это какая-то странная игра, то у меня нет на неё времени.

Она уже собиралась развернуться, но он произнёс:

— Сегодня утром вы получили письмо. До этого рисовали мужчину, которого не собирались рисовать. А последние несколько недель вам снится лес.

Эйлара резко замерла. Пальцы похолодели. Она медленно повернулась обратно.

— Откуда вы знаете?

— Потому что именно поэтому я просил вас прийти. — Люциан не отвёл взгляда.

— Вы следили за мной?

— Нет.

— Тогда как?..

Он коротко посмотрел в сторону ворот ботанического сада, затем снова на неё. В его лице появилось едва заметное напряжение. Будто разговор давался ему куда труднее, чем он хотел показать.

— Это сложно объяснить прямо здесь.

— Попробуйте. — Эйлара скрестила руки на груди.

На мгновение между ними повисло молчание. По дорожке за их спинами прошла пожилая пара, оживлённо обсуждая какие-то садовые розы. Где-то неподалёку звонко рассмеялся ребёнок. Обычная утренняя жизнь странным образом делала происходящее ещё более нереальным.

Люциан сделал медленный вдох.

— Вам кажется, что в последние недели с вами происходит что-то странное. — Не вопрос. Утверждение. Эйлара не ответила. — Вы забываете, что рисовали. Вам снятся места, в которых вы никогда не были. Иногда возникает чувство, будто вы должны вспомнить что-то важное, но не можете.

Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Именно так. До последнего слова.

— Кто вы? — повторила она тише.

На этот раз он ответил не сразу. В его серых глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Человек, который слишком долго ждал этой встречи.

Эйлара смотрела на него, пытаясь понять, лжёт он или говорит правду. Странно, но страха почти не было. Только растущее напряжение и необъяснимое чувство узнавания. Будто она стояла перед незнакомцем который почему-то не был для неё чужим.

Люциан чуть отступил в сторону и указал на дорожку, ведущую вглубь сада.

— Если вы готовы узнать ответы, пойдёмте со мной.

Эйлара перевела взгляд на аллею. Северная оранжерея виднелась вдали, стеклянная крыша поблёскивала на солнце среди молодых деревьев.

— И если я откажусь? — Она снова посмотрела на него.

На лице Люциана мелькнула едва заметная тень усталой улыбки.

— Тогда через несколько дней вы всё равно вернётесь сюда сами.

— Почему вы так уверены?

Он выдержал её взгляд. И тихо сказал:

— Потому что это уже началось.

Эйлара нахмурилась. Его слова прозвучали слишком уверенно. Слишком так, будто он говорил не о догадке, а о чём-то давно известном.

— Что именно началось? — спросила она.

Люциан на мгновение отвёл взгляд, словно решая, насколько много может сказать прямо сейчас.

— Процесс, который уже нельзя остановить, просто сделав вид, что ничего не происходит.

Ответ прозвучал уклончиво. Это раздражало.

— Вы всё это время говорите загадками.

— Потому что если сказать слишком много сразу, вы мне не поверите.

— А сейчас, конечно, всё звучит предельно убедительно?

Впервые за весь разговор в его глазах мелькнуло что-то похожее на живую эмоцию, короткая тень иронии.

— Справедливо. Он немного смягчился. — Послушайте. Я не собираюсь причинять вам вред. И я не жду, что вы сразу мне доверитесь. Но то, что происходит с вашими картинами и снами, не случайность.

Эйлара внимательно смотрела на него. Он говорил спокойно, без нажима, без попытки запугать её или произвести впечатление. Это почему-то настораживало даже больше. Люди, которые лгут, обычно слишком стараются убедить. Этот человек же выглядел так, словно просто сообщает неприятный факт.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Допустим, я готова вас выслушать. Но сначала ответьте прямо. — Он кивнул. — Вы знаете человека, которого я рисую?

На этот раз он замер. Совсем ненадолго. Но этого хватило, чтобы она заметила.

— Да, — ответил он.

— Кто он? — У Эйлары перехватило дыхание.

Люциан некоторое время молчал, а потом произнёс:

— Его звали Каэль Морвелейн.

Имя ничего ей не сказалось. И всё же внутри снова отозвалось то странное, знакомое ощущение. Словно память на секунду попыталась пробиться сквозь плотную завесу — и снова отступила.

— Я не знаю этого человека.

— Сейчас нет. — Просто ответил Люциан.

— Что значит сейчас?

— Это значит, что ваша связь с ним куда сложнее, чем может показаться. — Он внимательно посмотрел ей в глаза.

— Нет. Нет, если вы собираетесь рассказывать, что я его родственница, дальняя наследница или что-то в этом духе, то можете не продолжать. — Эйлара резко покачала головой.

— Вы не его родственница. — Его голос прозвучал твёрдо. Без колебаний.

— Тогда кто он для меня?

Люциан открыл было рот, но в этот момент со стороны сада донёсся громкий треск. Они оба обернулись. У одной из клумб садовник неловко задел металлическую тележку, и та перевернулась, рассыпав по дорожке горшки с молодыми саженцами. Несколько посетителей обернулись на шум. Мгновение рассеялось. Когда Люциан снова посмотрел на Эйлару, его лицо стало серьёзнее.

— Это не тот разговор, который стоит вести у входа. — Он указал в сторону северной аллеи. — В оранжерее нас никто не услышит.

Эйлара колебалась. Всё внутри подсказывало, что разумнее уйти. Вернуться домой. Забыть о странном письме, о незнакомце, о необъяснимых словах.

Но тогда ей пришлось бы снова вернуться в мастерскую и смотреть на картины, в которых появлялся один и тот же силуэт. Снова мучиться вопросами, на которые не было ответов.

— Хорошо. — Она глубоко вдохнула.

Люциан едва заметно кивнул и первым направился по аллее. Эйлара пошла следом, держась на расстоянии нескольких шагов.

Дорожка вилась между аккуратно подстриженными кустами, клумбами с распускающимися ирисами и молодыми деревьями, чьи листья только начинали набирать густоту. Солнце пробивалось сквозь ветви, рассыпая по гравию дрожащие светлые пятна. Оранжерея приближалась.

Это было старое стеклянное здание с белым металлическим каркасом, слегка потускневшим от времени. Сквозь высокие панели виднелись пальмы, вьющиеся растения и густая зелень. У входа Люциан остановился и придержал перед ней дверь.

Эйлара вошла первой. Внутри было тепло и тихо. Воздух пах влажной землёй, листьями и цветами. Шум города сразу стал далёким, приглушённым. Они прошли по узкой дорожке

между высокими растениями и остановились у дальней стеклянной стены. Отсюда открывался вид на пруд, в котором лениво покачивались белые кувшинки.

Несколько секунд мужчина молчал. Потом повернулся к ней.

— Я должен кое-что объяснить сразу.

Эйлара скрестила руки, готовясь услышать очередную загадку. Но его следующие слова заставили её замереть.

— Я никогда не был Каэлем Морвелейном.

— Что? — Она резко подняла взгляд.

— Я знаю, о чём вы могли подумать после того, как слышали его имя.

В его голосе появилась едва уловимая усталость.

— Но я, не он. И никогда им не был.

Эйлара сама не заметила, как выдохнула. Почему-то это оказалось важным. Очень важным. Люциан сделал короткую паузу.

— Каэль жил четыреста лет назад. Он исчез в ту ночь, когда попытался изменить то, чего не должен был касаться.

— А вы? — Чуть удивленно спросила Эйлара.

— Я был там. — Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

Тишина между ними стала почти ощутимой. Где-то неподалёку с листа упала капля воды.

— Это невозможно. — Эйлара медленно покачала головой.

— Я знаю.

— Тогда объясните.

Люциан чуть сжал пальцы, словно готовясь сказать то, чего долго избегал. И тихо произнёс:

— Потому что всё, что вы помните о себе может оказаться лишь частью правды.

Эйлара несколько секунд молча смотрела на него. Потом коротко усмехнулась. Нервно. Недоверчиво.

— Подождите. — Она подняла ладонь, словно останавливая поток его слов. — Я правильно поняла. — Люциан молчал. — Вы хотите сказать, что были свидетелем событий четырёхсотлетней давности, знаете какого-то человека по имени Каэль Морвелейн, а ещё уверены, что моя жизнь каким-то образом связана со всем этим?

— Да. — спокойно ответил Люциан.

Спокойный, ровный ответ окончательно вывел её из себя.

— Вы вообще слышите, как это звучит? — Сказала раздраженно она.

— Слышу.

— Это звучит безумно. — Люциан не спорил. Это раздражало ещё сильнее. Эйлара ожидала оправданий, попыток убедить её, горячих объяснений. Но он просто стоял напротив, словно давно привык к подобной реакции. — Хорошо, — резко сказала она. — Тогда вот мой ответ. — Она сделала шаг назад. — Я не знаю, кто вы такой и зачем устроили этот странный спектакль, но если это чья-то шутка или попытка привлечь моё внимание, то она провалилась.

— Эйлара.. — Начал было он..

— Нет. — Она покачала головой. — Не произносите моё имя так, будто знаете меня. — На лице Люциана впервые мелькнула боль. Едва заметная. Но настоящая. Это на мгновение заставило её замешкаться. И тут же разозлило ещё больше. Слишком убедительно. Слишком по-настоящему. — Вы хороший актёр, — холодно сказала она. — Почти поверила.

Она развернулась и быстро направилась к выходу из оранжереи. Позади раздалась его шаги.

— Эйлара, пожалуйста, вы должны меня выслушать.

— Нет, не должна. — Она резко обернулась у самой двери. Солнечный свет ударил в стекло за её спиной, ослепляя. — И если вы ещё раз появитесь у моего дома или мастерской, я обращусь в городскую стражу.

Люциан остановился. Несколько секунд он смотрел на неё так, будто хотел сказать что-то важное. Очень важное. Но вместо этого тихо произнёс:

— Тогда хотя бы не ходите сегодня вечером в галерею.

— Что? — Эйлара нахмурилась.

— Просто не ходите.

— Почему?

Он сжал пальцы.

— Потому что после этого вы уже не сможете делать вид, что ничего не происходит.

Эйлара почувствовала неприятный холодок. Но тут же заставила себя отмахнуться от этого чувства. Очередная часть его странного спектакля.

— Мне кажется, вам нужна помощь, — ровно сказала она. И вышла.

Весенний воздух снаружи показался неожиданно холодным. Она быстро зашагала по аллее, не оглядываясь. Сердце колотилось слишком быстро.

«Он сумасшедший.» Эта мысль звучала разумно. Правильно. И всё же, уже почти дойдя до ворот, Эйлара почему-то обернулась.

Люциан всё ещё стоял внутри оранжереи. Неподвижный. И смотрел ей вслед с таким выражением, словно знал: совсем скоро она сама вернётся к нему.

Эйлара вернулась домой быстрым, ровным шагом. Со стороны могло показаться, что встреча в ботаническом саду никак её не задела. Лицо оставалось спокойным, движения точными и собранными. Только пальцы чуть сильнее обычного сжимали ремешок сумки.

Поднявшись в мастерскую, она сразу закрыла дверь и несколько секунд стояла, не двигаясь. В помещении пахло маслом, свежей краской и нагретым деревом. Сквозь распахнутые окна тянуло весенней прохладой. С улицы доносились обычные звуки города, стук колёс по мостовой, чей-то смех, звон посуды из соседней кофейни.

Всё было привычным. Нормальным. Реальным. Она медленно сняла пальто и аккуратно повесила его на спинку стула. Потом подошла к мольберту. Белая ткань, скрывавшая незаконченную картину, лежала ровно, как она и оставила её утром.

Эйлара некоторое время просто смотрела на неё. Разговор в оранжерее не выходил из головы. Спокойный голос незнакомца. Слишком уверенный взгляд. Нелепые слова, в которые невозможно было поверить. Четыреста лет. Какой-то древний человек. Связь, которой не могло существовать.

Она чуть заметно качнула головой. Нет. Это был либо тщательно продуманный розыгрыш, либо человек с болезненной фантазией. И она не собиралась позволять этому абсурду разрушить её день. Резким движением Эйлара сдёрнула ткань. Картина предстала перед ней.

Лес. Старые деревья. Каменный круг. И мужская фигура у алтаря. Незавершённая. Без лица.

Она взяла широкую кисть. Спокойно, без колебаний обмакнула её в густую светлую краску. Первый мазок лёг поперёк плеч фигуры. Второй по груди. Третий почти полностью скрыл силуэт.

Эйлара отступила. Так лучше. Пустой лес. Просто композиция. Просто неудачный творческий эксперимент. Она уже собиралась отложить кисть, когда почувствовала это.

Едва уловимое. Как будто воздух в мастерской изменился. Стал плотнее. Тише. Она медленно подняла голову. Городской шум за окном исчез. Не стих. Не отдалился. Исчез так резко, словно кто-то опустил тяжёлую стеклянную крышку на весь мир. Эйлара замерла. Сердце ударило сильнее. Она прислушалась. Ничего. Ни голосов. Ни скрипа колёс. Ни даже ветра. Тишина была абсолютной. Холодной. Неправильной.

Очень медленно она повернулась обратно к картине. Краска, которой она только что закрасила фигуру, стекала вниз тонкими светлыми полосами. Словно поверхность холста отталкивала её. Под потёками проступал силуэт.

Чётче. Темнее. Она не шевельнулась. Не моргнула. Просто смотрела, как на её глазах фигура словно проступает сквозь слой краски. Медленно. Неотвратно.

Сначала плечи. Потом руки. Контур лица. Тонкие, чёткие черты. Высокий лоб. Светлые волосы. Незнакомое лицо молодого мужчины. Он был написан так живо, что на мгновение Эйларе показалось — ещё секунда, и он вдохнёт.

По позвоночнику прошёл ледяной озноб. Но лицо её осталось спокойным. Только пальцы медленно сжались вокруг кисти.

— Нет, — тихо произнесла она.

Слово прозвучало ровно. Почти бесстрастно. Эйлара шагнула ближе. Настолько близко, что могла различить каждый мазок. Она знала эту технику.

Это был её почерк. Каждая линия принадлежала ей. Но она не помнила, чтобы писала это лицо. И самое страшное было не в этом. А в ощущении узнавания. Глубоком. Почти болезненным. Словно она смотрела на кого-то, кого когда-то знала лучше всех на свете.

В висках запульсировало. Перед глазами на долю секунды мелькнуло что-то чужое: чёрные ветви над головой, холодный камень, чьи-то пальцы, крепко сжимающие её руку. Образ исчез так же резко, как появился.

Кисть выскользнула из её пальцев и с глухим стуком упала на пол. В этот же миг за спиной раздался стук в дверь. Тишина рассыпалась. С улицы снова донёсся смех прохожих, звон посуды, крик торговца. Эйлара резко обернулась. Стук повторился.

— Открой! — Знакомый голос. Подруга.

Несколько секунд Эйлара стояла неподвижно, пытаясь выровнять дыхание. Затем наклонилась, подняла кисть, аккуратно положила её на стол. Только после этого подошла к двери и открыла. Подруга вошла стремительно, с привычной энергией. Но, взглянув на неё, сразу остановилась.

— Что случилось? — Спросила Мира.

Эйлара выдержала её взгляд. Лицо было спокойным. Слишком спокойным.

— Ничего.

— Ты бледная. — Подруга прищурилась.

— Просто устала. — Она сказала это ровно, почти холодно.

И только потом, сама не понимая зачем, чуть отступила в сторону. Позволяя увидеть картину. Подруга перевела взгляд на холст. И медленно побледнела.

Потому что мужчина на картине смотрел прямо на них. А в правом нижнем углу, там, где ещё утром было пусто, тёмной краской было выведено одно-единственное слово. Которое Эйлара точно не писала.

Несколько секунд в мастерской стояла тишина. Эйлара первой отвела взгляд от картины. Лицо её оставалось спокойным, хотя внутри всё сжалось в тугую, холодный узел. Она не любила необъяснимое. Не любила вещи, которые нельзя разобрать на факты, проверить, понять. И меньше всего она собиралась позволять какой-то картине диктовать ей, что чувствовать. Не говоря ни слова, Эйлара подошла к мольберту.

— Подожди. — Подруга дёрнулась, будто хотела её остановить.

Эйлара коротко подняла ладонь, заставляя замолчать. Её движения были медленными и точными. Она взяла лежавшее рядом белое полотно. Развернула его. На мгновение задержалась. Взгляд скользнул по лицу мужчины. Зелёные глаза на холсте будто смотрели прямо на неё. Спокойно. Выжидающе.

От этого взгляда по коже прошёл неприятный холод. Но выражение лица Эйлары не изменилось. Она резко накинула ткань на картину. Белое полотно опустилось, полностью скрывая изображение. Воздух в мастерской словно стал легче. Подруга шумно выдохнула.

Только тогда Эйлара положила ладони на деревянные края мольберта. С усилием сдвинула его в сторону. Ножки с глухим скрипом проехали по полу. Она отодвинула картину к дальней стене мастерской. Туда, где стояли старые, незавершённые работы. Туда, куда обычно убирала всё, к чему не собиралась возвращаться. Затем придвинула к ней ещё два больших холста.

Один с городским пейзажем. Другой с портретом пожилой женщины. Так, чтобы странная картина оказалась зажата между ними и исчезла из виду. Только после этого Эйлара выпрямилась. Поправила выбившуюся прядь тёмных волос.

— Всё. — Медленно повернулась к подруге. Её голос звучал ровно. Спокойно. Как будто ничего не произошло.

Подруга недоверчиво посмотрела сначала на неё, потом на заставленный угол мастерской.

— Ты серьёзно думаешь, что это решит проблему?

Эйлара подошла к столу. Взяла чистую тряпку и спокойно вытерла испачканные краской пальцы.

— Пока я не пойму, что это было, я не собираюсь делать поспешных выводов.

— Там только что появилось слово само по себе.

— Значит, есть объяснение.

— Конечно. Самое обычное объяснение для самопишущихся картин. — Подруга нервно усмехнулась.

— Паника никогда не помогает думать. — Эйлара подняла на неё холодный взгляд.

Подруга осеклась. Она слишком хорошо знала этот тон. Так Эйлара говорила всегда, когда внутри у неё всё было далеко не так спокойно, как казалось снаружи. Несколько секунд обе молчали.

Затем Эйлара подошла к окну и закрыла створки. Шум улицы приглушился. Она повернула ключ в замке двери. Задёрнула лёгкие льняные шторы. Мастерская погрузилась в мягкий полумрак. После этого она подошла к маленькому столику у стены. Спокойно поставила чайник на плитку. Щёлкнула спичкой. Синее пламя вспыхнуло ровным языком. Каждое движение было выверенным. Почти механическим.

— Ты ведь не в порядке. — Подруга наблюдала за ней, скрестив руки на груди.

Эйлара на секунду замерла. Потом поставила ладони на край стола и тихо ответила:

— Я не знаю. — Ответила она.

Это признание прозвучало почти шёпотом. Редко. Очень редко она позволяла себе такую честность. Она медленно обернулась. В её синих глазах больше не было привычной холодной отстранённости. Только сосредоточенность. И тревога, которую она больше не пыталась скрывать.

— Но я точно знаю одно.

— Что? — Спросила Мара.

Эйлара перевела взгляд на заставленный холстами угол. На то место, где скрывалась накрытая тканью картина. И тихо сказала:

— То, что было на этом полотне оно не хотело, чтобы я его закрасила.

В тот же миг из дальнего угла мастерской донёсся тихий звук.

Подруга вздрогнула так резко, что едва не опрокинула стоявшую на краю стола банку с кистями.

— Ты слышала?!

Эйлара медленно повернула голову в сторону заставленного холстами угла. Звук раздался снова. Тихое шуршание. Затем короткий скрежет.

— Нет. Нет, я туда не пойду. — Подруга инстинктивно шагнула ближе к ней.

Эйлара уже двинулась вперёд.

— Это может быть что угодно. — Сказала она спокойно.

— Да, например, твоя жуткая картина решила выбраться наружу.

— Или мышь.

— Очень смешно.

Не отвечая, Эйлара подошла к стопке холстов. На мгновение замерла. Потом резко отодвинула первый. Шуршание стало громче.

— Только не говори мне, что ты сейчас собираешься.. — Подруга зажмурилась.

Эйлара одним движением сдёрнула белое полотно. Из-за мольберта метнулось что-то маленькое, серое и стремительное.

— О боги! — Подруга вскрикнула и вскочила на ближайший стул.

Мышь молнией пересекла мастерскую, юркнула под шкаф и исчезла. Несколько секунд стояла тишина. Эйлара медленно выпрямилась. На её лице впервые за весь день мелькнула едва заметная тень улыбки.

— Мышь.

— Я тебя ненавижу. — Подруга сверху бросила на неё убийственный взгляд.

— За что? — Спросила Эйлара.

— За твоё это ледяное спокойствие! — Ответила подруга.

Эйлара спокойно вернула полотно на картину. На этот раз она не стала смотреть, что под ним. Только тщательно расправила ткань и снова задвинула холст к стене.

— Можешь слезать.

— Если ты кому-нибудь расскажешь об этом, я тебя придушу. — Подруга осторожно опустила на пол и сердито поправила платье.

— Учту.

Чайник тихо засвистел. Эйлара сняла его с огня и разлила кипяток по чашкам. Тонкий аромат жасмина быстро наполнил мастерскую. Они устроились за маленьким круглым столом у окна.

— Ладно. Давай поговорим о чём-то нормальном. — Подруга наконец расслабилась и, обхватив ладонями чашку, внимательно посмотрела на Эйлару.

— Например? — Эйлара подняла бровь.

— Например, о том, что сегодня в семь встреча с куратором.

— Какая встреча? — Она нахмурилась.

— Только не говори, что забыла. — Подруга закатила глаза.

Эйлара молча смотрела на неё.

— Выставка, — с нажимом напомнила та. — Весенняя экспозиция в городской галерее. Куратор хотел лично обсудить твои работы.

Эйлара чуть прикрыла глаза. Она действительно забыла. На фоне странного утра встреча совершенно вылетела из головы.

— В семь, — повторила она.

— Да. И если ты снова заявишься туда в своей рабочей рубашке, я лично вылью на тебя ведро ледяной воды.

— Она удобная.

— Она выглядит так, будто ты в ней спала на складе.

— Значит, идеально отражает мой внутренний мир. — Эйлара спокойно отпила чай.

— Иногда мне кажется, ты специально делаешь всё, чтобы отпугивать людей. — Подруга фыркнула.

— Работает безотказно.

Подруга уже открыла рот для ответа, когда в дверь постучали. Три уверенных, нетерпеливых удара. Эйлара мгновенно напряглась. Её лицо стало холоднее.

— Только не он. — Подруга заметила это и тяжело вздохнула.

Стук повторился. На этот раз настойчивее. А затем за дверью раздался знакомый мужской голос:

— Эйлара, я знаю, что ты дома.

Она медленно поставила чашку на блюдце.

— Прекрасно. — Взгляд стал ледяным.

— Хочешь, я скажу, что тебя нет? — Подруга сочувственно поморщилась.

— Нет. — Эйлара поднялась.

Спокойно расправила рукава. Подошла к двери и открыла её ровно настолько, чтобы перегородить собой проход.

На пороге стоял высокий молодой мужчина в дорогом тёмном пальто. Безупречно уложенные волосы. Самоуверенная улыбка. В одной руке большой букет белых лилий. В другой коробка из кондитерской. Он окинул её привычным оценивающим взглядом. Слишком долгим, наглым.

— Какое удачное совпадение. А я как раз проходил мимо. — Улыбнулся он шире.

— Ты живёшь в другом конце города. — Эйлара смотрела на него без малейшего выражения.

— Для тебя можно сделать крюк. — Он слегка наклонился вперёд, будто собирался поцеловать её в щёку.

Эйлара не сдвинулась. Не моргнула.

— Что тебе нужно? — Просто смотрела так холодно, что он остановился сам.

— Решил скрасить твой день. — Он протянул ей цветы.

— Не стоило. — Сказала она сухо.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что я всегда это имею в виду.

Подруга тихо хмыкнула за её спиной.

— Сегодня вечером я свободен. Можем поужинать. — Мужчина сделал вид, что не услышал.

— Нет. — Ответила она.

— Тогда после ужина прогуляемся.

— Нет. — Повторила Эйлара.

— Ты даже не дослушала. — Его улыбка стала чуть напряжённее.

Эйлара чуть склонила голову.

— Мне не нужно дослушивать, чтобы отказать. — Её голос прозвучал ровно и холодно.

— Ты слишком серьёзна. Однажды всё-таки согласишься. — Он усмехнулся. Так, будто считал её отказ частью игры.

Эйлара выдержала его взгляд. А потом тихо сказала:

— Нет.

На этот раз в её голосе было столько окончательности, что даже он на секунду растерялся. Но быстро вернул привычную самоуверенность.

— Что ж. Тогда увидимся на выставке в семь. — Он всё-таки сунул букет ей в руки.

Развернулся и пошёл вниз по лестнице, насвистывая что-то лёгкое и раздражающе беззаботное. Эйлара молча смотрела ему вслед. Потом закрыла дверь. И, не говоря ни слова, отнесла цветы к мусорному ведру.

— Жестоко. — Подруга проводила букет взглядом.

— Недостаточно. — Она вернулась к столу, села и спокойно взяла чашку.

— Когда-нибудь он всё-таки доведёт меня до того, что я сама спущу его с лестницы. — Подруга посмотрела на её внимательным взглядом.

— Можешь не утруждаться. Он достаточно самодоволен, чтобы однажды сделать это самостоятельно.

— И что он вообще в тебе нашёл? — Подруга невольно усмехнулась.

— Понятия не имею.

— О, я знаю. Ты единственная девушка в городе, которая не падает в обморок от его фамилии, дорогого пальто и этих его самодовольных улыбочек.

— Тогда ему стоило бы воспринимать это как полезный жизненный опыт. — Эйлара отпила чай.

— Он воспринимает это как вызов. — Ответила подруга.

— Его проблемы. — Эйлара пожала плечами.

— Иногда мне кажется, он искренне убеждён, что однажды ты просто проснёшься и внешне решишь: А ведь это именно тот человек, которого мне не хватало. — Подруга покачала головой.

— Это будет худшее утро в моей жизни.

Подруга рассмеялась. Напряжение последних минут постепенно рассеивалось.

— Ладно. Возвращаемся к важному. — Подруга поставила чашку на стол и чуть подалась вперёд.

Эйлара вопросительно подняла взгляд.

— К выставке. — Она устало прикрыла глаза.

— Только не говори, что ты сейчас снова начнёшь обсуждать мою одежду.

— Нет. Это мы обсудим позже, и выбора у тебя всё равно не будет.

— Тогда что? — Эйлара едва заметно качнула головой.

— Сегодняшняя встреча с куратором. Он хочет окончательно обсудить расположение твоих работ в главном зале.

— До открытия две недели. — Эйлара задумчиво провела пальцем по краю чашки.

— Именно. Поэтому всё нужно утвердить сегодня. Он хочет понять, какие полотна поставить в центральной линии, какие увести в боковые секции, и будет ли отдельный свет для твоего лесного цикла.

При этих словах взгляд Эйлары невольно скользнул к дальнему углу мастерской. Туда, где за другими холстами была спрятана накрытая картина. Перед глазами на мгновение всплыло утреннее воспоминание. Оранжевая. Спокойный голос незнакомца. Его слишком внимательный взгляд. Эйлара крепче сжала чашку. Фарфор оказался неожиданно холодным.

— Эй? — Голос подруги вернул её в реальность. — Ты меня вообще слушаешь?

— Да. — ответила Эйлара.

— Тогда повтори, что я сказала. — Спрашивает Мира.

— Куратор хочет утвердить расположение работ. Центральная линия, боковые секции и освещение. — Эйлара спокойно ответила.

— Значит, слушала. — Подруга прищурилась

— Я редко пропускаю важное.

— Но ты о чём-то задумалась. — Подруга всё ещё смотрела подозрительно.

Эйлара на секунду отвела взгляд к окну. Солнечный свет ложился на подоконник длинными золотыми полосами. Обычный день. И всё же внутри не отпускало странное ощущение, будто сегодняшний вечер уже давно был кем-то предreshён.

— Просто устала. — Она медленно поставила чашку.

Подруга не стала настаивать. Лишь вздохнула и поднялась со стула.

— Хорошо. Тогда допиваем чай, и через час я возвращаюсь.

— Зачем? — Эйлара подняла бровь.

Подруга посмотрела на неё так, словно ответ был очевиден.

— Затем, что если я оставлю тебя одну, ты либо забудешь про встречу, либо явишься туда в заляпанной краской рубашке.

— Меня устраивает оба варианта.

— Меня нет. — Возразила подруга.

Эйлара впервые за всё утро позволила себе едва заметную улыбку. Подруга удовлетворённо кивнула.

— Вот. Уже лучше. Значит, к шести будь готова. — Она направилась к двери, на ходу поправляя волосы. Уже взявшись за ручку, обернулась. — И пожалуйста, постарайся хотя бы сегодня не выглядеть так, будто собираешься на собственные похороны.

— Ничего не обещаю. — Ответила Эйлара глядя на чашку в руках. Подруга фыркнула и вышла. Дверь мягко закрылась. В мастерской снова стало тихо. Эйлара ещё несколько секунд сидела неподвижно. Потом медленно повернула голову к заставленному холстами углу. Смотрела долго. Спокойно. А затем тихо произнесла в пустоту. — Если это как-то связано с сегодняшним вечером я сама всё выясню.

Ответом была тишина.

К вечеру город изменился. Дневное золото исчезло, уступив место прохладному сизому сумраку. Узкие улицы уже освещались фонарями, в витринах отражались дрожащие огни, а влажная после короткого дождя мостовая поблёскивала под колёсами редких экипажей.

Эйлара стояла перед высоким зеркалом в мастерской. Тёмное платье сидело безупречно. Строгое, с длинными рукавами и прямым силуэтом. Ни одной лишней детали. Волосы были собраны наверх несколькими точными движениями, лишь несколько тёмных прядей мягко обрамляли лицо. Она выглядела именно так, как любила. Сдержанно. Безупречно.

Подруга, стоявшая у двери, удовлетворённо оглядела её с головы до ног.

— Вот видишь. Иногда ты всё-таки можешь выглядеть так, будто принадлежишь миру цивилизованных людей.

— Ты говоришь так, словно обычно я выгляжу как лесной отшельник. — Эйлара взяла перчатки со стола.

— Обычно ты выглядишь так, будто три ночи подряд не выходила из мастерской и вела войну с холстами.

Эйлара молча натянула перчатку.

— Но сегодня даже куратор не сможет придаться. — Подруга довольно улыбнулась.

Эйлара ничего не ответила. Она подошла к окну. На стекле дрожали отражения фонарей. И в этот момент в памяти снова прозвучал голос. «Не ходите сегодня вечером в галерею». Её пальцы едва заметно замерли на застёжке второй перчатки. Перед внутренним взглядом всплыла оранжерея. И глаза незнакомца, смотревшие прямо на неё. «Потому что после этого вы уже не сможете делать вид, что ничего не происходит.»

По позвоночнику прошёл лёгкий холодок. Эйлара медленно выпрямилась. Она ненавидела это чувство. Ощущение, будто кто-то знает о её жизни больше, чем она сама. Будто какой-то незнакомец посмел заранее определить её выбор.

— Эй. — Подруга подошла ближе. — Ты опять задумалась.

— Всё в порядке. — Эйлара отвела взгляд от окна. Лицо её было совершенно спокойным.

— Ты сегодня это слишком часто повторяешь.

— Потому что это правда.

Подруга смотрела ещё секунду, словно собиралась возразить. Но потом только вздохнула.

— Хорошо. Тогда идём, пока не опоздали.

Эйлара взяла с кресла тёмное пальто. Накинула его на плечи. Перед тем как выйти, её взгляд невольно скользнул в дальний угол мастерской. Картина всё ещё была скрыта под белым полотном. Она задержалась лишь на мгновение. Затем решительно отвернулась.

— Идём. — Сказала она.

Дорога до галереи заняла меньше двадцати минут. Они шли по освещённым улицам, и подруга почти без умолку говорила о предстоящей экспозиции, о слухах вокруг нового куратора, о том, что половина местных художников уже заранее ему не нравится.

Эйлара слушала вполуха. Мысли снова и снова возвращались к словам из оранжереи. Не ходите сегодня вечером в галерею. Почему именно галерея? Что могло там произойти?

Когда они свернули на широкую площадь, здание городской галереи возникло впереди во всей своей строгой красоте.

Высокие арочные окна светились тёплым светом. Каменные колонны уходили вверх, теряясь в вечерней дымке. У парадного входа уже стояли экипажи. Слышались голоса. Смех. Приглушённая музыка.

— Ну вот. — Подруга коснулась её локтя.

Эйлара остановилась у подножия широких ступеней. И внезапно почувствовала странное напряжение в воздухе. Будто сама ночь затаила дыхание. Продолжи дальше. Она медленно подняла взгляд на окна второго этажа. И на одно короткое, почти неуловимое мгновение ей показалось, что в дальнем тёмном проёме кто-то стоит. Высокий мужской силуэт. Неподвижный. Наблюдающий. Сердце глухо ударило о рёбра.

Она моргнула. Силуэт исчез.

— Эйлара? — Подруга уже поднималась по ступеням и вопросительно обернулась.

Эйлара ещё секунду смотрела на тёмное окно. А потом, подавив холодный всплеск тревоги, спокойно поднялась следом. Как только её нога коснулась последней ступени, тяжёлые двери галереи распахнулись внутрь.

Тёплый свет мягко вылился на верхние ступени. Изнутри доносился приглушённый гул голосов, звон бокалов и тихая музыка струнного квартета.

Подруга первой шагнула в просторный вестибюль. Эйлара вошла следом. Она сразу ощутила знакомую атмосферу выставочных вечеров, запах полированного дерева, свежих цветов и дорогого вина.

Высокие своды уходили вверх, теряясь в золотистом полумраке. На стенах мерцали бра. По залу неспешно двигались гости, художники, коллекционеры, меценаты, те, кто привык обсуждать искусство с важным видом и бокалом шампанского в руке.

— Держись ближе. Если нас первым заметит Хейз, вечер можно считать потерянным. — Подруга слегка коснулась её локтя.

Эйлара едва заметно кивнула. Она скользила взглядом по залу. Внимательно. Искала она не Райана. Не куратора. А сама не понимала кого. Будто ожидала снова увидеть тот неподвижный силуэт.

— Эйлара! — Громкий голос заставил её обернуться.

К ним быстрым шагом направлялся высокий худощавый мужчина лет сорока в идеально сидящем сером костюме. Безупречно уложенные волосы. Тонкие очки. Лицо человека, привыкшего оценивать всё одним коротким взглядом.

Куратор. Он широко улыбнулся, протягивая руку.

— Наконец-то. Я уже начал думать, что вы решили проигнорировать нас.

— У меня не было такой привычки. — Эйлара спокойно пожала его ладонь.

— Именно поэтому я так ценю работу с вами. — Он усмехнулся.

Подруга довольно фыркнула, будто лично отвечала за эту репутацию.

— Благодарю, что всё-таки вытащили её из мастерской. — Куратор повернулся к ней.

— Это был тяжёлый бой, — серьёзно ответила подруга.

Эйлара бросила на неё сухой взгляд. Куратор рассмеялся и жестом пригласил их пройти в главный зал.

— Идёмте. Я хочу показать предполагаемую развеску.

Они двинулись через галерею. По пути несколько человек останавливались, чтобы поприветствовать Эйлару. Она отвечала короткими вежливыми кивками. Без лишних слов. Подруга привычно брала разговоры на себя.

Главный выставочный зал оказался просторным, почти торжественным. Высокие белые стены. Мягкий направленный свет. По центру уже стояли временные перегородки, обозначающие будущую композицию.

Куратор остановился у большого плана экспозиции, закреплённого на мольберте.

— Итак. — Он взял указку и провёл ею по схеме. — Ваши работы займут восточное крыло. Три полотна здесь. Два здесь. А центральная стена, — Он поднял взгляд на Эйлару. — Для вашей новой лесной серии.

— Лесной серии? — Она чуть напряглась.

— Конечно. — Он удивлённо приподнял брови. — Вы же сами настояли, чтобы именно она стала смысловым центром экспозиции.

Эйлара медленно перевела взгляд на подругу. Та нахмурилась.

— Вообще-то да. Ты говорила, что хочешь поставить её в центр.

Эйлара ничего не ответила. Она не помнила этого разговора. Совсем. Куратор уже продолжал, не замечая перемены в её лице:

— Особенно то последнее полотно. Мужская фигура у каменного круга. Оно производит удивительно сильное впечатление.

По спине Эйлары прошёл холодок. Перед глазами снова вспыхнули слова из оранжереи. *«После этого вы уже не сможете делать вид, что ничего не происходит.»* Её пальцы непроизвольно сжались.

— Простите, — спокойно сказала она. — Какое последнее полотно?

— То, которое вы прислали вчера вечером для каталога. — Куратор удивлённо посмотрел на неё.

Мир вокруг будто на секунду стал тише.

— Ты отправила работу и ничего мне не сказала? — Подруга резко повернулась к ней.

— Я ничего не отправляла. — Эйлара медленно покачала головой.

Куратор коротко усмехнулся, решив, что это шутка.

— Очень смешно. — Но, увидев выражение её лица, замолчал. В его взгляде появилось замешательство. — Подождите разве это не ваша работа? — Он повернулся к помощнице, стоявшей неподалёку. — Принесите каталог.

Девушка быстро подошла и протянула ему тяжёлую папку. Куратор открыл её. Несколько секунд перелистывал страницы. Затем развернул к Эйларе.

На плотной матовой бумаге была фотография картины. Её картины. Тот самый лес. Тот самый каменный круг. И мужчина.

Но теперь лицо было видно отчётливо. Светлые волосы. Резкие черты. Изумрудный взгляд.

У Эйлары перехватило дыхание. Это было то самое лицо. С её холста. Под изображением чёрными буквами значилось название работы: «Возвращение». А ниже — имя человека, изображённого на полотне.

Её взгляд остановился на нём. И в ту же секунду в висках резко запульсировало. Галерея качнулась перед глазами. Где-то совсем рядом подруга тревожно произнесла её имя. Но Эйлара уже почти не слышала. Потому что из дальнего конца зала, за приоткрытой дверью реставрационной комнаты, до неё донёлся знакомый спокойный голос:

— Я предупреждал вас.

От этого знакомого тембра у Эйлара внутри всё резко сжалось. Она медленно подняла голову. У дальней стены, в полумраке приоткрытого дверного проёма, действительно стоял Люциан.

Скрестив руки за спиной, он смотрел прямо на неё. Так, словно заранее знал каждую секунду этого вечера.

Подруга первой заметила, куда устремлён её взгляд.

— Эйлара? — Позвала она её.

Она не ответила.

— Вы знакомы? — Куратор нахмурился.

Эйлара резко закрыла каталог. Слишком резко. Плотная обложка хлопнула так громко, что несколько гостей обернулись.

— Простите. — Её голос звучал ровно. Она передала каталог куратору. — Мне нужно на минуту выйти.

— Подожди. Что происходит? — Подруга схватила её за локоть.

— Ничего. — Эйлара аккуратно высвободила руку.

— Это уже становится твоим любимым словом. — Сказала Мира.

Но она уже шла через зал. Спокойным шагом. Только внутри всё было натянуто до предела. Она чувствовала на себе взгляды гостей. Слышала шёпот за спиной. Но продолжала идти, не ускоряясь.

Когда Эйлара подошла к двери реставрационной комнаты, мужчина не сдвинулся с места. Лишь слегка склонил голову.

— Вы всё-таки пришли. — Сказал Люциан.

Она остановилась в шаге от него. Вблизи его лицо казалось ещё более непроницаемым. Спокойным. Сдержанным. Только в серых глазах читалась усталость. Слово этот вечер дался ему не легче, чем ей.

— Это вы сделали? — тихо спросила Эйлара.

— Нет. — Ответил он.

— Тогда откуда вы знали?

Он молчал несколько секунд. Потом медленно отступил в сторону, освобождая проход в полутёмную комнату.

— Если хотите получить ответы, войдите.

Эйлара даже не посмотрела на дверной проём. Её взгляд оставался прикован к нему.

— Я не имею привычки идти за людьми, которые появляются из ниоткуда и знают обо мне слишком много.

— Знаю.

— Тогда говорите здесь.

— Не могу. — Он чуть заметно покачал головой.

Эта спокойная уверенность снова вывела её из себя.

— Хватит. — Голос её стал холоднее. — Сначала письмо. Потом ботанический сад. Теперь это. — Она коротко указала в сторону зала. — Моё полотно, которое я не отправляла. Имя человека, которого я никогда не видела. И вы, появляющийся именно в тот момент, когда мне показывают каталог. — Она сделала шаг ближе. Взгляд её был прямым и жёстким. — Либо вы немедленно объясняете, что происходит, либо я вызываю охрану.

Несколько секунд он просто смотрел на неё.

— Хорошо. — Он чуть повернул голову в сторону комнаты. — Тогда смотрите. — И сделал шаг внутрь.

После короткой паузы Эйлара последовала за ним. Реставрационная комната встретила их полумраком и запахом старого лака. Здесь было тихо. Слишком тихо после шума зала. У

дальней стены стоял высокий деревянный мольберт. На нём большое полотно, скрытое плотной тёмной тканью.

Эйлара остановилась. Мужчина подошёл к картине. Положил ладонь на край ткани. Обернулся к ней.

— Что бы вы ни увидели сейчас, постарайтесь не отворачиваться.

— Не командуйте мной.

В его глазах мелькнула тень чего-то почти похожего на грустную усмешку.

— Даже сейчас. — Он резко сдёрнул ткань.

Полотно открылось. И у Эйлары перехватило дыхание. Старинный портрет. Потемневший от времени. Но лицо на нём было абсолютно узнаваемым.

Тот самый мужчина. Тот, которого она рисовала. Под портретом золотой вязью была выведена дата четырёхвековой давности. И имя. В тот миг, когда её взгляд коснулся букв, воздух словно выбило из лёгких. Мир вокруг исчез.

Перед глазами вспыхнула чужая ночь. Чёрный лес. Древние деревья. Холодный камень под босыми ногами. Чьи-то сильные руки, удерживающие её за плечи. То же самое лицо. Слишком близко. Губы мужчины шевельнулись. И она услышала его голос.

— Прости меня.

Эйлара резко вдохнула. Реальность обрушилась обратно. Она пошатнулась. Но прежде чем успела упасть, сильная рука подхватила её. Мужчина удержал её за талию.

— Спокойно. — Сказал Люциан.

Эйлара тут же отстранилась. Сделала шаг назад. Дыхание сбилось. Сердце колотилось так сильно, что больно отдавалось в висках.

— Что это было? — Спросила она.

Он смотрел на неё внимательно. И впервые за весь вечер в его голосе прозвучала настоящая тяжесть.

— Ваше воспоминание. — Ответил он.

За дверью раздались быстрые шаги. Голос подруги:

— Эйлара?!

Она уже почти добралась до комнаты. Мужчина резко поднял взгляд к двери. Его лицо мгновенно изменилось. Стало жёстким.

— У нас мало времени, — тихо сказал он.

— Для чего? — Эйлара всё ещё тяжело дышала.

Он посмотрел прямо ей в глаза. И произнёс:

— Потому что он почувствовал, что вы начали вспоминать.

Слова Люциана повисли в полумраке реставрационной комнаты. Эйлара несколько секунд просто смотрела на него. Её дыхание постепенно выравнивалось, но сердце всё ещё билось слишком быстро. Она машинально прижала ладонь к груди, словно пытаясь унять этот глухой, болезненный ритм.

— Что значит *вспоминать*? — тихо спросила она.

Люциан не ответил сразу. Он стоял напротив, неподвижный, собранный, и его серые глаза внимательно следили за каждым изменением на её лице. Будто он оценивал, сколько правды она сейчас способна выдержать.

Эйлара сделала шаг к портрету. Старинное полотно потемнело от времени, но лицо на нём оставалось удивительно чётким. Она подняла руку, почти коснулась холста и тут же остановилась, не дотронувшись. Пальцы дрогнули.

— Я видела его, — тихо произнесла она. — На своей картине.

— Да. — Люциан кивнул.

— я всегда писала его лицо.

— Писали.

— Не надо говорить загадками. — Она резко повернулась к нему. Голос прозвучал холоднее, чем обычно. — Кто вы такой?

Люциан выдержал её взгляд. Без тени раздражения.

— Меня зовут Люциан.

— Это имя я уже слышала. — Она сделала ещё шаг ближе. — Я спрашиваю не это.

На мгновение между ними повисло напряжённое молчание. Потом он тихо произнёс:

— Я тот, кто слишком долго ждал вашего возвращения.

Эйлара нахмурилась. Эта фраза прозвучала не как попытка произвести впечатление. Не как игра. В его голосе была усталость.

Она отвернулась от него и снова посмотрела на портрет. Взгляд медленно скользнул вниз. К золотой табличке под рамой. К имени. К дате. И ниже, в самом углу, почти незаметно, к выцветшим инициалам, выведенным тонкой вязью.

Её дыхание сбилось. Эти буквы Она знала их. Хотя не могла понять откуда. Пальцы сами собой потянулись к раме.

— Эти инициалы, — прошептала она.

— Что вы видите? — Люциан чуть напрягся.

Эйлара не отрывала взгляда. Буквы расплывались перед глазами. Но странное узнавание становилось только сильнее. Словно когда-то она часами выводила их на бумаге. Снова и снова.

— Я не знаю. — Она нахмурилась. — Но они мне знакомы.

Люциан хотел что-то сказать. Именно в этот момент дверь распахнулась.

— Эйлара! — В комнату стремительно вошла подруга. Щёки её порозовели от быстрого шага, а в глазах читалась тревога. Она резко остановилась, переводя взгляд с Эйлары на Люциана. Затем на старинный портрет. И её лицо тут же стало подозрительным. — Что здесь происходит?

Эйлара мгновенно выпрямилась. Словно внутренняя буря, только что захлестнувшая её, за одно мгновение скрылась под привычной ледяной собранностью.

— Ничего. — Ответила она.

— Опять? — Подруга прищурилась

— Мне просто стало нехорошо.

— И поэтому ты ушла в какую-то полутёмную комнату с незнакомым мужчиной?

Эйлара бросила короткий взгляд на Люциана. Он молчал. Стоял в стороне. Будто прекрасно понимал, что сейчас не время.

— Ты в порядке? — Подруга шагнула ближе к Эйларе.

— Да. — Ответила она.

— Ты бледная.

— Просто голова закружилась.

Подруга явно не поверила. Но прежде чем успела что-то ответить, в коридоре послышались быстрые шаги. На пороге появился куратор. Взволнованный.

— Вот вы где. — Он перевёл взгляд на Эйлару. — Всё хорошо?

— Да, — спокойно ответила она.

Он облегчённо выдохнул.

— Прекрасно. Потому что через пять минут нам нужно обсудить окончательную схему развески. Коллекционеры уже ждут в восточном зале.

Эйлара невольно обернулась к Люциану. Тот смотрел прямо на неё. И едва заметно покачал головой. Словно без слов предупреждая: *не сейчас*.

— Я иду. — Она отвела взгляд.

— Даже не думай снова исчезнуть. — Подруга тут же взяла её под руку.

— Не собираюсь. — Ответила Эйлара.

Куратор уже развернулся к выходу. Подруга последовала за ним, всё ещё бросая на Люциана настороженные взгляды.

Эйлара задержалась на пороге. Она обернулась. Люциан стоял у портрета, положив ладонь на край старой рамы. Его лицо снова стало непроницаемым. Но прежде чем она ушла, он тихо произнёс:

— Посмотрите на восточную стену.

— Зачем? — Она замерла.

Его взгляд стал тяжёлым. Почти мрачным.

— Потому что именно там всё начнётся.

И прежде чем Эйлара успела что-то спросить, подруга раздражённо окликнула её из коридора:

— Эйлара!

Она резко отвернулась и вышла из комнаты. Но пока шла следом за куратором по освещённому коридору, её мысли снова и снова возвращались к словам Люциана. «Посмотрите на восточную стену».

Эйлара шла рядом с куратором по длинному освещённому коридору. Её шаги были ровными. Только внутри всё ещё отдавалось тяжёлым эхом после увиденного в реставрационной комнате. Подруга не отпускала её локоть, будто боялась, что она снова исчезнет.

— Ты точно в порядке? — тихо спросила Мира.

— Да.

— Ты выглядишь так, словно увидела призрака.

— Ты слишком драматизируешь. — Эйлара коротко посмотрела на неё.

Мира прищурилась, но ничего не ответила.

Впереди куратор уже распахнул двойные двери восточного зала. Пространство оказалось просторнее главного. Высокие окна были скрыты тяжёлыми бархатными шторами, и зал освещали только настенные бра и направленные лампы. Мягкий золотистый свет ложился на белые стены, оставляя в углах густые тени.

Куратор остановился у дальней стены. Обернулся к ним и широко развёл руками.

— Вот. — Его голос звучал почти торжественно. — Центральная ось вашей экспозиции.

Эйлара почувствовала, как по спине медленно пробежал холод. Слова Люциана вспыхнули в памяти. *Посмотрите на восточную стену.*

Куратор уже увлечённо говорил, указывая на схему.

— Здесь мы разместим три ваших больших полотна. Свет пойдёт сверху, под углом. Это усилит глубину лесных композиций. А в центре. — Он сделал паузу и с заметным удовольствием посмотрел на пустой участок стены. — Центр композиции займёт историческое полотно из частной коллекции. Для контраста. Это создаст сильный диалог между прошлым и современным взглядом.

Эйлара почти не слушала. Что-то внутри медленно, мучительно сжималось. Тревога росла с каждой секундой.

И вдруг Мира резко дёрнула её за рукав. Так сильно, что Эйлара невольно повернула голову. Подруга смотрела прямо вперёд. Лицо её стремительно бледнело.

— Эйлара, — выдохнула она.

В её голосе звучал почти животный страх. Эйлара проследила за её взглядом. И замерла. На восточной стене висел большой старинный диптих. Две фигуры на потемневшем от времени полотне. Слева молодой мужчина. Тот, кого она рисовала. Тот, кого только что видела в реставрационной комнате. Тот, чьё лицо отпечаталось где-то глубоко внутри неё.

А справа. Она. Нет. Не она. Но девушка на портрете была похожа на неё так пугающе сильно, что на мгновение у Эйлары перехватило дыхание. Те же тёмные волосы. Те же черты

лица. Только выражение было другим. Мягче. Теплее. И в этих нарисованных глазах жила такая тихая нежность, что у Эйлары внутри всё болезненно сжалось.

Мира медленно перевела на неё взгляд. Их глаза встретились. Взгляд подруги был полон немого вопроса. Эйлара не могла произнести ни слова.

Куратор заметил их реакцию.

— Поразительное сходство, правда? — Он сначала нахмурился, потом усмехнулся.

— Это.. это кто? — Мира нервно сглотнула.

Куратор подошёл ближе к картине. Сложил руки за спиной и, как всегда, с удовольствием заговорил тоном человека, рассказывающего любимую легенду.

— Один из самых загадочных артефактов нашей галереи. — Он указал на мужчину. — Каэль Морвелейн. Молодой маг из древнего рода. — Затем перевёл ладонь к женской фигуре. — И его невеста. Эйлара.

У Эйлары потемнело в глазах. Имя прозвучало как удар. Мира резко повернулась к ней. Их взгляды снова встретились. На этот раз в глазах подруги был уже не просто страх. А настоящее потрясение.

Куратор, не замечая происходящего, продолжал:

— Полотно датируется четырьмястами годами назад. — Он указал на нижний край рамы. Там золотыми буквами была выведена дата. Ровно четыреста лет. — Согласно хроникам, они исчезли в ночь весеннего равноденствия в Священном лесу. История довольно мрачная. — Он чуть улыбнулся. — Как раз то, что публика так любит.

— Что с ними случилось? — тихо спросила Мира.

— Точно никто не знает. — Куратор пожал плечами. Говорят, девушка тяжело заболела. Каэль пытался спасти её с помощью запретного ритуала у древнего алтаря. После той ночи их больше никто не видел. Одни считали, что они погибли. Другие — что лес забрал их.

В зале вдруг стало очень тихо. Эйлара смотрела на лицо девушки. На собственные черты, запечатлённые на чужом древнем полотне. И в груди поднималось странное, тяжёлое чувство. Словно она смотрела не на картину. А в зеркало, показывающее чужую, давно забытую жизнь.

— Это невозможно, — едва слышно выдохнула Мира.

— Всё в порядке? — Куратор наконец насторожился.

Эйлара не ответила. Её взгляд был прикован к нижней части рамы. К тонкой золотой надписи под именами. Она сделала шаг ближе. Медленно подняла руку. Кончики пальцев почти коснулись старого лака. И в этот момент за её спиной тихо прозвучал знакомый голос:

— Теперь вы понимаете, почему я просил вас не приходить.

Эйлара резко обернулась. У входа в зал стоял Люциан. А его взгляд был прикован не к ней. К портрету.

— Нет, — ровно произнесла она. — Я понимаю лишь одно.

— И что же? — Люциан чуть склонил голову.

— Что вы очень хорошо подготовили этот спектакль. — Она сделала шаг к нему.

Мира резко перевела взгляд с неё на Люциана.

— Простите?.. — Куратор недоумённо нахмурился.

Эйлара даже не посмотрела на него. Она продолжала говорить, не отрывая глаз от Люциана:

— Письма. Ботанический сад. Истории о древнем лесу. Портреты. Совпадения, рассчитанные до мелочей. Её голос стал жёстче. — И если вы рассчитываете, что я поверю в этот абсурд, то напрасно.

— Вы правда думаете, что всё это можно было подстроить? — Люциан не дрогнул.

— Я не знаю, кто вы такой, — отчеканила Эйлара. — Но знаю одно: я не собираюсь иметь ничего общего с вашими безумными играми.

— Эйлара. — Мира нервно коснулась её локтя.

Но та уже не слушала.

— Мне безразлично, чего вы добиваетесь, — продолжила она. — И если вы ждёте, что я поверю в сказки о четырёхстах годах и переселении душ, вы ошиблись адресом.

Люциан медленно выпрямился. Лицо его стало жёстче. Спокойствие осталось, но теперь в нём чувствовалась какая-то тяжёлая неизбежность.

— Это не игра, — тихо сказал он.

— Конечно. — Её губы дрогнули в короткой холодной усмешке. — Именно так обычно и говорят безумцы.

Несколько секунд он молчал. Потом произнёс ровно, почти без эмоций:

— Вы можете не верить мне.

— И не верю.

— Можете уйти отсюда.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Люциан слегка наклонил голову. И сказал тихо, почти шёпотом:

— Но избежать этого уже не получится.

От этих слов по спине Эйлары пробежал холод. Она резко сжала пальцы. Но выражение её лица не изменилось. В этот момент куратор наконец пришёл в себя и поспешно вмешался.

— Думаю, на сегодня исторических драм достаточно. — Он неловко улыбнулся и развёл руками. — Эйлара, вас уже ждут в центральном зале. Несколько коллекционеров хотят лично обсудить ваши работы. И, если честно, фуршет уже начинается. Он бросил настороженный взгляд на Люциана. — Нам лучше вернуться.

— Да. Пойдём. — Мира тут же крепко взяла Эйлару под руку. — Эйлара не сопротивлялась. Только ещё секунду смотрела на Люциана. Его взгляд оставался неподвижным. Слишком спокойным. — Пошли, пожалуйста. — Мира тихо, но настойчиво потянула её к выходу.

Эйлара резко отвернулась. И больше не оглядывалась. Она позволила вывести себя из зала. Шла рядом с Мирой по длинному освещённому коридору, слыша позади удаляющиеся шаги куратора и постепенно возвращающийся шум галереи. Смех. Музыка. Гул голосов. Будто несколько минут назад она не стояла перед портретом собственной точной копии, написанным четырьмя годами назад. У входа в центральный зал Мира тихо спросила:

— Ты правда думаешь, что это всё случайность?

Эйлара не замедлила шаг.

— Я думаю, что у всего есть объяснение. — Ответила она.

— А если нет? — Мира посмотрела на неё с сомнением.

Эйлара впервые за весь путь слегка запнулась. Но тут же продолжила идти.

— Тогда я сама его найду.

Центральный зал встретил их мягким светом и приглушённым гулом разговоров. После напряжённой тишины восточного крыла этот шум казался почти спасительным. Официанты в тёмной форме неспешно скользили между гостями с подносами. В воздухе смешивались запахи вина, воска и свежих белых лилий, расставленных вдоль колонн. Куратор, будто стараясь окончательно стереть неловкость последних минут, сразу оживился.

— Ну вот, совсем другое дело. — Он улыбнулся Эйларе и жестом указал на группу людей у дальней стены. — Там вас уже ждут.

Эйлара коротко кивнула. Только Мира, шедшая рядом, заметила, как сильно побелели её пальцы, сжимающие тонкую ручку бокала.

— Ты можешь просто уйти, — тихо сказала она.

— Нет. — Эйлара даже не посмотрела на неё.

— После всего этого?

— Именно после этого.

— Ты невозможная. — Мира тяжело вздохнула.

— Знаю.

Куратор уже подвёл их к небольшой компании.

— Господа, позвольте представить автора, о которой я вам весь вечер говорил.

Несколько мужчин и две женщины сразу повернулись к Эйларе. Посыпались вежливые приветствия. Compliments. Замечания о её последней серии.

Она отвечала спокойно. Сдержанно. Точно. Ни одно слово не было лишним. Со стороны никто бы не догадался, что внутри у неё всё ещё эхом звучал голос Люциана. *Вы можете уйти отсюда. Но избежать этого уже не получится.*

— Госпожа Эйлара, — произнёс седовласый коллекционер, поправляя очки, — должен признаться, ваше новое полотно произвело на меня сильнейшее впечатление.

— Новое? — Она медленно перевела на него взгляд.

— То самое. Из каталога. — Он улыбнулся. — «Возвращение». Поразительная работа.

Кровь будто на миг застыла в жилах.

— Благодарю. — Эйлара удержала лицо неподвижным.

— Особенно необычно, — продолжил мужчина, — что вы отошли от привычной безлюдности своих лесных пейзажей. Такой выразительный мужской образ это смелый шаг.

Мира резко посмотрела на неё. Эйлара почувствовала этот взгляд, но не повернулась. Коллекционер продолжал:

— Хотя, признаюсь, мне показалось, будто в этом лице есть что-то удивительно личное.

— Искусство всегда личное, — спокойно ответила Эйлара.

— Именно поэтому оно и ценно. — Он довольно кивнул.

Разговор плавно перетёк к другим темам. Куратор обсуждал освещение. Кто-то спрашивал о будущих работах. Кто-то о возможности частного показа.

Эйлара отвечала автоматически. Чётко. Спокойно. Но мысли снова и снова возвращались к одному. Она не отправляла это полотно. Не фотографировала его. Даже не завершала. И всё же оно оказалось в каталоге. С названием, которого она никогда не давала.

«Возвращение».

Мира, воспользовавшись паузой, тихо наклонилась к ней.

— Нам нужно поговорить.

— Позже. — Сказала она.

— Нет, сейчас.

— Не сейчас, Мира.

— Ты правда собираешься делать вид, что всё нормально? — Подруга нахмурилась.

— А что ты предлагаешь? — Эйлара впервые за вечер посмотрела на неё прямо.

Мира замолчала. Потому что ответа у неё не было. В этот момент у входа в зал раздался знакомый самоуверенный голос:

— Ну надо же. А я уж решил, что опоздал.

Эйлара даже не обернулась.

— Только не он. — Мира тихо простонала.

К ним уверенной походкой приближался Райан Хейз. Высокий. Безупречно одетый. С привычной самодовольной полуулыбкой. В руках он держал букет тёмно-красных роз. Подойдя, он первым делом протянул цветы Эйларе.

— Для самой обсуждаемой художницы вечера.

Она спокойно перевела взгляд на букет. Потом на него.

— Ты зря потратил деньги.

— И тебе добрый вечер. — Райан усмехнулся.

— Я не возьму их.

— Как и всегда. — Он легко пожал плечами и передал букет растерянному официанту.

— Придётся украсить ими чей-то стол.

— Райан, ты когда-нибудь устаёшь? — Мира закатила глаза.

— Только если день прошёл без попытки поговорить с Эйларой. — Он повернулся к ней.

В его взгляде мелькнуло что-то внимательное. — Ты бледная.

— Какое наблюдение. — Холодно ответила она.

— Что-то случилось? — Спросил Райан,

— Нет.

— Врёшь. — Он прищурился

— Мы не настолько близки, чтобы ты это комментировал. — Эйлара холодно посмотрела на него.

На мгновение в его лице мелькнуло раздражение. Но он быстро вернул привычную лёгкость.

— Ладно. — Он кивнул в сторону бокового столика с шампанским. — Тогда хотя бы выпей со мной за успех выставки.

— Нет.

— Это был не вопрос.

— А это был ответ.

Мира тихо хмыкнула. Райан открыл рот, собираясь что-то сказать, но в этот момент взгляд Эйлары случайно скользнул поверх его плеча. Через толпу. К арке, ведущей в восточное крыло. Там, в полутени колонны, стоял Люциан.

Он не смотрел на гостей. Не разговаривал ни с кем. Его взгляд был прикован только к ней. И в этом взгляде читалось предупреждение.

Эйлара резко отвела глаза.

— Извини, Райан. — Её голос прозвучал неожиданно ровно. — Мне нужен воздух.

И прежде чем кто-либо успел её остановить, она поставила бокал на ближайший стол и направилась к выходу на открытую галерею.

— Эйлара, подожди. — Мира сразу шагнула следом.

Но та уже вышла в прохладный ночной воздух. Остановилась у каменной балюстрады. Крепко сжала её пальцами. И впервые за весь вечер позволила себе закрыть глаза. Потому что внутри становилось всё труднее делать вид, что ничего не происходит.

Она медленно выдохнула. Пальцы крепче сжали холодный камень. Ей нужно было всего несколько минут тишины. Всего несколько минут, чтобы привести мысли в порядок.

Но тяжёлая дверь за спиной открылась почти сразу. Эйлара даже не обернулась. По уверенным шагам она уже знала, кто вышел следом.

— Ты всегда вот так сбегаеть посреди разговора? — Голос Райана прозвучал с привычной насмешкой.

— Я не помню, чтобы мы разговаривали. — Она продолжала смотреть вперёд.

Он остановился рядом. Слишком близко. Настолько, что она уловила терпкий запах его парфюма.

— Ты избегаешь меня.

— Это не требует особых усилий.

— Всё такая же. — Райан тихо усмехнулся.

Эйлара медленно повернула голову. Её взгляд был ровным. Холодным.

— Райан, вернись в зал.

— А если не хочу?

— Тогда это уже твоя проблема.

Он смотрел на неё несколько секунд. В его лице что-то изменилось.

— Знаешь, что меня раздражает в тебе больше всего? — Привычная самодовольная улыбка стала жёстче. — Эйлара молчала. Райан сделал ещё шаг. Теперь между ними почти

не осталось расстояния. — Ты ведёшь себя так, будто все вокруг ниже тебя. — Его челюсть напряглась.

— Если тебя это задевает, возможно, стоит задуматься почему.

В следующую секунду он резко перехватил её за запястье. Сильно. Так, что пальцы болезненно впились в кожу. Эйлара не вздрогнула. Только её взгляд стал ещё холоднее.

— Отпусти. — Сказала она, смотря прямо в его глаза.

— Нет. — Голос Райана стал грубее. Лишился прежней ленивой лёгкости. — Хоть раз перестань делать вид, что тебе всё равно.

Она попыталась высвободить руку. Но хватка стала только крепче.

— Райан. — Её голос прозвучал тихо. Опасно спокойно. — Убери руки.

Он наклонился ближе. Пальцы второй руки резко скользнули к её волосам, сжав пряди у затылка и заставляя слегка запрокинуть голову. Не больно. Но достаточно жёстко. Демонстративно.

— Ты думаешь, можешь смотреть на меня так, будто я пустое место?

Эйлара встретила его взгляд без малейшего страха.

— Если отпустишь сейчас, у тебя ещё останется шанс сохранить остатки достоинства.

— Всё шутишь. — Он усмехнулся. Но в этой усмешке уже не было веселья.

— Нет. — Её голос был ледяным. — Я предупреждаю.

— И что ты сделаешь? — Райан провёл большим пальцем по её подбородку, удерживая волосы.

На секунду воцарилась тишина. Затем Эйлара резко подалась вперёд и с холодной точностью ударила каблуком по его ступне. Райан выругался и инстинктивно ослабил хватку. Этого хватило. Она мгновенно вырвала руку, отступила на шаг и выпрямилась. Лицо оставалось совершенно спокойным. Только глаза потемнели.

— Никогда, — отчётливо произнесла она, — не прикасайся ко мне без разрешения.

Райан тяжело выдохнул, потирая ногу. На его лице мелькнуло раздражение. Потом — почти злое восхищение.

— Вот за это ты мне и нравишься.

— Мне безразлично, что тебе нравится.

Он шагнул к ней снова. Но в этот момент дверь балкона резко распахнулась. На пороге появилась Мира. Её взгляд метнулся от Эйлары к Райану.

— Что здесь происходит? — Лицо мгновенно похолодело.

Райан тут же отступил. Вернул на лицо ленивую усмешку.

— Ничего особенного. — Ответил он.

— Неужели? — Мира перевела взгляд на покрасневшее запястье Эйлары. И её глаза опасно сузились. — Райан.

— Мы просто разговаривали. — Он пожал плечами.

— Уже закончили. — Эйлара спокойно поправила выбившуюся прядь.

Мира подошла ближе. Встала рядом с ней. Так, чтобы оказаться между ними.

— Тогда тебе лучше вернуться в зал.

Райан задержал взгляд на Эйларе. В его глазах читалось что-то тяжёлое. Упрямое. Почти хищное.

— Это ещё не конец разговора. — Сказал Райан.

— Для меня — конец. — Эйлара холодно посмотрела на него.

Несколько секунд он молчал. Потом коротко усмехнулся, развернулся и ушёл обратно в зал. Когда дверь за ним закрылась, Мира резко повернулась к Эйларе.

— Он сделал тебе больно? — Спрашивает Мира.

— Нет. — Ответила Эйлара.

— Эйлара.

— Всё в порядке.

Мира взяла её за руку и осторожно провела пальцами по покрасневшему запястью. Нахмурилась.

— Это уже переходит все границы.

— Я справилась. — Эйлара спокойно высвободила руку.

Мира долго смотрела на неё. Потом тихо сказала:

— Ты не обязана всё выдерживать одна.

И впервые за вечер её голос прозвучал чуть тише обычного:

— Я знаю. — Эйлара на мгновение отвела взгляд к ночному городу.

— Ты точно не хочешь, чтобы я поговорила с ним?

— И что ты ему скажешь? — Эйлара спокойно поправила платье.

— Например, что если он ещё раз к тебе прикоснётся, я столкну его с лестницы.

— Это звучит слишком эмоционально. — Эйлара чуть приподняла бровь.

— Потому что я сейчас очень эмоциональна. — Ответила подруга.

Несмотря на усталость, уголки губ Эйлары едва заметно дрогнули. Мира тут же это заметила.

— Вот. Уже лучше.

— Я не улыбаюсь.

— Конечно нет.

Эйлара отвернулась к площади. Свежий воздух помогал вернуть привычную ясность мыслей. Шум города внизу, свет фонарей, редкие голоса прохожих — всё это казалось удивительно обыденным. После всего увиденного сегодня ей отчаянно хотелось зацепиться именно за эту обыденность.

Мира встала рядом, опершись локтями о каменную балюстраду. Некоторое время они молчали. Потом подруга тихо спросила:

— Ты хочешь рассказать мне, что происходит?

Эйлара не ответила сразу.

— Я сама не знаю. — Она смотрела на отражение света на мокрой мостовой.

— Не верю.

— Это правда.

— Тогда объясни хотя бы одно. — Мира повернула к ней голову.

— Что именно? — Эйлара наконец посмотрела на неё.

— Это полотно. — Мира нахмурилась. — Ты правда не отправляла его в галерею?

— Нет. — Эйлара медленно покачала головой.

— Но куратор уверен, что получил его вчера вечером.

— Значит, кто-то отправил его от моего имени.

— Кто? — Мира выпрямилась. На её лице читалось беспокойство.

— Если бы я знала.

— Это уже не похоже на странное совпадение.

— Я знаю.

— И этот мужчина.

— Не сейчас. — Эйлара перебила её спокойно, но твёрдо.

— Хорошо. — Мира внимательно посмотрела на неё. Потом кивнула. Она мягко коснулась её плеча. — Но ты расскажешь мне всё.

— Да. — Ответила Эйлара.

— Обещаешь? — Не унималась Мира.

— Обещаю. — Эйлара выдержала её взгляд.

Из зала выглянул куратор.

— Вот вы где. — Он облегчённо улыбнулся. — Я уже начал переживать, что потерял главную звезду вечера.

— Райан постарался. — Мира закатила глаза.

— Он снова приставал? — Куратор нахмурился.

— Всё под контролем, — спокойно сказала Эйлара.

Куратор явно хотел уточнить, но вовремя остановился. Вместо этого расправил лацканы пиджака и деловым тоном произнёс:

— Вообще-то я искал вас ещё и по другой причине.

— По какой? — Эйлара спокойно перевела на него взгляд.

— Ваше новое полотно уже вызвало настоящий интерес. Один из коллекционеров хочет приобрести его до открытия выставки. — На лице куратора появилась оживлённая улыбка.

— Уже? — Мира удивлённо вскинула брови.

— Именно. — Куратор довольно кивнул. — И речь идёт о весьма серьёзной сумме.

— Нет. — Эйлара даже не изменилась в лице. Только её взгляд стал чуть внимательнее.

— Простите? — Улыбка на лице куратора дрогнула.

— Полотно не продаётся. — Сказала Эйлара.

— Но вы даже не слышали сумму. — Он растерянно моргнул.

— Это ничего не меняет. — Твёрдо ответила она.

Куратор коротко кашлянул.

— Эйлара, возможно, вы торопитесь с решением. Покупатель весьма влиятелен, и его интерес мог бы значительно поднять статус всей экспозиции.

— Меня не интересует статус экспозиции. — Её голос звучал спокойно. Без малейшего раздражения.

Но в этой спокойной твёрдости было что-то такое, что куратор сразу осёкся. Мира бросила на подружку короткий взгляд. Она слишком хорошо знала этот тон. Эйлара продолжила:

— Пока я не получу объяснение, каким образом это полотно оказалось здесь, никакой речи о продаже быть не может.

— Объяснение? — Куратор нахмурился.

— Да. — Она повернулась к нему всем корпусом. В её позе не было ни резкости, ни суеты. Только точная, холодная сосредоточенность. — Я хочу видеть документы о доставке.

Мира удивлённо посмотрела на неё.

— Документы? — Куратор явно растерялся.

— Накладную. Подпись курьера. Время приёма. Всё, что оформлялось при поступлении полотна.

— Это довольно необычная просьба. — Он замялся.

— Полотно попало сюда без моего ведома. — Эйлара выдержала его взгляд. — Не думаю, что моя просьба необычнее этого.

— Разумеется если для вас это так важно. — Куратор неловко поправил воротник.

— Это важно. — Её голос прозвучал тихо.

Но настолько твёрдо, что возражать он не решился. Несколько секунд он молчал, затем кивнул.

— Хорошо. Архивные документы хранятся в административной комнате. Я попрошу принести папку.

— Нет. — Эйлара спокойно сказала. — Я посмотрю сама.

Куратор удивлённо поднял глаза.

— Я иду с тобой. — Мира медленно выпрямилась.

Эйлара коротко кивнула. Куратор, окончательно утратив свою привычную уверенность, неловко улыбнулся.

— Конечно. Тогда прошу за мной.

Он распахнул перед ними дверь обратно в галерею. Когда они вошли внутрь, шум голов снова окутал их плотной волной. Кто-то смеялся у столиков. Кто-то оживлённо обсуждал экспозицию. Для всех остальных вечер продолжался как обычно. Но для Эйлары всё уже изменилось. Пока они шли через зал, Мира тихо наклонилась к ней:

— Ты правда думаешь, что в документах будет что-то важное?

— Если кто-то доставил полотно, он оставил след. — Эйлара не сбавила шаг.

— А если нет? — Сказала Мира.

Она на мгновение задумалась. Потом ответила спокойно:

— Тогда мне придётся признать, что происходящее гораздо страннее, чем я готова допустить.

— Тебя это пугает? — Мира внимательно посмотрела на неё.

— Пока нет. — Эйлара чуть повернула голову. На её лице не дрогнул ни один мускул. Но где-то глубоко внутри она уже знала, что лжёт.

Через несколько минут куратор остановился у неприметной дубовой двери в конце коридора. Достал из кармана ключ. Открыл замок. И, отступив в сторону, произнёс:

— Здесь хранятся все регистрационные записи.

Эйлара молча шагнула внутрь. Потому что сейчас ей нужен был не разговоры. Ей нужны были факты.

Вдоль стен тянулись высокие шкафы с аккуратно пронумерованными папками. На длинном столе горела единственная лампа, отбрасывая ровный тёплый свет на стопки документов. Куратор быстро подошёл к одному из шкафов. Провёл пальцами по корешкам. Вытащил плотную серую папку и положил её перед Эйларой.

— Все поступления фиксируются здесь. — Сказал он.

Эйлара молча раскрыла её. Мира встала рядом, чуть склонившись через её плечо. Куратор нервно поправил воротник и тоже наклонился ближе.

Страницы шелестели под пальцами. Дата. Время. Названия работ. Подписи. Эйлара остановилась. В нижней части страницы значилось:

«Возвращение».

Дата вчерашнего вечера.

Время доставки — двадцать один час семнадцать минут.

Отправитель: мастерская Эйлары Вальтер. Подпись принимающего сотрудника. Печать галереи.

Всё было оформлено безупречно. Она перевернула страницу. Там лежала копия накладной. Эйлара замерла. Подпись была её.

— Эйлара. — Мира тихо выдохнула.

Она не ответила. Пальцы её медленно сжались на краю бумаги.

Куратор осторожно кашлянул.

— Как видите, всё оформлено по правилам. — Сказал он.

Эйлара молча смотрела на подпись. Это было невозможно. Она не подписывала этот документ. Но доказать обратное не могла.

— Может. — Мира мягко коснулась её локтя.

Эйлара медленно подняла на неё взгляд.

— Может, ты просто не помнишь? — Подруга говорила осторожно, подбирая слова

— Что? — В голосе Эйлары впервые за вечер прозвучала едва уловимая жёсткость.

Мира чуть смутилась.

— Я не в плохом смысле. — Она быстро качнула головой. — Просто подумай сама. Ты в последние недели почти не спишь. Работаешь сутками. Постоянно в мастерской.

Куратор неловко кивнул, словно соглашаясь. Мира продолжила:

— У тебя десятки холстов. Эскизы, наброски, законченные работы, незаконченные. Она осторожно провела пальцем по строке накладной. — Ты сама не всегда замечаешь, что именно закончила. Иногда пишешь автоматически.

— Я бы запомнила. — Эйлара нахмурилась.

— Не обязательно. — Мира выдержала её взгляд. — Ты сама говорила, что последние дни почти не спала.

— Это не значит, что я теряю память. — Сказала Эйлара.

— Я не это имею в виду. — Подруга вздохнула. — Просто ты заработалась. Она мягко улыбнулась, стараясь разрядить напряжение. — До такой степени, что могла сама закончить полотно, отправить его и даже не придать этому значения.

Эйлара снова опустила взгляд на документы. Куратор осторожно добавил:

— Такое случается с художниками чаще, чем вы думаете. Когда работа захватывает, многое делается почти бессознательно.

— Вот именно. — Мира кивнула. Она чуть наклонилась к Эйларе. — Посмотри сама. Документы в полном порядке.

Эйлара молчала. Логика была на их стороне. Все факты говорили о том, что полотно действительно отправила она сама. Никаких следов подделки. Никаких несостыковок. И всё же внутри что-то отчаянно сопротивлялось этой версии.

— Эй. — Мира заметила её напряжение и мягко сжала её плечо. — Эйлара подняла голову. — Может, тебе правда нужен отдых. — Подруга говорила спокойно. — Ты месяцами живёшь среди красок и холстов. Не спишь. Почти не ешь нормально. Это не слабость — просто усталость.

Куратор поспешно поддержал:

— Возможно, Эйлара, после выставки вам действительно стоит немного отвлечься.

Эйлара медленно закрыла папку. Пальцы её задержались на обложке.

— Возможно. — Ответила она.

Мира облегчённо выдохнула.

— Вот и хорошо. — Она улыбнулась. — Значит, никаких загадок. Просто ты довела себя до переутомления.

Эйлара посмотрела на неё. И впервые за весь вечер не нашла, что возразить. Потому что документы действительно были безупречны. И если не верить собственным воспоминаниям, другого объяснения не существовало.

— Пойдём обратно? — осторожно спросила Мира.

— Да. — После короткой паузы Эйлара кивнула.

Она последней вышла из комнаты. Но прежде чем закрыть дверь, ещё раз посмотрела на лежащую на столе папку.

К тому времени, когда они вернулись в главный зал, вечер уже медленно подходил к концу. Гул голосов становился тише. Официанты убрали пустые бокалы. Некоторые гости прощались, накидывая плащи и направляясь к выходу. Музыка звучала всё приглушённое, словно сама галерея постепенно выдыхала после долгого напряжённого вечера.

Эйлара больше не подходила к своему полотну. Не смотрела в ту сторону. Она спокойно беседовала с несколькими коллекционерами, отвечала на вопросы о будущей выставке и держалась так безупречно собранно, что никто не мог заподозрить, какой беспорядок царил сейчас у неё в мыслях.

Мира всё это время не отходила далеко. Лишь изредка бросала на подругу внимательные взгляды. Наконец куратор подошёл к ним, заметно уставший, но довольный.

— Что ж, думаю, этот вечер можно считать более чем успешным. — Он улыбнулся Эйларе. — Несмотря на некоторые неожиданности.

— Неожиданности иногда полезны. — Эйлара спокойно застегнула перчатку.

Куратор тихо усмехнулся.

— В вашем случае они, кажется, только подогревают интерес публики. — Он чуть наклонился к ней. — Через две недели официальное открытие. Но за два дня до этого нам обязательно нужно встретиться ещё раз. Обсудим окончательное расположение ваших работ, освещение и монтаж.

— Хорошо. — Эйлара коротко кивнула.

— Днём вам удобно? — Спросил куратор.

— После полудня. — Ответила Эйлара.

— Тогда договорились. — Он протянул ей руку.

— Благодарю за вечер. — Эйлара пожала её.

— Это мне стоит благодарить вас. — Куратор улыбнулся.

Он перевёл взгляд на Миру.

— И вас тоже. За то, что не дали нашей художнице сбежать раньше времени.

— Поверьте, это было непросто. — Мира хмыкнула.

Куратор рассмеялся и проводил их до выхода.

Когда тяжёлые двери галереи закрылись за их спинами, ночной воздух показался особенно свежим. Город уже заметно притих. Фонари мягко освещали влажную мостовую. Редкие прохожие торопились домой.

Некоторое время они с Мирой шли молча. Эйлара медленно выдыхала прохладный воздух, стараясь привести мысли в порядок. Но подруга, как всегда, не выдержала долго.

— Ну всё. — Сказала она.

— Что «всё»? — Эйлара повернула к ней голову.

Мира решительно поправила воротник пальто.

— Начинаются выходные. А значит, тебе срочно нужно исчезнуть из города.

— Это приказ? — Эйлара чуть приподняла бровь.

— Да. — Заулыбалась подруга.

— С каких пор? — Спросила Эйлара.

— С тех самых, как я увидела сегодня твоё лицо. — Эйлара отвела взгляд. Мира продолжила уже мягче: — Тебе нужно отдохнуть. Сменить обстановку. Проветрить голову.

— И куда ты предлагаешь мне ехать?

— К нам. — Мира посмотрела на неё так, будто ответ был очевиден.

— В деревню? — Эйлара нахмурилась.

— Именно. — Она оживилась. — Тем более твоя бабушка там.

Эйлара чуть замедлила шаг. Это имя прозвучало неожиданно.

— Бабушка переехала к нам два года назад. Ты с тех пор ни разу её не навестила.

— Я была занята. — Ответила Эйлара.

Мира выразительно фыркнула.

— Вот именно. — Она шагнула чуть вперёд, повернулась к Эйларе лицом и начала идти спиной вперёд, оживлённо жестикулируя. — А у нас сейчас потрясающе красиво. Да, немного мрачно. Туманы по утрам, старые сосны, постоянный ветер с холмов. Но именно поэтому там прекрасно. — Эйлара невольно слушала. Мира говорила с таким воодушевлением, что перед глазами сами собой начали вставать картины. — Там есть озеро, совсем чёрное ночью. — Продолжила говорить Мира. — Днём оно как зеркало. Есть старая часовня на холме. И тропы через лес — тихие, пустые, бесконечные. — Она улыбнулась. — Тебе бы понравилось.

— Звучит так, будто ты рекламируешь мне туристический маршрут. — Эйлара чуть усмехнулась.

— А я и рекламирую. — Мира снова пошла рядом. — И знаешь что ещё? В нескольких милях от деревни стоит старый замок. Очень древний, но красивый.

— Замок? — Эйлара посмотрела на неё.

— Да. — Мира понизила голос, будто собиралась поделиться секретом. — Туда почти никто не ходит. Говорят, там водятся привидения.

Эйлара спокойно спросила:

— Ты сама веришь в это?

Мира пожала плечами.

— Не знаю. Но местные рассказывают всякое. Будто по ночам там слышны шаги. Иногда в окнах появляется свет. А несколько человек уверяли, что видели в башне силуэт мужчины.

Эйлара невольно напряглась. Но тут же заставила себя расслабиться.

— Пугающая история. — Ответила она.

— Вот именно. — Мира хитро улыбнулась. — А значит, тебе точно будет интересно.

— С чего ты решила, что меня привлекают мрачные руины с сомнительными легендами?

Подруга рассмеялась.

— Потому что ты художница, которая пишет леса так, будто лично знакома со всеми местными призраками. — Эйлара впервые за вечер улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Мира тут же победно вскинула подбородок. — Вот. Это уже лучше. Значит, решено. Мы едем завтра утром.

Эйлара посмотрела вперёд, на тёмную улицу, уходящую к её мастерской. На несколько секунд задумалась. Тишина деревни. Старый дом бабушки. Холодный воздух соснового леса. Возможность хотя бы ненадолго оставить позади сегодняшний странный день. Это казалось разумным.

— Хорошо. — Она медленно кивнула.

— Отлично. Вот увидишь, через пару дней ты забудешь всю эту историю с полотном. — Мира широко улыбнулась. — Эйлара ничего не ответила. Они остановились у перекрёстка, где их дороги расходились. Мира плотнее запахнула пальто и внимательно посмотрела на Эйлару. — Ты дойдёшь одна? — Спросила подруга.

— Это три квартала. — Эйлара спокойно кивнула.

— Я могу проводить. — Не унималась Мира.

— Не нужно. — Ответила Эйлара.

— После сегодняшнего вечера мне не нравится отпускать тебя одну. — Мира недоверчиво прищурилась.

— Со мной всё будет в порядке. — Эйлара чуть заметно улыбнулась.

Подруга ещё несколько секунд изучала её лицо, словно пытаясь убедиться, что за привычным спокойствием не скрывается что-то серьёзное. Потом тяжело вздохнула.

— Ладно. Но завтра утром я буду у тебя ровно в восемь.

— Это угроза? — Эйлара приподняла бровь.

— Да. — Подруга сложила руки на груди.

— Тогда постараюсь открыть дверь. — Сказала Эйлара.

— Спокойной ночи. — Мира усмехнулась.

— Спокойной. — Ответила та.

Они коротко обнялись. Затем Мира свернула к своей улице, а Эйлара продолжила путь одна. Город почти уснул. Окна домов темнели одно за другим. Лишь редкие фонари бросали на мостовую мягкие золотистые круги света.

Шаги Эйлары звучали ровно и чётко. После шумной галереи эта тишина казалась почти лечебной. Она думала о завтрашней поездке. О возможности хотя бы ненадолго оставить позади этот странный день.

Когда она наконец свернула в узкий переулок к своей мастерской, в груди появилось знакомое облегчение. Дом встретил её тишиной. Тёмный фасад. Закрытые ставни. Она поднялась по каменным ступеням. Достала ключ.

И в тот момент, когда уже коснулась замочной скважины, за спиной раздался быстрый шаг. Чья-то ладонь резко зажала ей рот. Другая крепко перехватила за талию и дёрнула назад, прижимая к холодной каменной стене.

Сердце рванулось вверх. На долю секунды тело оцепенело. Но почти сразу она уловила знакомый терпкий запах парфюма. Райан.

— Я же сказал, наш разговор не закончен. — Его голос прозвучал прямо у её уха. Глухо и раздражённо.

Эйлара резко дёрнулась, пытаясь высвободиться. Хватка стала только сильнее.

— Тише. — Его дыхание было тяжёлым. Неровным. — Весь вечер делаешь вид, будто меня не существует.

Он убрал ладонь с её рта, но не ослабил хватки. Эйлара резко втянула воздух.

— Убери руки. — Сказала она холодно.

— Всё ещё приказываешь? — В голосе Райана слышалось злое раздражение. Он прижал её сильнее к стене, нависая сверху. — Мне надоела эта твоя ледяная маска.

Эйлара попыталась оттолкнуть его. Безрезультатно. Его пальцы больно впились в её плечо.

— Райан. — Её голос прозвучал тихо. — Ты сейчас же отойдешь.

Он коротко усмехнулся.

— А если нет? — Его рука резко сжала её запястье. Вторая дёрнула за волосы, заставляя запрокинуть голову и посмотреть на него. От резкой боли в глазах потемнело. Райан склонился ближе. В его взгляде было что-то незнакомое. Тяжёлое. Одержимое. — Думаешь, можешь смотреть сквозь меня? Будто я никто? — Эйлара почувствовала, как к горлу подступает холодная волна тошноты от отвращения. Но лицо её оставалось спокойным. Она смотрела прямо на него. И это, кажется, только сильнее выводило его из себя. — Даже сейчас, — процедил он. — Всё та же. — Он встряхнул её за волосы. — Скажи хоть что-нибудь.

И тогда Эйлара тихо произнесла:

— Ты совершаешь очень большую ошибку.

На мгновение он замер. А затем резко рассмеялся.

— Правда? — спросил он с ухмылкой.

— Да. — Ответила спокойно она. Её взгляд стал ледяным. Чётким. — Потому что я запомню это.

В следующую секунду она резко вскинула колено. Удар пришёлся точно по его паху между ног. Райан с хриплым ругательством согнулся, ослабив хватку. Этого хватило.

Эйлара вырвалась. Отскочила на несколько шагов. Молниеносно достала из сумки тяжёлый металлический ключ и сжала его между пальцами. Лицо её оставалось неподвижным.

— Подойди ещё раз. — Голос прозвучал тихо.

Но в этой тишине было столько холодной угрозы, что Райан замер. Он тяжело дышал, согнувшись и держась за бок.

— Ты. — На его лице проступило неверие.

— Ещё шаг. — Она подняла руку с зажатым ключом. — И я разобью тебе лицо.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Райан медленно выпрямился.

— Ты ненормальная. — На его лице появилась кривая, болезненная усмешка.

— Возможно. — Сухо ответила она.

— Это ещё не конец. — Процедил он сквозь зубы.

— Для тебя — вполне может быть. — Эйлара даже не моргнула.

Он задержал на ней тяжёлый взгляд. Потом резко развернулся и ушёл в темноту переулка. Эйлара стояла неподвижно ещё несколько секунд. Она глубоко вдохнула. Вставила ключ в замок. И только оказавшись внутри мастерской, прислонилась спиной к двери.

Глава вторая.

Утро выдалось прохладным и ясным. Город только начинал просыпаться. Сквозь тонкую дымку между крышами медленно пробивался бледный солнечный свет, ложась на мостовую длинными полосами.

Эйлара стояла у двери мастерской, проверяя замок. Она дважды повернула ключ, привычным движением потянула ручку на себя и только убедившись, что дверь заперта, убрала ключ в карман пальто.

У её ног стояла небольшая дорожная сумка. Вторая — с набросками и красками — лежала на ступеньке рядом. Несмотря на бессонную ночь, лицо Эйлары оставалось спокойным. Только под глазами залегли едва заметные тени усталости. Со стороны улицы слышались быстрые шаги.

Мира появилась из-за угла, как и обещала, ровно в восемь. На ней было тёмное шерстяное пальто, волосы небрежно убраны под платок, а в руках она держала корзину, от которой пахло свежей выпечкой. Увидев Эйлару, она довольно улыбнулась.

— Надо же. Ты действительно готова. — Сказала подруга улыбаясь.

— Ты слишком удивлена. — Эйлара поправила ремень сумки на плече.

— Я ожидала, что придётся стучать минут двадцать, а потом вытаскивать тебя из мастерской силой. — Ответила подруга.

— Ты преувеличиваешь. — Сказала Эйлара .

Мира поднялась по ступенькам и внимательно посмотрела на подругу.

— Ты не спала. — Улыбка на её лице чуть померкла.

— Спала. — Эйлара спокойно отвела взгляд.

— Час не считается. — Хмуро сказала подруга.

— Два.

— Эйлара. — Мира прищурилась.

— Я в порядке. — Та спокойно застегнула верхнюю пуговицу пальто.

— Это уже начинает раздражать. — Подруга тяжело вздохнула.

— Что именно? — Эйлара вопросительно посмотрела на неё.

— То, как ты произносишь эти три слова. — Она поставила корзину на ступеньку и скрестила руки на груди. — Каждый раз одним и тем же тоном. Будто хочешь убедить не меня, а саму себя.

Эйлара несколько секунд молчала. Потом спокойно ответила:

— Возможно.

— Это что, признание? — Мира удивлённо моргнула.

— Не привыкай. — Пожала плечами Эйлара

— Уже лучше. — Подруга тихо фыркнула. Она наклонилась, подняла одну из сумок и критически оценила её вес. — Только не говори, что ты взяла с собой краски.

— Взяла. — Сказала Эйлара.

— Эйлара. — Мира скрестила руки на груди.

— Что? — Спокойна сказала она.

— Мы едем отдыхать.

— Я и собираюсь отдыхать.

— С набором кистей и половиной мастерской? — Мира выразительно потрясла сумкой.

— Вдохновение не спрашивает расписания. — Эйлара чуть пожалала плечами.

Мира покачала головой.

— Безнадёжный случай. — Она поставила сумку обратно и вдруг внимательно посмотрела на шею Эйлары. Её взгляд стал серьёзным. — Что это?

Эйлара автоматически коснулась воротника. Там, под тканью, скрывался слабый след от пальцев.

— Ничего. — Она спокойно поправила шарф выше.

— Эйлара. — Мира нахмурилась.

— Просто задела дверцу шкафа. — Ответила она.

Подруга молчала. Слишком долго. Потом тихо спросила:

— Это связано со вчерашним вечером?

Эйлара замерла на секунду. Пальцы её чуть сильнее сжали ремень сумки. Но когда она повернулась к Мире, лицо снова было безупречно спокойным.

— Нет.

Мира смотрела на неё внимательно. Так, словно видела насквозь.

— Ты обещала рассказывать. — Подруга смотрела на нее внимательно.

Эйлара отвела взгляд к улице. Несколько секунд слышался только далёкий стук колёс по мостовой. Потом она тихо сказала:

— Не сейчас.

Мира хотела возразить. Это было видно по тому, как она уже открыла рот. Но, встретив взгляд подруги, передумала. Вместо этого лишь кивнула.

— Хорошо. — Она подняла корзину и постаралась вернуть голосу лёгкость. — Тогда у тебя будет три часа дороги, чтобы придумать, как всё объяснить.

— Ты не отстанешь? — Эйлара чуть заметно улыбнулась.

— Никогда. — Они начали спускаться по лесенкам. Эйлара закрыла калитку и ещё раз машинально оглянулась на мастерскую. — Ты идёшь? — Мира обернулась.

Эйлара задержала взгляд на двери ещё на мгновение. Потом спокойно отвернулась.

— Иду. — Ответила Эйлара.

Они пошли вниз по улице, и с каждым шагом город оставался позади. Добрались до станции они как раз прибыли вовремя к отправлению утреннего экипажа.

На площади уже стояла запряжённая четвёрка гнедых лошадей, от которых в холодном воздухе поднимался белёсый пар. Кучер проверял ремни упряжи, негромко переговариваясь с помощником. Несколько пассажиров уже заняли места внутри. Мира уверенно поднялась по ступенькам первой и, обернувшись, махнула рукой.

— Быстрее. Если займут место у окна, я этого не переживу. — сказала Мира.

Эйлара спокойно поднялась следом, придерживая сумку.

— Ты ведёшь себя так, будто мы едем через полстраны. — ответила Эйлара.

— А для меня это почти экспедиция. Я слишком долго не была дома. Они устроились у окна. Мира тут же поставила корзину между ними и с довольным видом откинулась на спинку сиденья. — Вот теперь можно считать, что путешествие началось. — сказала она.

Экипаж тронулся. Колёса глухо застучали по каменной мостовой. За окнами медленно поплыли знакомые улицы. Лавки с опущенными ставнями. Редкие прохожие. Крыши домов, ещё влажные после ночной сырости.

Некоторое время они ехали молча. Мира достала из корзины свёрток и протянула его Эйларе.

— Держи.

— Что это? — Эйлара вопросительно посмотрела на неё.

— Завтрак. — ответила Мира. — Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить, что ты поела утром.

— Спасибо. — Эйлара спокойно взяла свёрток.

— Не благодари. Просто ешь. — Она сама развернула второй свёрток и, устроившись поудобнее, посмотрела в окно.

Когда городские дома начали редеть, её лицо заметно оживилось.

— Вот увидишь, тебе понравится. — Сказала Мира.

— Ты уже говорила. — ответила Эйлара.

— И повторю ещё раз. — Мира повернулась к ней. — Там совсем другой воздух. Всё медленнее. Тише. — Она улыбнулась. — Люди знают друг друга по именам. Никто никуда не торопится. А вечерами так тихо, что слышно, как ветер идёт через лес.

Эйлара молча слушала, глядя в окно. За стеклом город постепенно уступал место открытым дорогам. Поля тянулись вдоль тракта широкими серо-зелёными полосами. Где-то вдалеке темнели леса. Это спокойное однообразие почему-то вызывало внутри странное чувство.

Но Эйлара не пыталась разобраться в этом ощущении. Она просто отвернулась к окну. Мира тем временем уже снова заговорила.

— Кстати, бабушка наверняка будет ругаться.

— Почему? — спросила Эйлара.

— Потому что ты не писала ей уже почти месяц. — ответила Мира.

— Я писала. — Эйлара чуть нахмурилась.

— Одно письмо из трёх строчек не считается.

— Там было четыре.

— Надо же. Прогресс. — Мира рассмеялась.

Эйлара едва заметно качнула головой. Через некоторое время дорога стала неровнее. Экипаж мягко качнулся на повороте.

Лес по обе стороны начал сгущаться. Высокие сосны подступали всё ближе к тракту. Свет между ними ложился длинными бледными полосами. Мира снова оживилась.

— Мы почти въехали в наши края. — Она указала в окно. — Видишь вон тот холм?

Эйлара посмотрела туда, куда она показывала. На горизонте темнела высокая каменная гряда.

— За ней уже деревня. — сказала Мира. Она чуть понизила голос, будто делилась секретом. — А ещё дальше начинается старый лес. Самый древний во всей округе.

Эйлара молча перевела взгляд. Где-то далеко, за холмами, тянулась плотная тёмная полоса деревьев. От одного взгляда на неё внутри снова шевельнулось то непонятное чувство.

— Там красиво. — сказала Мира. — Немного мрачно, конечно. Но красиво.

— Ты называешь мрачным всё, где нет шумных трактиров. — ответила Эйлара.

— Неправда. — Ответила подруга.

— Правда. — Сказала Эйлара.

— Хорошо, может быть. — Не хотя признала Мира.

Они обе тихо улыбнулись. Мира поправила платок и снова посмотрела в окно.

— Ещё час, и будем дома.

Эйлара кивнула. Она снова повернулась к дороге.

Экипаж мерно катился вперёд. Дорога становилась всё уже. Широкий тракт постепенно сменился старой лесной дорогой, по которой экипаж двигался заметно медленнее.

Колёса глухо поскрипывали на влажной земле. Высокие сосны по обе стороны смыкались плотнее, пропуская всё меньше света.

— Вот теперь начинается настоящее. — Мира выглянула в окно и довольно улыбнулась.

— По-твоему, всё, что было раньше, не считается? — спросила Эйлара.

— Это была всего лишь дорога. А это уже дом. — ответила Мира. — Она чуть наклонилась ближе к стеклу. — Смотри.

Впереди между деревьями показалась старая каменная арка. Полуразрушенная. Поросшая мхом. На вершине ещё можно было различить стёртый герб. Экипаж медленно проехал под ней. Эйлара проводила арку взглядом.

— Что это? — спросила она.

— Старые ворота. — ответила Мира. — Когда-то здесь начинались владения тех, кто жил в замке.

— Тех самых, где якобы водятся привидения?

— Именно. — Мира усмехнулась.

Эйлара ничего не ответила. В этот момент дилижанс резко качнулся на кочке. С крыши что-то с глухим стуком сорвалось и ударилось о бок. Несколько пассажиров вздрогнули.

Кучер резко натянул поводья. Лошади нервно всхрапнули. Экипаж остановился. Внутри повисла короткая напряжённая тишина.

— Что это было? — Мира нахмурилась.

Снаружи послышались шаги кучера. Потом его приглушённое ругательство. Он обошёл экипаж, что-то проверяя. Пассажиры начали беспокойно переглядываться.

Эйлара спокойно смотрела в окно. За стеклом неподвижно стояли сосны. Ветер почти стих. Лес казался странно тихим. Спустя минуту дверь распахнулась. На пороге появился кучер.

— Прошу прощения. — сказал он. — Всё в порядке. Просто сорвался старый дорожный знак.

Он закрыл дверь, и дилижанс снова тронулся.

— Напугал. — Мира тихо выдохнула.

— Ты слишком впечатлительная. — сказала Эйлара.

— А ты слишком спокойная.

— Кто-то должен из нас двоих сохранять здравый смысл. — Мира уже собиралась ответить, но вдруг замолчала. Она смотрела в окно с неожиданным напряжением. — Что? — спросила Эйлара.

Мира медленно подняла руку и указала вперёд. Среди деревьев, чуть в стороне от дороги, виднелась старая деревянная табличка.

Почти почерневшая от времени. Косо прибитая к покосившемуся столбу. На ней едва различались выцветшие слова: «*К замку проход закрыт*». Ниже кто-то когда-то грубо вырезал ножом ещё одну строку. Буквы были неровными, но вполне читаемыми: «*Не будите спящих*».

— Вот местные и их любовь к драме. — Мира невольно усмехнулась.

— Кто это написал? — спросила Эйлара.

— Понятия не имею. — Мира пожала плечами. — Эта табличка стоит там столько, сколько я себя помню. — Она попыталась улыбнуться. — Наверняка очередная страшилка для детей.

Эйлара ещё несколько секунд смотрела на надпись, пока лес не скрыл её за деревьями. Через полчаса лес начал редеть. Вскоре между деревьями показались первые крыши.

Деревня раскинулась в низине между холмами. Небольшая. С аккуратными каменными домами под тёмной черепицей. Из труб поднимался тонкий дым. На площади у старого колодца несколько женщин развешивали бельё. У крыльца лавки сидели двое стариков.

Всё выглядело спокойно. Почти сонно. Экипаж остановился у небольшой станции.

— Приехали. — Мира тут же вскочила. — Она быстро подхватила корзину и улыбнулась Эйларе. — Добро пожаловать туда, где наконец-то ничего странного не происходит.

— После твоих рассказов о привидениях это звучит сомнительно. — Эйлара спокойно поднялась следом.

Мира рассмеялась.

— Поверь, самое страшное здесь — это моя тётя, если не похвалить её пироги. — Они спустились на землю.

Прохладный воздух пах сосной, сырой землёй и дымом от печей.

— Всё-таки дома. — Мира глубоко вдохнула.

Эйлара медленно огляделась. Тихая деревня выглядела так мирно, что после шумного города и странностей последних дней это почти казалось нереальным.

Мира уже подхватила сумки, когда вдруг остановилась. Она прищурилась, всматриваясь куда-то за линию домов, туда, где над лесом стелился густой утренний туман. Потом быстро шагнула к Эйларе и легко коснулась её локтя.

— Смотри. — сказала Мира.

— Куда? — Эйлара повернула голову.

— Туда. Над холмами. — Мира подняла руку и указала вдаль.

Эйлара проследила за направлением её пальцев. Сначала она увидела только сероватую дымку, медленно ползущую между верхушками сосен.

Но затем взгляд зацепился за что-то тёмное. Скрытое в тумане. Над лесом поднимались очертания высокой башни. Чуть дальше угадывался зубчатый край стены. И ещё одна башня, наполовину скрытая влажной белёсой пеленой. Замок.

Он стоял на вершине далёкого холма, почти полностью растворяясь в тумане. Будто вырос прямо из серого камня скалы. Несмотря на расстояние, в его очертаниях было что-то странно притягательное.

Мира довольно улыбнулась, заметив, как долго Эйлара смотрит вдаль.

— Красивый, правда? — Спросила она.

Эйлара не сразу ответила.

— Мрачный. — спокойно сказала она.

Мира тихо рассмеялась.

— Это и есть его главное достоинство. — Она опустила руку. — Когда была маленькой, я была уверена, что там живёт какое-нибудь древнее чудовище.

— А сейчас? — спросила Эйлара.

— Сейчас думаю, что там живут только совы, ветер и очень упрямые легенды.

Эйлара продолжала смотреть на туманный силуэт. Замок казался слишком далёким, чтобы разглядеть детали. Но даже отсюда было ясно, что он огромен. Старые башни поднимались над лесом, словно наблюдая за всей долиной.

— Кто там жил? — спросила она.

— Никто толком не знает. — Мира пожала плечами. — Какие-то старые дворяне. Потом владельцы исчезли. После этого замок стоял пустым. Она чуть наклонилась ближе и понизила голос: — Говорят, однажды туда приехали люди из города. Хотели осмотреть руины. Вернулись через несколько часов бледные как мел. И больше туда не ездили.

— И что они увидели? — Эйлара спокойно перевела на неё взгляд.

Мира усмехнулась.

— Если бы знали, слухов было бы меньше. — Она снова посмотрела на замок. — Один сказал, что слышал шаги в пустых коридорах. Другой клялся, что видел свет в верхней башне.

— А ты? — Спросила она.

— Я никогда туда не ходила. — ответила Мира.

— Боишься? — Эйлара смотрела на неё спокойно.

— Конечно. — Мира передернула плечами.

Эйлара чуть приподняла бровь.

— Не смотри так. — Мира фыркнула. — Я вполне разумный человек. Если половина деревни говорит, что туда лучше не лезть, я предпочитаю не спорить.

Эйлара снова посмотрела вдаль.

Мира тронула её за рукав.

— Пойдём. Устроим твоей бабушке сюрприз.

Эйлара кивнула. Они пошли вниз по узкой улице между каменными домами.

— Если ты сейчас побежишь, я заставлю тебя нести обе сумки. — спокойно ответила Эйлара.

— Вот за это я тебя и люблю. Всегда умеешь испортить торжественный момент. — Мира фыркнула.

Они свернули на узкую каменную улочку. По обеим сторонам тянулись аккуратные дома с резными ставнями и небольшими палисадниками. Где-то во дворах лениво лаяли собаки.

Из открытого окна ближайшего дома доносился запах свежего хлеба. Мира шагала рядом, оживлённо оглядываясь по сторонам.

— Здесь почти ничего не изменилось. — Сказала она.

— Ты говоришь это так, будто уезжала на двадцать лет. — заметила Эйлара.

— Для этой деревни и два месяца — уже событие.

Они как раз проходили мимо старой постройки, когда дверь распахнулась. На порог вышел высокий молодой мужчина в рабочей рубашке с закатанными рукавами. Тёмные волосы были растрёпаны, на щеке виднелась полоска сажи. Увидев Миру, он резко остановился. А потом его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Мира? — Окликнул он.

— О, нет. — Она тут же просияла.

— Судя по тону, ты его знаешь. — Эйлара спокойно покосилась на неё.

— К сожалению. — пробормотала Мира.

Мужчина уже быстрым шагом направлялся к ним.

— Ты вернулась! — сказал он, останавливаясь перед ними. Он явно пытался говорить спокойно, но радость в голосе скрыть не смог. — И даже не предупредила.

— Здравствуй, Тео. — Мира театрально вздохнула.

— Давай помогу. — Он тут же протянул руку к её сумке.

— Не нужно. — ответила Мира, отступая на шаг.

— Да брось. Сказал он с улыбкой.

— Тео. — Мира посмотрела на него.

— Что? — Ответил он.

— Не нужно. — повторила она.

— Ладно. — Он остановился и неловко усмехнулся. Его взгляд на секунду задержался на Мире чуть дольше, чем следовало. Потом он перевёл его на Эйлару. — А это, должно быть, та самая подруга из города?

— Эйлара. — спокойно представилась она.

Тео кивнул.

— Теодор. — Он протянул руку.

Эйлара коротко пожала её.

Мира уже закатывала глаза.

— Если церемония знакомства окончена, мы пойдём дальше.

— Подожди. — Тео тут же повернулся к ней. — Ты надолго?

— На выходные. — Ответила та.

— Тогда, может, вечером зайдёшь на ярмарочную площадь? Сегодня будут музыканты. — На его лице мелькнула заметная радость.

— Посмотрим. — Мира поправила прядь волос за ухо.

— Это не ответ. — Сказал Тео.

— Значит, считай его загадкой. — сказала она.

— Ты совершенно не изменилась. — Тео беспомощно улыбнулся.

— А ты всё ещё слишком настойчивый.

— Кто-то же должен. — Он развёл руками.

Эйлара молча наблюдала за ними. Потом спокойно произнесла:

— Если мы не пойдём сейчас, сюрприз для бабушки превратится в ужин.

Мира тут же кивнула.

— Вот именно. — Она быстро махнула Тео рукой. — До вечера. Или нет.

— Я буду ждать. — ответил он.

Когда они отошли достаточно далеко, Эйлара посмотрела на подругу.

— Он влюблён в тебя. — Сказала она.

— Нет. — Мира резко повернулась к ней.

— Да. — Сказала Эйлара в своей форме.

— Эйлара.

— Это очевидно.

— Он такой с шестнадцати лет. — Мира раздражённо выдохнула.

— И ты до сих пор не дала ему прямой ответ?

— Давала. — Ответила та.

— Судя по всему, недостаточно прямой. — Ответила она посмотрев на пробежавшего мимо мальчика.

— Очень смешно. — Мира прищурилась.

— Ты сама только что жаловалась на настойчивых мужчин. — Эйлара едва заметно улыбнулась.

Мира на секунду замолчала. Потом покосилась на неё.

— Это намёк на вчерашнего Райана? — Спросила подруга.

— Нет. Это констатация. — Лицо Эйлары осталось спокойным.

Мира внимательно посмотрела на неё, но ничего не сказала. Они свернули на ещё одну улицу. Дома здесь стояли реже. За ними уже начинались старые яблоневые сады. Впереди показался двухэтажный каменный дом с зелёными ставнями. У калитки рос высокий куст сирени.

Мира тут же оживилась.

— Ну вот. — Она улыбнулась и указала рукой вперёд. — Пришли.

Эйлара подняла взгляд на дом. Из трубы поднимался тонкий дым. На подоконнике второго этажа стояли глиняные горшки с цветами. Всё выглядело тихим. Уютным.

— Готова? — Мира уже подбежала к калитке и обернулась.

— К чему? — спросила Эйлара.

Мира, не дожидаясь ответа, распахнула калитку и первой вошла во двор. Эйлара медленно последовала за ней, невольно оглядываясь по сторонам.

Всё здесь было ей незнакомо. Старый каменный колодец у стены. Небольшой сад с молодыми яблонями, уже покрытыми нежным бело-розовым цветом. Длинные грядки вдоль забора. Запах влажной земли и молодой травы. Весна здесь ощущалась особенно остро — свежая, прохладная, с едва уловимым ароматом цветущей сирени. Для Эйлары всё это было чужим.

Она никогда не бывала здесь. Когда бабушка два года назад уехала из города, Эйлара лишь помогла собрать вещи, проводила её на станции — и больше не приезжала. Не находила времени. Или не позволяла себе его находить. Мира уже поднялась на крыльцо и без церемоний распахнула дверь.

— Мы дома! — громко крикнула она.

Из глубины дома послышались быстрые шаги. Через секунду в дверном проёме появилась пожилая женщина в тёмно-синем платье и светлом переднике. Седые волосы были собраны в аккуратный узел. Лицо — строгое, с тонкими резкими чертами. Но глаза оставались удивительно живыми.

Она замерла на месте, увидев Эйлару. Несколько долгих секунд просто смотрела. Потом медленно выпрямилась.

— Значит, всё-таки вспомнила, что у тебя есть бабушка. — сказала она.

Эйлара остановилась у порога. На мгновение ей показалось, что она снова девочка, опоздавшая домой.

— Здравствуй, бабушка. — спокойно сказала она.

— Здравствуй? — Та прищурилась. — И это всё? Два года молчания, ни одного визита, и ты стоишь здесь с таким видом, будто зашла за кистями?

Мира тихо кашлянула и быстро проскользнула мимо них в дом.

— Я пойду поставлю чайник. — пробормотала она.

Но бабушка даже не посмотрела в её сторону. Весь её взгляд был прикован к внучке.

— Я писала тебе. — ответила Эйлара.

— Писала? — переспросила бабушка. — Она скрестила руки на груди. — Три письма за два года. И в каждом не больше пяти строк. Работаю. Всё хорошо. Очень занята. — Она передразнила ровный голос внучки. — Поразительная содержательность.

— У меня действительно было много работы. — Эйлара спокойно выдержала её взгляд.

— Конечно. — Пожилая женщина фыркнула. — Холсты ведь страшно ревнуют, если художник отходит от них дольше чем на час.

Эйлара чуть заметно опустила взгляд.

— Прости. — Это короткое слово прозвучало тихо. Искренне.

Бабушка смотрела на неё ещё несколько секунд. Потом тяжело вздохнула.

— Ох, ну заходи уже.

Она шагнула вперёд и вдруг крепко обняла внучку. Так быстро, что Эйлара не успела отстраниться. Замерла на мгновение. А потом осторожно ответила на объятие.

— Совсем исхудала. — пробормотала бабушка. — В городе вас вообще кормят?

— Иногда. — спокойно ответила Эйлара.

— Судя по тебе — по большим праздникам.

— Я ей то же самое говорила! — Мира уже смеялась из кухни.

Через несколько минут они сидели за большим деревянным столом. На кружевной скатерти уже стояли чайник, мёд, пирог с яблоками и свежий хлеб.

— Ешь. — Бабушка без конца подкладывала Эйларе еду.

— Я ем. — отвечала Эйлара.

— Это не ешь. Это изображаешь.

Мира, сидевшая напротив, с удовольствием доедала второй кусок пирога.

— Я бы на месте Эйлары уже давно сдалась. — Сказала она.

— Потому что у тебя есть здравый смысл. — сказала бабушка.

— Именно. — серьёзно кивнула Мира.

Эйлара только едва заметно качнула головой. Разговор постепенно стал спокойнее. Бабушка рассказывала о соседях, о местных новостях, о том, как в этом году рано зацвели яблони. В какой-то момент Мира резко посмотрела в окно.

— Ох. — Вскочила из-за стола.

— Что? — спросила бабушка.

— Мне нужно домой. — Она быстро схватила со спинки стула своё пальто. — Если мама узнает, что я первым делом прибежала сюда, а не к ней, меня лишат ужина.

— И правильно сделают. — Бабушка усмехнулась.

Мира уже натягивала рукава. Потом повернулась к Эйларе.

— Я зайду за тобой вечером. — Сказала она.

— Зачем? — Эйлара спокойно подняла взгляд.

— Ярмарочная площадь. Музыканты. Костёр. Танцы. — Она оживлённо взмахнула рукой. — Весенний праздник. Ты обязана это увидеть.

— Ты же сказала Тео, что не пойдёшь. — Эйлара чуть нахмурилась.

— Я сказала посмотрим. — Мира выразительно закатила глаза.

— Это было очень похоже на отказ. — Сказала Эйлара.

— Ну и что? — Она улыбнулась. — У нас выходные. Не тухнуть же тут весь вечер. И это не ради Тео.

— Конечно. — спокойно ответила Эйлара.

— Даже не начинай. — Мира ткнула в неё пальцем.

— Я ничего не сказала.

— Вот именно. Этот твой взгляд куда хуже слов.

— Иди уже, пока не передумала. — Бабушка рассмеялась.

Мира быстро направилась к двери. У порога она обернулась.

— Буду у тебя в семь. — Крикнула подруга.

— Это угроза? — спросила Эйлара.

— Да. — ответила Мира. И весело махнув рукой, исчезла за дверью.

В доме снова стало тихо. Бабушка отпила чай и внимательно посмотрела на внучку.

— А теперь, — медленно сказала она, — рассказывай.

— О чём? — Эйлара спокойно подняла взгляд.

— О том, почему ты приехала именно сейчас. — Бабушка чуть прищурилась.

Эйлара спокойно выдержала бабушкин взгляд. Пальцы её медленно сомкнулись вокруг тёплой чашки. Она на мгновение опустила глаза, наблюдая, как над чаем поднимается тонкий пар.

Рассказывать о вчерашнем вечере она не собиралась. Она подняла взгляд.

— Через две недели у меня официальная выставка. — спокойно сказала Эйлара.

— Та самая, к которой ты готовилась весь год? — Бабушка чуть нахмурилась.

— Да. — Ответила Эйлара

— И ради этого ты приехала сюда?

— Отчасти.

— Объясни. — Пожилая женщина поставила чашку на блюдце.

Эйлара ненадолго замолчала, подбирая слова.

— Куратор хочет пересмотреть окончательную экспозицию через несколько дней. До этого у меня есть свободное время. — Она слегка пожала плечами. — Я подумала, что сменить обстановку будет полезно.

Бабушка внимательно смотрела на неё. Слишком внимательно.

— Ты никогда не просто меняешь обстановку. — заметила она.

— Всё когда-то бывает впервые.

— Неубедительно.

— Ты сама всегда говорила, что мне стоит чаще выбираться из мастерской. — Эйлара едва заметно улыбнулась.

— Говорила. — Бабушка чуть склонила голову. — Но не ожидала, что ты наконец слушаешься. Она помолчала. Потом в её взгляде мелькнуло что-то мягче. — Выставка, значит. Это серьёзно.

— Да. — Эйлара посмотрела на бабушку.

— И ты волнуешься. — Бабушка отпила из чашки.

Это был не вопрос. Эйлара спокойно отвела взгляд к окну. За стеклом ветер шевелил молодые ветви яблонь.

— Возможно. — Спокойно ответила она.

Бабушка усмехнулась.

— Вот теперь верю. — Она подалась чуть вперёд. — Покажешь мне приглашение?

Эйлара кивнула. Достала из сумки плотный конверт и протянула его. Бабушка аккуратно надела очки, раскрыла карточку и несколько секунд внимательно читала. Потом её брови медленно поднялись.

— Персональная экспозиция Эйлары Вальтер. Главный зал городской галереи. — прочла она вслух. — В её голосе прозвучала тихая гордость. — Значит, моя внучка всё-таки заставила этот город обратить на себя внимание.

— Это всего лишь выставка. — спокойно ответила Эйлара.

— Не преуменьшай. — Бабушка сняла очки. — Ты с детства рисовала так, будто весь остальной мир тебе мешал. Я знала, что однажды это куда-то приведёт.

Эйлара ничего не ответила. Бабушка снова посмотрела на приглашение.

— Через две недели. — Она задумчиво провела пальцем по краю карточки. — Тогда тебе действительно стоило приехать.

— Почему? — спросила Эйлара.

Пожилая женщина подняла на неё взгляд.

— Потому что перед важными событиями человеку иногда нужно вернуться туда, где всё начиналось.

— Ты говоришь так, будто в этом месте есть что-то особенное. — Эйлара спокойно посмотрела на неё.

Бабушка чуть заметно улыбнулась.

— Для каждого есть. — Она поднялась из-за стола и начала собирать чашки.

Эйлара машинально тоже потянулась помочь.

— Сиди. — сказала бабушка.

— Я могу помочь. — Сказала Эйлара.

— Можешь. — Но сначала ответь мне на один вопрос.

— Какой? — Эйлара подняла взгляд.

Бабушка повернулась к ней. Лицо её вдруг стало серьёзным.

— Почему, когда ты вошла во двор, ты первым делом посмотрела не на дом, а на холмы за деревней?

Эйлара на секунду замерла. Вопрос застал её врасплох. Она и сама не заметила, что сделала это.

— Просто смотрела вокруг. — спокойно ответила она.

Бабушка ещё несколько секунд не сводила с неё глаз. Потом медленно кивнула.

— Конечно.

Но что-то в её тоне подсказывало: она не поверила. И всё же больше ничего не сказала. Только собрала посуду и направилась к кухонному шкафу. Уже у двери она вдруг произнесла, не оборачиваясь:

— До вечера у тебя есть время отдохнуть. — Потом добавила тише: — И постарайся не ходить одна к северной тропе.

— Почему? — Эйлара нахмурилась.

Бабушка поставила чашки на полку.

— Там легко заблудиться. — Она обернулась. И едва заметно улыбнулась. — А мне бы не хотелось искать тебя в первый же день твоего приезда.

Эйлара чуть приподняла бровь.

— Я не маленькая. — спокойно сказала она.

— Конечно. — Бабушкам тихо усмехнулась.

Эта короткая усмешка прозвучала так знакомо, что Эйлара невольно нахмурилась.

— Я серьёзно. — Сказала она.

Бабушка поставила последнюю чашку на полку и наконец повернулась к ней.

— А я разве смеюсь? — Ответила бабушка.

— Да. — Эйлара сложила руки на груди.

— Значит, заслужила. — Ответила та.

— Мне не пятнадцать лет, чтобы ты запрещала мне ходить по лесным тропам.

Пожилая женщина внимательно посмотрела на неё. В её взгляде не было ни раздражения, ни строгости. Только спокойная уверенность человека, который знает больше, чем говорит.

— Именно потому, что тебе давно не пятнадцать, я и напоминаю. — ответила бабушка.

— Это всего лишь лес. — Сказала Эйлара.

— Для городского человека возможно. — Она медленно подошла к окну и отвела занавеску в сторону. С холмов за деревней виднелась тёмная линия сосен. — А для тех, кто живёт здесь, это место, которое требует уважения. — сказала бабушка.

— Ты говоришь как Мира с её историями о привидениях. — Эйлара спокойно поднялась из-за стола.

— Мира слишком любит украшать правду.

— Значит, никакой опасности нет?

Бабушка отпустила занавеску. Ткань мягко качнулась и снова закрыла стекло.

— Я сказала лишь, что туда не стоит ходить одной.

Эйлара выдержала её взгляд.

— И всё?

— Этого недостаточно? — Пожилая женщина чуть заметно улыбнулась.

— Нет. Ответила она.

— Упрямая.

— Это семейное. — спокойно ответила Эйлара.

Бабушка неожиданно рассмеялась. Тихо. Тепло.

— Вот теперь точно моя внучка. — Она подошла ближе и легко коснулась её щеки. — Отдохни с дороги. Комната наверху готова. Постель застелена, окна открыты. Свежий воздух быстро приведёт тебя в чувство.

— Хорошо. — Эйлара чуть кивнула.

Она уже направилась к лестнице, когда бабушкин голос снова остановил её.

— Эйлара. — Позвала бабушка.

Она обернулась. Бабушка стояла у стола, задумчиво теребя край скатерти.

— Что? — спросила Эйлара.

Пожилая женщина несколько секунд молчала. Словно решала, стоит ли говорить. Потом всё же произнесла:

— Если вдруг увидишь здесь что-то странное не пытайся сразу найти этому объяснение.

— Что именно странное? — Эйлара нахмурилась.

— Здесь весной люди часто принимают усталость за лишние мысли. — Бабушка слегка покачала головой. — Особенно после дороги.

— Это звучит очень неопределённо. — Эйлара спокойно смотрела на неё.

— Так и должно. — Она вдруг снова стала привычно строгой. — А теперь иди отдыхать.

Иначе к вечеру будешь стоять на ярмарке с таким лицом, будто тебя ведут на казнь.

— Это моё обычное лицо. — Эйлара едва заметно улыбнулась.

— Вот именно. — Бабушка покачала головой.

Подняв сумку, она направилась к лестнице. Старые деревянные ступени тихо поскрипывали под ногами. На втором этаже было тихо. Из открытого окна в конце коридора тянуло прохладным воздухом и запахом цветущих яблонь.

Эйлара вошла в свою комнату. Небольшую. Светлую. С аккуратно застеленной кроватью и старым письменным столом у окна. Она поставила сумку рядом с креслом и подошла к подоконнику. Отсюда деревня была видна как на ладони.

За крышами домов тянулись зелёные холмы. А далеко за ними, едва различимый в дымке, снова угадывался силуэт замка. Эйлара спокойно смотрела вдаль. Потом медленно закрыла ставни. И только после этого опустила на край кровати, позволяя себе впервые за весь день просто замереть в тишине.

Комнаты постепенно успокаивала. Снизу доносился приглушённые шаги бабушки. Где-то во дворе скрипнула калитка. Потом всё снова стихло.

Эйлара несколько минут сидела неподвижно, глядя на закрытые ставни. Потом медленно выдохнула. Отдохнуть не получалось. Слишком много мыслей. Слишком много странных обрывков, которые не складывались в цельную картину. Она поднялась. Подошла к сумке с набросками. Достала плотный альбом и графитный карандаш. Вернулась к столу у окна. Села.

Некоторое время просто смотрела на чистую страницу. Пальцы сами легли правильно. Привычно.

Карандаш коснулся бумаги. Первый штрих. Второй. Третий.

Она не думала о том, что рисует. Рука двигалась уверенно, будто заранее знала каждую линию. Плавно выстраивались очертания деревьев. Старые, изогнутые стволы. Корни, выступающие из земли. Каменный круг. Потрескавшиеся плиты. Высокий алтарь в центре. Древний.

Эйлара остановилась только тогда, когда рисунок был почти завершён. Несколько секунд она неподвижно смотрела на страницу. По позвоночнику прошёл лёгкий холодок.

Это был тот самый алтарь. Тот же, что уже появлялся на её полотнах. Тот же, что она видела в набросках, которые не помнила. Тот же, что стоял в её памяти смутным, необъяснимым образом.

Она медленно провела большим пальцем по краю листа. Линии выглядели слишком точными. Слишком уверенными для случайного рисунка. Взгляд задержался на центре каменного круга. Ещё немного — и рука сама дорисовала бы там фигуру. Человеческий силуэт. Она резко остановилась. Пальцы крепче сжали карандаш.

Нет. Эйлара медленно отложила его на стол. Ещё несколько долгих секунд смотрела на рисунок. Спокойное лицо не выдавало ничего. Только взгляд стал чуть жёстче. Потом одним резким движением она захлопнула альбом. Глухой звук нарушил тишину комнаты.

Эйлара положила ладонь на обложку, будто не позволяя ему снова открыться.

— Достаточно. — тихо сказала она.

Она поднялась. Отнесла альбом обратно в сумку и убрала его под вещи. Так, чтобы не видеть. Потом подошла к окну и распахнула ставни.

В комнату сразу ворвался прохладный весенний воздух. С улицы доносились голоса. Где-то неподалёку смеялись дети. С дальнего двора слышался лай собаки. Эйлара глубоко вдохнула. И в этот момент снизу раздался голос бабушки:

— Эйлара!

— Да? — Она слегка наклонилась к лестничному пролёту.

— Если не спишь, спустись. — Сказала бабушка внизу.

— Зачем? — Эйлара нахмурилась.

Снизу послышалась короткая пауза. А потом бабушка ответила:

— Тут пришёл человек.

— Кто? — Эйлара замерла.

Бабушка ответила не сразу. Когда её голос прозвучал снова, в нём появилась странная осторожность.

— Говорит, ищет художницу из города.

Эйлара замерла. На короткое мгновение сердце ударило сильнее.

Перед глазами вспыхнуло вчерашнее: тяжёлый запах дорогого парфюма, чужая ладонь, грубая хватка, холодная стена за спиной. Пальцы невольно сжались. По коже пробежало знако-

мое, липкое отвращение. Она медленно выпрямилась. Лицо осталось спокойным. Почти бесстрастным. Но внутри всё мгновенно стало жёстким и собранным.

— Как его зовут? — ровно спросила Эйлара.

Снизу повисла короткая пауза. Потом бабушка ответила:

— Райан Хейз.

Эйлара медленно закрыла глаза. Конечно. Кто же ещё. На несколько секунд в комнате стало совсем тихо. Потом она резко развернулась и направилась к двери.

Спустилась по лестнице быстрым, ровным шагом. Внизу, у самого порога, действительно стоял Райан. Безупречно одетый. В светлом дорожном пальто. С гладко зачёсанными волосами. С тем самым выражением самоуверенной вежливости, за которым скрывалась привычка получать всё, чего он хотел. В руках он держал букет белых цветов.

Увидев Эйлару, он широко улыбнулся. Будто между ними не было вчерашней ночи. Будто ничего не произошло.

От этого спокойного притворства внутри у неё стало ещё холоднее. Бабушка стояла рядом, настороженно переводя взгляд с него на внучку.

— Эйлара. — произнёс Райан с мягкой улыбкой. — Рад видеть тебя.

Она остановилась в нескольких шагах. Смотрела прямо на него. Спокойно. Холодно.

— Что ты здесь делаешь? — сказала она.

Его улыбка чуть дрогнула. Но исчезла лишь на миг.

— Приехал поговорить. — Ответил Райан.

— Нам не о чем говорить. — сказала Эйлера.

— Вчера мы расстались не лучшим образом. — Он слегка развёл руками, будто её тон его искренне удивил.

Эйлара почувствовала, как к горлу снова подступает отвращение. Перед глазами мелькнуло: его пальцы, сжимающие ткань её платья. Грубый шёпот у самого уха. Тяжёлое дыхание. Она заставила себя сохранить ровное выражение лица.

— Ты называешь это расстались? — спокойно спросила она.

Райан быстро взглянул на бабушку. И тут же снова натянул безупречную улыбку.

— Мы просто не поняли друг друга.

— Не смей. — тихо сказала Эйлара.

Что-то в её голосе заставило его слегка напрячься.

— Что происходит? — Бабушка нахмурилась.

— Ничего такого, что стоило бы обсуждать. — Эйлара не сводила глаз с Райана.

— Именно. — Райан поспешно кивнул. — Небольшое недоразумение. Я лишь хотел извиниться. — Он протянул вперёд букет. — И объясниться.

— Убирайся. — Эйлара даже не посмотрела на цветы.

— Эйлара. — Его улыбка окончательно исчезла.

— Я сказала: убирайся. — сказала она холодно.

Бабушка медленно перевела взгляд на Райана. В её лице появилась та самая холодная строгость, которую Эйлара слишком хорошо знала с детства.

— Молодой человек. — сказала она.

— Да? — Райан повернулся к ней.

— Моя внучка попросила вас уйти. — сказала бабушка.

— Боюсь, произошло недоразумение.. — Он попытался сохранить вежливость.

— Нет. — резко перебила бабушка. — Недоразумение было бы, если бы вы ошиблись дверью. Она шагнула вперёд, что Райан невольно отступил на полшага. — А сейчас вы стоите в моём доме и продолжаете говорить после того, как вам дважды отказали.

Это уже не недоразумение. Райан сжал букет так сильно, что несколько лепестков осыпались на крыльцо. Он посмотрел на Эйлару. В его взгляде мелькнуло раздражение. Почти злость. Но заговорил он всё ещё ровно:

— Я лишь хотел исправить ситуацию.

— Ты её уже исправил. — спокойно ответила Эйлара. — Уходи.

Несколько долгих секунд он молчал. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. — Он положил букет на ступеньки. — Мы поговорим позже.

— Нет. — ответила Эйлара.

Райан задержал на ней взгляд. Тяжёлый. Неприятный. Затем резко развернулся и направился к калитке.

Когда она захлопнулась за ним, в доме повисла тишина. Бабушка медленно закрыла дверь на засов. Повернулась к внучке.

— Кто это? — спросила она.

Эйлара смотрела на лежащие у порога белые цветы. И почему-то их сладкий запах казался почти таким же удушающим, как вчерашний парфюм. Она медленно перевела взгляд на бабушку.

— Человек, которого больше не должно быть рядом со мной. — тихо сказала Эйлара.

Бабушка долго смотрела на неё. Потом подошла ближе. И очень спокойно произнесла:

— Тогда он здесь больше не появится.

В её голосе было столько тихой уверенности, что Эйлара впервые за долгое время почувствовала странное облегчение.

Бабушка ещё несколько секунд смотрела на закрытую дверь. Потом наклонилась, подняла букет и без лишних слов вынесла его во двор.

Через открытую створку Эйлара увидела, как она бросила цветы прямо в деревянную корзину у забора. Вернувшись, бабушка отряхнула ладони.

— Ну вот. — спокойно сказала она. — На этом и закончили.

Эйлара молча стояла у окна. Внутри всё ещё оставался неприятный холодный осадок после появления Райана.

Бабушка внимательно посмотрела на неё. Потом её голос смягчился.

— Иди наверх. Отдохни. — Она подошла к вешалке и сняла старую тёплую шаль. — А я пока схожу к реке за травами. До вечера как раз успею.

— Сейчас? — Эйлара повернулась к ней.

— Конечно сейчас. — Бабушка уже накидывала шаль на плечи. — До заката собирать удобнее. Да и воздух у воды в это время хороший. Она бросила быстрый взгляд на внучку. — А тебе нужно прийти в себя.

— Хорошо. — Спокойно кивнула она.

— Вот и славно. — Бабушка удовлетворённо хмыкнула. Она взяла плетёную корзину, проверила, на месте ли маленький нож для срезки трав, и направилась к двери, всё так же негромко причитая себе под нос: — И принесло же этого напыщенного мальчишку именно сегодня никакого воспитания отец бы его ремнём научил

Эйлара проводила её взглядом. Когда дверь закрылась, в доме стало удивительно тихо. Она медленно поднялась по лестнице. Старые ступени тихо поскрипывали под ногами.

Поднявшись до середины пролёта, Эйлара вдруг остановилась. Дом был пуст. Снизу не доносилось ни звона посуды, ни шагов, ни голоса бабушки. Только неподвижная тишина.

И неожиданно, впервые за долгое время, она ясно поняла, что не хочет оставаться одна. Это чувство было странным. Непривычным. Она никогда не боялась одиночества. Наоборот — всегда искала его. Но сейчас сама мысль о том, чтобы снова подняться в комнату и остаться там наедине с собственными мыслями, вызвала неприятное внутреннее сопротивление.

Эйлара медленно развернулась. Спустилась обратно. Подошла к вешалке и сняла своё тёмное пальто. Спокойно накинула его на плечи. Застегнула верхние пуговицы. И направилась к двери.

Во дворе бабушка уже дошла до калитки. Всё ещё что-то ворчливо бормоча себе под нос, она подняла руку к щеколде. Но в этот момент услышала шаги. Обернулась, и замерла. Эйлара спускалась с крыльца. Бабушка удивлённо подняла брови.

— А это ещё что? — сказала она удивленно.

— Я пойду с тобой. — Эйлара подошла ближе.

— Зачем? — Бабушка прищурилась.

— Помогу. — Ответила она подходя.

— С каких это пор ты добровольно вызываешься собирать травы?

— Всё когда-то бывает впервые. — Эйлара спокойно выдержала её взгляд.

Бабушка несколько секунд внимательно смотрела на неё.

— Хитрая. — уголки её губ дрогнули.

— Почему? — Эйлара чуть приподняла бровь.

— Потому что думаешь, будто я не замечу, что тебе просто не хочется сидеть одной. —

Сказала она.

— Это не так. — Эйлара чуть нахмурилась.

— Конечно. — Бабушка усмехнулась. — А пальто ты надела исключительно из любви к ботанике.

Эйлара ничего не ответила. Только слегка поправила воротник.

— Ладно. — Бабушка покачала головой. — Пойдём. Только не жалуйся потом, если устанешь.

— Не буду. — Эйлара сделала шаг вперед.

— Посмотрим. — Бабкшка открыла калитку.

Они вышли на узкую деревенскую дорогу. Вечерний воздух был прохладным и пах молодой листвой. Солнце уже клонилось ниже, окрашивая верхушки деревьев мягким золотистым светом. Некоторое время они шли молча. Потом бабушка, не оборачиваясь, спросила:

— Этот Райан. Он сделал тебе что-то?

Эйлара слегка напряглась. Но ответила ровно:

— Нет ничего, с чем я не справилась бы сама.

— Это не ответ. — Бабушка медленно кивнула.

— Другого пока не будет.

Пожилая женщина больше ничего не сказала. Только шаг её стал чуть медленнее.

Через несколько минут тропа вывела их за последние дома деревни. Впереди, среди молодой зелени, уже слышался негромкий шум реки. Под ногами пружинила влажная земля, усыпанная прошлогодней листвой. С обеих сторон поднимались молодые берёзы и старые сосны, пропуская сквозь ветви последние лучи солнца.

Где-то впереди журчала река. Тихо. Бабушка шла чуть впереди, уверенно обходя корни и камни, словно знала каждый изгиб этой тропы.

Эйлара постепенно замедлила шаг. Её взгляд скользил по лесу. По мягким переливам света между стволами. По серебристой коре берёз. По тёмным пятнам влажного мха на камнях. Здесь было удивительно красиво. Сдержанно. Холодно. Идеально для рисунка. Она уже мысленно выстраивала композицию.

Если взять левее старую сосну, а на передний план вывести изгиб реки Свет здесь ложился почти театрально. Резкими холодными полосами. А в глубине леса тени собирались в плотную дымчатую завесу.

Эйлара машинально запоминала каждый ракурс. Каждый контраст. Каждую линию.

Бабушка обернулась. Увидела, как внучка остановилась, чуть запрокинув голову и внимательно всматриваясь в верхушки деревьев. На её лице впервые за день появилось то особое сосредоточенное выражение, которое бывало только во время работы. Пожилая женщина ничего не сказала. Лишь понимающе кивнула самой себе. И нарочно свернула правее, к низким зарослям у самой воды. Оставляя Эйларе пространство.

Расстояние между ними постепенно увеличилось. Шум шагов бабушки стал тише. Почти исчез. Эйлара этого даже не заметила. Она стояла неподвижно, мысленно примеряя линии будущего рисунка. Если добавить холодный туман у воды. Нет. Слишком очевидно. Лучше оставить только намёк. Лёгкую дымку у берега. Чтобы взгляд сам уходил вглубь.

— Эйлара..

Она вздрогнула. Голос прозвучал совсем рядом. Негромко. Почти шёпотом.

Она резко обернулась. Позади никого не было. Только неподвижные стволы. Шелест молодой листвы. Ветер. Эйлара нахмурилась. Наверное, показалось.

Она медленно выдохнула. Снова повернулась к реке. И почти сразу почувствовала это. Что-то прохладное коснулось лодыжки. Словно лёгкая влажная ткань скользнула по коже.

Эйлара резко опустила взгляд. У самой земли стелился туман. Густой. Голубоватый. Неправдоподобно плотный для тёплого весеннего вечера. Он медленно полз между травинками, обвивая её ноги. Касаясь кожи даже сквозь ткань чулок.

Холодно. Слишком холодно. Она застыла. Сердце вдруг ударило сильнее. Туман продолжал подниматься. Неторопливо. Почти ласково. И в этот момент впереди, за редкими берёзами, что-то дрогнуло.

Эйлара подняла взгляд. Между деревьями стоял мужчина. Высокий. Неподвижный. Тёмный силуэт на фоне бледной речной дымки. Лицо скрывали сумерки и расстояние. Виднелся только общий контур плеч. Линия головы. И странная неподвижность. Слишком полная. Словно он стоял там уже давно.

Эйлара не шевелилась. Холодный воздух вдруг показался густым. Тяжёлым. Она всматривалась, пытаясь различить черты. Но лицо оставалось скрытым. Только белёсый туман лениво скользил между деревьями. Мужчина не двигался. И именно это было страшнее всего.

Эйлара медленно сглотнула. Разум уже искал объяснение. Кто-то из местных. Путник. Оптический обман из-за тумана. Она сделала осторожный шаг вперёд. Под подошвой тихо хрустнула ветка. Фигура не шелохнулась. Ещё шаг. Туман плотнее сомкнулся вокруг её щиколоток. И снова:

— Эйлара..

Теперь голос прозвучал отчётливее. Тише ветра. Но совершенно ясно. Прямо перед ней. Она резко подняла голову. И сделала ещё один шаг к деревьям. В этот самый миг сзади раздался голос бабушки.

— Эйлара!

Она вздрогнула и обернулась. Бабушка быстро шла к ней от реки, держа в руках корзину с травами.

— Ты чего застыла? — Спросила она.

Эйлара тут же повернулась обратно. Между берёзами никого не было. Только пустая полоска влажной травы. И медленно тающий голубоватый туман. Она медленно перевела взгляд на бабушку. Лицо оставалось спокойным.

— Показалось. — ровно сказала Эйлара.

— Что именно? — Бабушка прищурилась.

— Ничего важного.

Пожилая женщина ещё мгновение изучала её лицо. Потом, словно решив не давить, коротко кивнула.

— Значит, так. — Она чуть качнула корзиной. — Раз уж ты всё равно пошла со мной, сходим ещё в одно место. Тут недалеко.

— Куда? — Эйлара вопросительно посмотрела на неё.

— Увидишь. — Бабушка уже развернулась обратно к тропе.

— Это загадочный ответ. — Эйлара шагнула за бабушкой.

— Другого не будет. — Она шагнула вперёд и, не оборачиваясь, добавила. — Потом сразу домой. Тебе нужно отдохнуть до прихода Миры. А то к вечеру будешь на этой вашей ярмарке стоять с таким видом, будто тебя силой притащили.

— Возможно, так и будет. — Эйлара спокойно пошла рядом.

— Не понимаю, как можно в твоём возрасте так упорно избегать веселья. — Бабушка тихо фыркнула.

— Очень просто. — Слегка пожала она плечами.

— Вот поэтому тебе и полезно выбраться к людям.

Они свернули с основной тропы. Здесь лес становился гуще. Молодые берёзы сменились старыми елями. Свет между ветвей заметно потускнел. Под ногами лежал толстый слой хвои, приглушающий шаги.

Эйлара шла молча, но мысли снова и снова возвращались к тому, что она только что видела. Голос. Туман. Мужчина среди деревьев. Это было слишком отчётливо для простой игры воображения. Она уже собиралась спросить бабушку, часто ли здесь бывает такой туман, но та вдруг остановилась.

— Пришли. — сказала она.

Эйлара подняла взгляд. Перед ними, среди деревьев, открылась небольшая поляна. В центре стоял старый каменный колодец. Низкий. Почти полностью заросший мхом. Рядом — деревянная скамья и высокий куст белого шиповника.

Вечерний свет ложился сюда особенно мягко, окрашивая всё в холодное серебро. Было удивительно тихо. Даже реки отсюда почти не слышалось. Бабушка подошла к колодцу и осторожно поставила корзину на край.

— Здесь вода самая чистая в округе. — сказала она.

Эйлара медленно огляделась. Что-то в этом месте было странно знакомым. Не сами деревья. Не колодец. А ощущение. Будто она уже стояла здесь раньше. Очень давно.

Она подошла ближе. Провела пальцами по холодному камню. И в тот же миг её взгляд зацепился за вырезанный на внутренней стороне борта знак.

Незнакомый узор. Переплетение тонких линий, похожее одновременно на ветви и старинную вязь.

— Что это? — Эйлара нахмурилась.

Бабушка обернулась. На секунду в её лице мелькнуло что-то настороженное. Но исчезло так быстро, что Эйлара могла бы решить, будто ей показалось.

— Старая метка. — спокойно ответила бабушка.

— Чья?

— Никто уже не помнит. — Она подняла корзину. — Всё. Пойдём домой. На сегодня прогулок достаточно.

Эйлара ещё раз взглянула на знак. Потом медленно убрала руку от камня. И пошла следом.

Обратная дорога прошла почти в полном молчании. Лес постепенно редел. Тёмные ели снова сменились светлыми берёзами, а впереди между стволами уже проглядывали первые деревенские крыши. Солнце опускалось всё ниже, окрашивая небо в холодный розовато-серый оттенок. Бабушка шла чуть впереди, уверенно придерживая корзину. Иногда что-то негромко говорила о собранных травах, о том, какие нужно будет высушить, а какие лучше заварить сегодня вечером.

Эйлара слушала вполуха. Её мысли снова и снова возвращались к знаку на колодце. К странному ощущению узнавания. И к тому рисунку, который она ещё не видела, но уже словно почувствовала под пальцами.

Когда они вошли во двор, бабушка первой толкнула калитку.

— Всё. — сказала она, стряхивая с юбки прилипшие иголки. — Теперь наверх. Отдыхать. — И без споров.

— Хорошо, я не спорю. — Эйлара кивнула.

— Вот и правильно. — Бабушка уже поднималась на крыльцо, когда вдруг обернулась. — Мира придёт через час, не раньше. Так что успеешь хотя бы посидеть спокойно.

— Постараюсь. — Эйлара посмотрела на неё.

— Не постарайся, а сделаешь. — Бабушка указала на нее пальцем.

Эйлара чуть заметно улыбнулась. Почти незаметно. И вошла в дом.

Наверху в комнате уже сгущались мягкие вечерние сумерки. Она не стала зажигать лампу. Только села за стол у окна. Достала альбом. Раскрыла на чистой странице. Несколько секунд просто смотрела на бумагу. Потом взяла карандаш.

Первый штрих лёг уверенно. За ним второй. Она почти не думала. Рука двигалась сама. Словно повторяла уже знакомый путь.

Сначала появился лес. Высокие чёрные стволы. Сплетение ветвей. Тяжёлая неподвижная глубина между деревьями. Потом — каменный круг. Древний алтарь в центре. На этот раз линии были чётче. Жёстче. По поверхности камня проступали тонкие вырезанные символы. Руны. Изогнутые. Сложные.

Эйлара нахмурилась, но не остановилась. Карандаш продолжал двигаться. Позади алтаря выросли очертания замка. Высокие башни. Острые зубцы стен. Тяжёлые арочные окна. Он словно нависал над лесом. Древний. Мрачный. И наконец в центре рисунка возник он. Мужчина.

Высокая фигура у алтаря. Полуоборот. Лёгкий наклон головы. Чёткий профиль. Светлые волосы. Резкие черты лица. И взгляд, направленный прямо на неё.

Когда последний штрих лёг на бумагу, Эйлара медленно опустила карандаш. Несколько секунд сидела неподвижно. Потом поднялась. Отошла на несколько шагов назад.

Рисунок лежал на столе, освещённый последними отблесками заката. Он выглядел слишком законченным. Слишком точным. Слишком настоящим. Будто это был не набросок. А воспоминание.

Эйлара смотрела долго. Спокойное лицо оставалось непроницаемым. Но внутри медленно нарастало то самое необъяснимое напряжение. Она вдруг ясно поняла, что не помнит, как рисовала половину этих деталей.

Она резко шагнула вперёд. Захлопнула альбом. Глухой звук разрезал тишину комнаты. В ту же секунду снизу донёлся звонкий смех Миры. Следом послышался голос бабушки:

— Эйлара! — Позвала она с низу. — Спускайся! Мира уже пришла!

И почти сразу снизу донёлся весёлый голос Миры:

— Если ты опять решила спрятаться наверху, я сама за тобой поднимусь!

Эйлара медленно положила ладонь на закрытый альбом. Постояла так ещё мгновение. Затем убрала руку. И направилась к двери.

Когда она спустилась по лестнице, до неё уже доносился звонкий смех Миры. Он легко разлетался по дому, смешиваясь с тихим звоном чашек и негромким ворчанием бабушки. На кухне было тепло. На столе уже стоял чайник, от которого поднимался тонкий пар. Пахло сушёными травами, мёдом и свежей выпечкой. Мира сидела у окна, оживлённо что-то рассказывая, размахивая руками. Бабушка, стоя у печи, качала головой с видом человека, который давно перестал удивляться чужой болтливости.

— И вот я ему говорю — начала Мира, но, заметив Эйлару в дверях, тут же оборвала себя. — Она резко обернулась. Окинула подругу внимательным взглядом с головы до ног. И тут же прищурилась. — Только не говори, что собираешься идти на площадь в том, в чём приехала.

— Именно это я и собираюсь сделать. — Эйлара спокойно вошла в кухню.

— Нет. — Мира театрально ахнула и вскочила со стула.

— Да. — Ответила она.

— Эйлара. — Мира смотрела на нее в упор.

— Мира. — Эйлара передразнила её.

— На тебе дорожное платье. — Та упёрла руки в бока.

— И что? — Эйлара слегка прищурилась.

— Оно выглядит так, будто ты собираешься на похороны очень состоятельного родственника.

— А по-моему, очень даже прилично. — Бабушка тихо хмыкнула, ставя чашки на стол.

— Вот именно! — Мира всплеснула руками. — Прилично. А нам нужен хотя бы намёк на жизнь.

— Я не собираюсь никого впечатлять. — Эйлара медленно сняла перчатки и положила их на край стола.

— Это не повод выглядеть как строгая наставница из пансиона.

— Если ты сейчас предложишь мне надеть что-то с кружевами, я останусь дома. — Эйлара подняла на неё спокойный взгляд.

— Я не чудовище. — фыркнула Мира. — Потом хитро улыбнулась. — Хотя то тёмно-синее платье тебе бы очень пошло.

— Нет. — Эйлара положила руки на стол.

— Даже не примеришь?

— Нет. — Снова ответила Эйлара.

— Оставь девочку в покое. — Бабушка поставила перед Эйларой чашку. — Если ей удобно в этом, пусть идёт так.

— Вы обе безнадежны. — Мира обречённо опустилась обратно на стул.

— Ты знала это давно. — Эйлара села напротив.

— И всё равно каждый раз надеюсь. — Ответила подруга.

Бабушка поставила на стол тарелку с ещё тёплыми булочками.

— Сначала чай. — Потом ваши гуляния.

— Вот за это я люблю ваш дом. — Мира тут же потянулась за булочкой.

— За выпечку? — Бабушка посмотрела на нее поверх очков.

— За мудрые жизненные приоритеты. — Мира отламила кусок от булочки.

Бабушка усмехнулась. Эйлара взяла чашку. Тёплый пар мягко коснулся лица. Она сделала маленький глоток. Напряжение последних часов постепенно отступало. Живой смех Миры, возвращало ощущение реальности.

— Ну так что? — Мира, откусив кусочек булочки, вдруг внимательно посмотрела на неё.

— Что? — Эйлара подняла взгляд.

— Ты хотя бы скажешь мне, почему весь вечер выглядишь так, будто мысленно споришь сама с собой? — Спросила Мира.

— Я выгляжу нормально. — Эйлара слегка нахмурилась.

Мира выразительно переглянулась с бабушкой. Та только пожала плечами.

— Она всегда так говорит, когда явно что-то скрывает. — Сказала бабушка.

— Спасибо за поддержку. — сухо заметила Эйлара.

— Я лишь констатирую факт. — Бабушка невозмутимо отпила чай.

— Так? — Мира подалась ближе.

Эйлара выдержала её взгляд. Несколько секунд молчала. Потом спокойно ответила:

— Просто устала.

— Это очень плохая ложь. — Мира недоверчиво сощурилась.

— Тогда считай её плохим объяснением. — Она посмотрела на подругу.

Мира уже открыла рот для новой попытки, но бабушка мягко хлопнула ладонью по столу.

— Хватит допрашивать. — Дай человеку спокойно выпить чай.

— Ладно. — Мира закатила глаза. — Но после ярмарки ты всё расскажешь.

— Посмотрим.

— Нет уж. Не посмотрим. Расскажешь.

Эйлара чуть заметно качнула головой. И уголки её губ едва дрогнули.

— Вот. — Это уже похоже на живого человека. — Она резко поднялась. — Всё. Допивай чай и наверх переодеваться.

— Я никуда не пойду переодеваться. — Эйлара спокойно посмотрела на неё.

— Пойдёшь. — Мира наклонилась к ней через стол.

— Нет.

— Тогда я сама выберу тебе платье.

Эйлара медленно поставила чашку. Поднялась. И глядя ей прямо в глаза, ровно произнесла:

— Только попробуй.

На секунду воцарилась тишина. Потом бабушка рассмеялась первой. Следом не выдержала Мира. Даже Эйлара позволила себе едва заметную улыбку.

Глава третья.

Они вышли из дома, когда сумерки уже мягко опустились на деревню.

— Вот видишь. — сказала Мира, поправляя на плечах лёгкую накидку. — А ты ещё спорила.

— Я и сейчас считаю, что это было лишним. — Эйлара спокойно посмотрела на неё.

— Конечно. — Мира закатила глаза. Она обошла её на шаг, повернулась лицом и пошла спиной вперёд, разглядывая подругу. — Это платье тебе очень идёт.

— Ты уже говорила. — Эйлара слегка нахмурилась.

— И скажу ещё раз. — Мира довольно улыбнулась. — В нём ты выглядишь. — Она прищурилась, подбирая слово. — Как человек, который вообще способен появляться среди живых.

— Очень лестно. — Эйлара сухо усмехнулась.

— Я серьёзно. — Мира ткнула пальцем в её сторону. — Тёмно-синий тебе идёт гораздо больше, чем этот бесконечный чёрный.

Эйлара опустила взгляд на платье. Оно действительно отличалось от того строгого дорожного наряда, в котором она приехала. Более мягкая ткань. Узкий силуэт. Открытая линия шеи. Без лишних украшений, но с тонкой серебристой вышивкой по рукавам. Платье было сдержанным. Но в нём было что-то живое. Именно поэтому Эйлара почти отказалась его надевать.

— Ты преувеличиваешь. — ровно сказала она.

— Нет. — Мира хитро улыбнулась. — Ты выглядишь красиво.

— Не начинай. — Эйлара перевела на неё спокойный взгляд.

— А что такого?

— Ничего.

— Вот именно. — Мира снова пошла нормально, подстраиваясь под её шаг. — Иногда мне кажется, что ты искренне удивляешься, когда тебе делают комплименты.

— Потому что обычно они не нужны.

— Это ужасный подход.

— Почему? — Эйлара чуть приподняла бровь.

— Потому что некоторые вещи приятно слышать. — Она слегка толкнула её плечом. —

Вот, например, сейчас ты выглядишь так, что половина площади будет оборачиваться.

— Меня это не интересует.

— А должно бы.

— Зачем?

— Потому что ты молодая, красивая и совершенно не умеешь этим пользоваться. —

Мира театрально вздохнула.

— И не собираюсь. — Эйлара спокойно отвела взгляд к дороге.

— Иногда я думаю, что тебя подменили в детстве на очень воспитанного северного духа.

— Мира фыркнула.

— Тогда тебе стоит быть осторожнее.

— Почему?

— Вдруг я утащу тебя в лес.

Мира на секунду замолчала. Потом рассмеялась.

— Вот. Это уже похоже на шутку.

Эйлара чуть заметно улыбнулась. Впереди между домами уже мерцали огни ярмарочной площади. Слышалась живая музыка. Запах жареного теста и пряностей становился всё сильнее.

— Надеюсь, Тео уже там. — Мира оживилась.

— Ты же говорила, что идёшь не ради него. — Эйлара повернула к ней голову.

— Так и есть. — Мира мгновенно сделала невинное лицо.

— Конечно.

— Абсолютно.

Эйлара выдержала короткую паузу. Потом спокойно произнесла:

— Ты ужасно врешь.

— Это клевета. — Мира возмущённо ахнула.

— Нет. Это наблюдение.

Мира уже открыла рот для ответа, но вдруг резко остановилась. Её глаза расширились.

— О. — Сказала подруга.

Эйлара проследила за её взглядом. И увидела впереди, у самой арки, ведущей на ярмарочную площадь, высокую мужскую фигуру.

— Только не смотри так очевидно. — Мира мгновенно выпрямилась, торопливо поправила волосы.

— Значит, всё-таки ради него? — Эйлара медленно повернулась к ней.

— Ничего подобного. — отрезала Мира и тут же тише добавила: — Просто веди себя естественно.

— Я всегда веду себя естественно.

— Вот именно это и пугает.

Они подошли ближе к арке. Высокий молодой мужчина, стоявший у входа, заметил их и сразу выпрямился. Это был Тео. Утром он хотел помочь им с вещами, когда они только приехали в деревню. Тогда Эйлара лишь мельком обратила на него внимание: высокий, темноволосый, с открытым спокойным лицом и ясным взглядом человека, который слишком легко располагает к себе. Теперь он выглядел чуть более собранным. Будто специально ждал.

— Наконец-то. — сказал Тео, улыбувшись Мира. — Я уже начал думать, что вы не придёте.

— Мы собирались. — быстро ответила Мира, подходя ближе. — Просто кое-кто слишком долго решал, какое платье надеть. Она выразительно посмотрела на Эйлару. Та спокойно перевела взгляд на неё.

— Это ложь. — Сказала Эйлара.

— Тогда, видимо, спор был ожесточённый. — Тео негромко рассмеялся.

— Очень. — вздохнула Мира.

— Я победила. — сухо заметила Эйлара.

Мира возмущённо ахнула.

— Победила? Это я буквально заставила тебя переодеться.

— Значит, это была капитуляция.

Тео снова улыбнулся.

— Рад знакомству ещё раз. — Сказал он, чуть повернувшись к Эйларе. — Утром всё получилось слишком сумбурно.

— Взаимно. — Ровно ответила Эйлара.

Он на секунду задержал на ней взгляд. Потом чуть улыбнулся.

— Мира была права. — Сказал Тео.

— В чём именно? — Та тут же оживилась.

— Платье ей действительно очень идёт.

Мира победно вскинула подбородок.

— Вот! Она резко повернулась к Эйларе. — Слышала?

Эйлара спокойно посмотрела на Тео.

— Спасибо. — коротко ответила она.

— Не за что. — сказал он, и в его голосе не было ни навязчивости, ни фальшивой любезности.

Это почему-то сразу расположило к нему больше, чем все безупречные улыбки Райана вместе взятые. Мира довольно потерла ладони.

— Ну всё. Раз официальная часть завершена, идём. Она схватила Тео под руку и потянула вперёд. — Показывай, что тут интересного.

— Вообще-то я собирался быть вашим проводником. — Со смехом ответил он.

— Тогда соответствуй. — Засмеялась Мира. Они прошли под аркой. Ярмарочная площадь открылась перед ними во всём вечернем сиянии. Над деревянными лавками висели гирлянды фонариков. В центре уже горел большой костёр. Музыканты играли у старого фонтана. Повсюду звучали смех, голоса, звон посуды. Пахло горячим вином, выпечкой, дымом и весенней сыростью. — Вот теперь я понимаю, зачем живу. — Мира счастливо выдохнула.

— Ради еды? — спокойно спросила Эйлара.

— Ради атмосферы. И еды.

— Тогда сначала налево. Там лучшие сладкие пироги. — Тео усмехнулся.

— Ты знаешь путь к моему сердцу. — серьёзно сказала Мира.

— Я стараюсь.

Эйлара шла рядом, молча наблюдая за ними. Мира рядом с Тео словно становилась ещё живее. Говорила быстрее. Чаще смеялась. Легко касалась его руки, будто даже не замечая этого. Эйлара вдруг поймала себя на том, что ей приятно просто смотреть на это. На обычную лёгкость. На простую человеческую радость. Они уже почти дошли до первых лавок, когда Мира вдруг резко остановилась.

— О нет. — Сказала она.

— Что? — спросил Тео.

Она указала взглядом куда-то вправо. Эйлара проследила за её взглядом. У дальней стороны площади, у высокого деревянного помоста, стоял Райан. Он был не один. Рядом с ним смеялись несколько местных молодых мужчин. Но в тот самый момент, когда Эйлара подняла глаза, Райан тоже заметил её. И его улыбка медленно исчезла.

Мира резко напрыглась.

— Что он здесь делает? — тихо спросила она, не сводя с него взгляда.

— Вы знакомы? — Тео нахмурился.

Эйлара спокойно смотрела в сторону Райана. Лицо её оставалось холодным и ровным.

— Он приходил сегодня к бабушке.

Мира резко повернулась к ней.

— Что? — Спросила она удивлённо.

— Утром.

— И ты молчала? — быстро спросила Мира.

— Не видела смысла рассказывать раньше.

— Что ему было нужно? — нахмурился Тео.

— Пытался извиниться. — Эйлара выдержала короткую паузу.

— За что именно? — Мира прищурилась.

Эйлара перевела на неё взгляд. Несколько секунд молчала. Потом спокойно ответила:

— За вчерашнее.

Лицо Мира мгновенно изменилось. Лёгкость исчезла. В глазах вспыхнуло напряжение.

— Эйлара. — тихо сказала она. — Что он сделал?

Тео тоже стал серьёзным. Он внимательно посмотрел на Эйлару. Та чуть заметно сжала пальцы.

— Ничего, с чем я не справилась бы.

— Это не ответ. — жёстко сказала Мира.

— Он ждал меня у мастерской после галереи. — Эйлара медленно выдохнула.

— Что он, следил за тобой? — Мира побледнела.

— Похоже на то.

— Да он совсем с ума сошёл. — резко выдохнула она.

— Хейз? — Тео перевёл взгляд на Райана. Лицо его стало жёстче.

Эйлара коротко кивнула.

— Ты его знаешь? — спросила Мира.

— Видел пару раз. — спокойно ответил Тео, не отрывая взгляда от Райана. — У него здесь родственники по материнской линии. Иногда приезжает.

— Потрясающе. — Мира сжала губы. — То есть он решил ещё и сюда притащиться?

— Похоже. — ровно сказала Эйлара.

— Что именно было вчера? — Мира резко шагнула ближе.

— Не здесь. — Эйлара спокойно посмотрела на неё.

Мира несколько секунд всматривалась в её лицо. Потом медленно кивнула.

— Хорошо. Но ты расскажешь.

— Да.

— Если он будет подходить, просто скажите. — Тео наконец перевёл взгляд на них.

— И что ты сделаешь? — с лёгкой иронией спросила Эйлара.

— Для начала напомним ему, как следует разговаривать с людьми. — Он спокойно пожал плечами.

— Это очень мягкая формулировка. — Мира мрачно усмехнулась.

— Я стараюсь быть воспитанным.

Эйлара впервые за этот разговор чуть заметно дрогнула уголком губ. Но в этот момент Райан что-то сказал своим спутникам и отделился от компании. Медленно направился прямо к ним.

— Нет. Только не сейчас. — Мира тихо выругалась.

Тео сделал шаг вперёд, чуть смещаясь так, чтобы оказаться между ними и приближающимся Райаном. Эйлара осталась неподвижна. Её лицо снова стало совершенно спокойным. Холодным. Райан остановился в нескольких шагах. На его губах появилась привычная вежливая улыбка. Но глаза были напряжёнными.

— Какой приятный вечер. — Сказал он, глядя прямо на Эйлару. — Не ожидал встретить тебя здесь.

— А я ожидала. — ровно ответила Эйлара.

— Всё ещё злишься? — Его улыбка чуть дрогнула.

— Нет.

— Тогда почему такой тон?

— Потому что он предназначен тебе.

Мира тихо фыркнула. Тео едва заметно качнул головой, словно предупреждая Райана не заходить дальше. Но тот продолжал смотреть только на Эйлару.

— Нам нужно поговорить.

— Нет. — спокойно ответила она.

— Это займёт минуту.

— Даже секунды не займёт.

Мира тихо выругалась.

— Ты ведёшь себя как ребёнок. — Райан сжал челюсть.

— А ты как человек, не понимающий слова нет. — Холодно ответила Эйлара.

На несколько секунд между ними повисла тяжёлая тишина. Вокруг всё ещё звучала музыка. Смеялись люди. Где-то рядом потрескивал костёр. Но здесь, в узком круге света у лавок, воздух словно стал плотнее. Мира резко взяла Эйлару под руку.

— Мы уходим. — быстро сказала она.

Райан шагнул вперёд. И Тео тут же преградил ему путь.

— Не сегодня парень. — спокойно произнёс он.

Райан остановился. Его взгляд медленно скользнул по Тео, и на губах появилась неприятная усмешка.

— А ты, значит, местный защитник? — Спросил Райн.

— Нет. — ровно ответил Тео. — Просто умею слышать, когда человеку говорят нет.

Мира крепче сжала руку Эйлары.

— Пойдём. — быстро сказала она.

Но Райан не отступил. Он смотрел только на Эйлару. В его глазах читалось раздражение, почти злость.

— Значит, вот как? — тихо произнёс он. — Теперь ты прячешься за деревенскими мальчишками?

— Я ни за кем не прячусь. — Эйлара спокойно выдержала его взгляд.

— Тогда поговори со мной.

— Я уже говорила.

— Нет. — резко бросил Райан. — Ты просто сбежала.

— Ещё раз. Уходи. — Тео сделал едва заметный шаг ближе.

— Или что? — Райан коротко усмехнулся.

— Не проверяй.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Музыка с площади звучала совсем рядом. Кто-то смеялся у костра. Люди проходили мимо, почти не замечая напряжения между ними. Но для Эйлары всё вокруг словно отступило на второй план. Она вдруг ощутила странную усталость. От Райана. От его навязчивости. От этой бесконечной необходимости что-то объяснить. Она медленно высвободила руку из хватки Мира. Сделала шаг вперёд. И сама встала напротив Райана.

— Слушай внимательно. — ровно сказала Эйлара.

— Я слушаю. — Он чуть приподнял подбородок.

— Ты больше не появляешься рядом со мной.

— Эйлара.. —

— Нет. — холодно перебила она. — Ты выслушаешь меня. Райан замолчал. Её голос оставался тихим. Спокойным. Но в нём было столько ледяной твёрдости, что даже Мира рядом затаила дыхание. — То, что произошло вчера, было последним разом, когда ты позволил себе переступить границу.

— Я извинился. — Лицо Райана дрогнуло.

— Ты пришёл не извиняться. Ты пришёл убедиться, что я промолчу.

— Ты всё неправильно поняла. — Он сжал челюсть.

— Нет. — Эйлара смотрела прямо ему в глаза. — Это ты неправильно понял. Я не одна из тех девушек, которых можно запугать или заставить молчать.

— Ты угрожаешь мне? — Его усмешка исчезла.

— Предупреждаю. — Она сделала ещё один шаг. Теперь между ними оставалось меньше вытянутой руки. — Если ты ещё раз приблизишься ко мне без моего согласия, я сделаю так, что об этом узнает не только твой отец.

На несколько секунд Райан застыл. Он явно не ожидал услышать это. Мира рядом выпрямилась, почти с гордостью глядя на подругу. Тео молчал. Но уголок его губ чуть заметно дрогнул. Райан наконец отвёл взгляд первым. Тихо усмехнулся. Только теперь в его смехе не было уверенности.

— Не знал, что деревня так быстро делает людей смелее.

— Дело не в деревне. — Спокойно ответила Эйлара.

— Тогда в чём?

— В том, что мне надоело быть вежливой.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом резко качнул головой.

— Хорошо. — Он отступил на шаг. — Наслаждайся своим вечером. — Развернулся и быстро пошёл обратно к своим приятелям.

Мира выдохнула так резко, словно всё это время не дышала.

— Святые небеса. — Она схватила Эйлару за плечи. — Это было великолепно.

— Не преувеличивай. — спокойно ответила Эйлара.

— Преувеличиваю? — Мира округлила глаза. — Ты только что уничтожила его одним взглядом.

— Впечатляет. — Тео тихо усмехнулся.

— Спасибо. — Эйлара перевела взгляд на него.

— За что?

— За то, что вмешался.

— Любой бы вмешался. — Он слегка пожал плечами.

Мира фыркнула.

— Очень оптимистичная версия человечества. — Она вдруг хлопнула в ладоши. — Всё. Хватит портить вечер. — Она схватила обоих за рукава. — Мы идём к пирогам. Сейчас же.

— Это приказ? — спокойно спросила Эйлара.

— Абсолютно.

Они двинулись дальше по площади. Постепенно напряжение рассеивалось. Музыка становилась громче. От костра тянуло теплом. Где-то впереди дети смеялись, бегая между лавками. Мира уже оживлённо спорила с Тео о том, какая в деревне лучшая выпечка.

Эйлара шла рядом, слушая их вполуха. И впервые за весь этот странный день ей показалось, что она действительно может просто быть здесь. Среди света. Шума. Весеннего вечера. Но когда они почти дошли до освещённого ряда торговых палаток, над площадью вдруг ударил тяжёлый колокол. Гулко. Протяжно. Так неожиданно, что люди вокруг мгновенно замолчали. Мира резко остановилась.

— Странно. — тихо сказала она.

— Что? — спросила Эйлара.

Мира медленно подняла взгляд куда-то за крыши домов. Туда, где вдалеке, над тёмной полосой леса, смутно виднелись очертания замка.

— Колокол там не звонил уже много лет. — едва слышно произнесла она.

Тяжёлый звон ещё дрожал в воздухе, когда по площади прокатился тревожный ропот. Люди начали переглядываться, кто-то оборачивался к темнеющему силуэту замка за лесом, кто-то нервно усмехался, стараясь сделать вид, что ничего необычного не произошло. У дальнего края площади на небольшой деревянный помост поднялся старейшина деревни. Высокий сухой мужчина с серебристыми висками поднял руку, призывая к тишине.

— Спокойно. — Громко сказал он, обводя взглядом собравшихся. Его голос был твёрдым и ровным. — Это всего лишь старый колокол. Ветер с холмов часто раскачивает его сильнее обычного. Несколько человек недоверчиво переглянулись, но напряжение постепенно начало спадать. Старейшина слегка улыбнулся. — Сегодня праздник конца весны. И никто не позволит старым камням испортить вечер.

Его слова встретили смешки и облегчённые возгласы. Музыканты снова осторожно заиграли, но уже тише. Люди начали подтягиваться к большому костру в центре площади. Там полукругом стояли длинные лавки, а между ними уже суетились дети, устраиваясь поближе к огню. Мира тут же оживилась. Она схватила Эйлару за рукав и потянула вперёд.

— Пойдём скорее. Сейчас начнётся самое интересное.

— После колокола? — Эйлара спокойно посмотрела на неё.

— Именно после него. — Мира широко улыбнулась.

— Для тебя истории всегда самое интересное. — Тео, шедший рядом, тихо усмехнулся.

— Конечно. — Мира вскинула подбородок. — Потому что без них все деревенские праздники были бы просто поводом съесть слишком много пирогов.

— А разве этого мало? — Спокойно спросила Эйлара.

— Вообще-то достаточно весомый аргумент. — Тео негромко рассмеялся.

— Вы оба безнадежны. — Мира закатила глаза.

Она снова потянула Эйлару ближе к костру. Та всё же позволила увлечь себя за собой. Вокруг огня уже собиралась толпа. Пламя поднималось высоко, бросая золотистые отблески на лица людей. Дым поднимался в темнеющее небо, смешиваясь с прохладным вечерним туманом. Эйлара остановилась рядом с Мирой.

— Что именно сейчас будет? — спокойно спросила она.

— Старейшина расскажет старую историю. — Мира повернулась к ней. В её глазах вспыхнуло детское возбуждение.

— Какую? — Поинтересовалась Эйлара.

Тео коротко переглянулся с Мирой.

— Не пугай гостью заранее. — сказал он.

— Это не пугание, это традиция. — быстро возразила Мира и снова посмотрела на Эйлару. — Каждую весну, он рассказывает легенду о существе.

— Каком существе? — Эйлара чуть нахмурилась.

— О том, кто забирает души. — Мира понизила голос и придвинулась ближе.

Несколько секунд Эйлара просто смотрела на неё.

— Очень подходящая история для праздничного вечера. — Ровно сказала она.

— Я же говорил. — Тео усмехнулся. — Она не впечатлится.

— Это потому что она ещё не слышала подробностей. — Мира хитро улыбнулась.

В этот момент старейшина снова поднял руку. Музыка окончательно стихла. Разговоры оборвались. Вся площадь постепенно замолкла, обращаясь к костру. Пламя резко взметнулось выше, осветив суровое лицо старейшины. Он медленно обвёл взглядом собравшихся и низким голосом произнёс:

— Много лет тому назад, — начал он низким, неторопливым голосом, — в этих землях жил человек, пожелавший обмануть саму смерть. Он пришёл в лес, туда, где стоит древний алтарь, и попросил у леса вернуть ему ту, кого уже забрала ночь. Старейшина сделал паузу. Пламя качнулось, осветив его лицо снизу, и черты стали резче, почти зловещими. — Но лес не даёт ничего даром. За каждое желание он требует цену. — В толпе кто-то тихо ахнул. Мира придвинулась ближе к Эйларе, слушая с жадным вниманием. Старейшина продолжил: — И с той ночи лес изменился. Он стал брать своё. Сначала пропала одна девушка. Потом другая. Потом ещё. Все молодые. Все исчезали бесследно. В толпе поднялся негромкий тревожный шёпот.

Откуда-то справа послышался мужской голос:

— Это ведь старые сказки. Когда это вообще было?

Старейшина медленно поднял голову. Его взгляд остановился на говорившем.

— Последнее исчезновение случилось двести лет назад.

На площади сразу стало тише.

— Двести? — Мужчина в толпе нахмурился.

— Именно. — спокойно ответил старейшина. — С тех пор никто не исчезал. Лес молчит уже два века. Но это не значит, что он забыл.

От этих слов по площади прокатился лёгкий холодный ропот. Эйлара стояла неподвижно, но её пальцы медленно сжались вдоль складок платья. Она смотрела на пламя, и с каждым

словом старейшины перед глазами почему-то всё отчётливее вставал рисунок в её альбоме. Каменный круг. Старые деревья. Руны. Алтарь.

— За замком, — продолжал старейшина, — начинается лес, в который не ходят после заката. Там слишком тихо. Там ветер не касается ветвей. Там среди деревьев стоит древний алтарь. Старше самого замка. Старше этих земель. Говорят, если ночью подойти к нему слишком близко, можно услышать, как лес шепчет твоё имя.

Эйлара едва заметно нахмурилась. Сердце глухо ударило в груди. Мира искоса посмотрела на неё, но ничего не сказала. Старейшина перевёл взгляд к тёмному силуэту замка над лесом.

— А в замке до сих пор горит свет в одной из башен. Хотя там уже много веков никто не живёт.

Тео тихо выдохнул.

— Каждый год одно и то же. — шепнул он.

— И каждый год все слушают. — так же тихо ответила Мира. — Потому что интересно. Потому что жутко.

Старейшина поднял руку, призывая к тишине.

— И пока колокол молчит, деревня в безопасности. Но если он звучит сам.

Он не договорил. Просто медленно опустил руку. Этого оказалось достаточно. Тишина стала густой и вязкой. Где-то далеко, за лесом, словно в ответ, прокатился глухой раскат ветра. Эйлара резко подняла взгляд к темнеющему горизонту. Над кромкой деревьев смутно виднелись башни замка, растворённые в сизом тумане. Она вдруг ясно вспомнила рисунок, который захлопнула у себя в комнате. Тот же лес. Тот же силуэт древнего камня.

— О чём задумалась? — шепнула Мира.

— Об алтаре. — Эйлара медленно перевела на неё взгляд.

— Хочешь его увидеть? — Мира вдруг улыбнулась. Хитро. Почти заговорщически.

— Сейчас? — Эйлара спокойно приподняла бровь.

— А почему нет? — Мира чуть наклонилась ближе. — До полуночи ещё далеко. Лес совсем рядом. Можно просто посмотреть. Немного пощекотать нервы.

— Вы серьёзно? — Тео резко повернул голову.

— Почему нет? — Мира пожала плечами. — Это же просто старая легенда.

— Не лучшая идея после такого рассказа. — Тео нахмурился.

Мира отмахнулась.

— Именно после такого рассказа и нужно идти. Иначе в чём смысл? Она снова посмотрела на Эйлару, глаза её блестели азартом. — Ну же. Неужели тебе не любопытно?

Эйлара молчала несколько секунд. Её взгляд снова скользнул к тёмной полосе леса. И почему-то ей показалось, что оттуда, из глубины мрака, кто-то смотрит прямо на неё.

— Любопытно. — наконец ровно сказала она.

— Тогда решено. — Улыбка Миры стала шире.

— Это плохая идея. — тихо сказал Тео.

— Все лучшие идеи начинаются именно так. — Весело ответила Мира и уже крепче сжала локоть Эйлары. — Пойдём, пока ты не передумала.

Тео тихо выругался себе под нос, но после короткой паузы всё же пошёл следом. За их спинами площадь снова наполнилась голосами, смехом и музыкой. Тепло костра быстро осталось позади. Стоило им свернуть за последние ряды торговых лавок, как праздничный шум начал растворяться в вечерней сырости.

Узкая тропа уходила между домами к окраине деревни. Здесь фонарей почти не было. Только редкие жёлтые окна бросали на землю тусклые прямоугольники света.

— Ты действительно считаешь это хорошей идеей? — негромко спросил Тео, ускоряя шаг и поравнявшись с Мирой.

— Нет. — весело ответила она. — Именно поэтому это интересно.

— Очень убедительно. — сухо заметила Эйлара.

— Неужели тебе не любопытно? — Мира обернулась к ней через плечо.

— Любопытно. — ровно ответила Эйлара. — Но это не значит, что идея разумная.

— Иногда разумные идеи слишком скучны. — Мира улыбнулась и запахнула накидку плотнее.

Ветер здесь был холоднее. Он тянул с леса сыростью и запахом мокрой хвои. Вскоре последние дома остались позади. Перед ними открылась узкая дорога, уходящая между чёрными стволами. Над деревьями висел низкий туман, серебристый в свете луны. Тео остановился у самого входа на тропу.

— Мы можем просто вернуться. — спокойно сказал он.

— Никто не узнает, что вы струсили. — бросила Мира, даже не оборачиваясь.

— Я не о себе. — ответил он.

— Конечно. — Она усмехнулась.

Эйлара молча посмотрела вперёд. Лес стоял неподвижный, густой и почти бесшумный. Никаких ощущений. Ни тревоги. Ни странного узнавания. Только холодный воздух и мрак между деревьями. Обычный ночной лес.

— Идём. — спокойно сказала она.

— Ладно. Но если услышим что-то странное, сразу возвращаемся. — Тео тяжело вздохнул.

— Договорились. — быстро ответила Мира.

Они вошли под кроны. Сразу стало темнее. Свет деревенских огней остался далеко позади. Тропа была узкой, мягкой от влажной хвои. Где-то высоко скрипели ветви. Под ногами тихо хрустели мелкие сучья.

— Сколько идти? — спросила Эйлара.

— Минут пятнадцать. — ответила Мира. — Алтарь на старой поляне, почти у подножия холма под замком.

— Ты уже была там? — спросил Тео.

— Нет. — беспечно ответила она. — Но знаю дорогу.

— Это совсем не успокаивает. — Тео тихо фыркнул.

Они шли молча ещё несколько минут. Лес становился гуще. Туман стелился ниже, цепляясь за корни и камни. Где-то справа резко вскрикнула ночная птица. Мира вздрогнула.

— Это просто сова. — сказала Эйлара.

— Я знаю. — слишком быстро ответила Мира.

— А кто-то говорил, что не боится. — Тео тихо усмехнулся.

— Я не боюсь. Я просто внимательно отношусь к неожиданным звукам.

— Очень научное определение страха. — сказал он.

Мира уже собиралась огрызнуться, но вдруг остановилась. Впереди между деревьями показался слабый просвет.

— Мы пришли. — тихо сказала она.

Они вышли на поляну. Она была идеально круглой, словно кто-то когда-то вырезал её прямо из леса. В центре стоял каменный алтарь. Низкий, широкий, покрытый мхом. Его поверхность была исчерчена тонкими линиями старых рун. Вокруг поднимались древние сосны, тёмные и неподвижные, как молчаливые стражи. Над поляной висела странная тишина. Даже ветер сюда не проникал. Мира замедлила шаг.

— Ничего себе, — выдохнула она.

— Мне это место не нравится. — Тео нахмурился.

Эйлара молча смотрела на алтарь. Лунный свет ложился на камень холодным серебром, подчёркивая вырезанные знаки. Он выглядел точно так же, как на её рисунках. До последней линии. До мельчайшей трещины на краю плиты. Она слегка нахмурилась.

— Ты в порядке? — тихо спросила Мира.

— Да. — Спокойно ответила Эйлара. Её голос звучал ровно.

Она сделала несколько шагов вперёд. Подошла ближе к алтарю. Камень был старым. Настоящим. Ничего мистического. Только холодная поверхность, влажная от ночного воздуха. Она протянула руку и коснулась одной из рун. Кончики её пальцев медленно скользили по вырезанным в камне линиям, повторяя изгибы древних рун.

Камень был шероховатым, ледяным, влажным от вечернего воздуха. Она спокойно обходила алтарь по кругу, внимательно вглядываясь в каждую трещину, каждый знак, словно пыталась понять, почему сумела воспроизвести всё это на своих рисунках с такой пугающей точностью. Мира нервно переступила с ноги на ногу и обхватила себя руками.

— Эйлара может, не надо его трогать? — тихо сказала она, напряжённо наблюдая за ней.

Эйлара даже не обернулась.

— Это просто камень. — Ровно ответила она, продолжая вести пальцами по старой резьбе.

— Камни не вызывают у меня желания сбежать отсюда. — Быстро проговорила Мира и невольно сделала шаг ближе к Тео.

Тео стоял чуть позади, напряжённо вглядываясь в тёмные деревья вокруг поляны. Его лицо стало серьёзным.

— Возвращаемся. — твёрдо сказал он. — Здесь не на что смотреть.

Мира резко кивнула, словно только и ждала этих слов.

— Вот именно. Туман около деревни это одно, — она бросила быстрый взгляд на сизую дымку, стелившуюся у корней сосен. — Но здесь какая-то совсем жуть.

Эйлара остановилась у противоположного края алтаря и наконец повернулась к ним. Лицо её оставалось спокойным, лишь взгляд стал чуть внимательнее.

— Вы оба ведёте себя так, будто ждёте, что сейчас из леса выйдет чудовище.

— Не знаю насчёт чудовища. — Ответил Тео. — Но мне не нравится, как здесь тихо.

Эйлара чуть качнула головой и убрала руку с поверхности камня. В тот же миг острый край трещины полоснул по подушечке её пальца.

— Чёрт. — Она едва заметно вздрогнула.

На коже выступила тонкая алая полоска. Несколько капель сорвались вниз и упали на камень. Почти сразу под ногами что-то глухо дрогнуло. Совсем слабо. Будто где-то глубоко под землёй прокатился тяжёлый приглушённый удар.

— Вы это почувствовали? — Мира резко ахнула.

— Эйлара, отойди от него. — Тео мгновенно шагнул вперёд.

Эйлара нахмурилась и отступила на шаг. Земля больше не двигалась. Всё снова стало неподвижным. Несколько секунд стояла абсолютная тишина. Потом между деревьями пополз туман. Но теперь он был другим. Не серым. Голубоватым. Бледное свечение медленно расплзлось по земле, обвивая корни сосен, стекая к поляне тяжёлыми холодными волнами.

— Это ведь не нормально, да? — Мира побледнела и схватила Тео за рукав.

Тео не ответил. Его взгляд был прикован к туману. Он шагнул ближе к Эйларе и коротко сказал:

— Уходим. Сейчас.

Эйлара смотрела, как голубая дымка медленно подбирается к краю алтаря. Она ничего не чувствовала. Ни страха. Ни странного узнавания. Только холодную, ясную настороженность. Туман стелился всё гуще. И в этой мёртвой, вязкой тишине где-то далеко, со стороны скрытого

лесом замка, снова ударил колокол. Один раз. Глухо. Протяжно. Мира дёрнулась так резко, что едва не вскрикнула.

— Нет. Нет-нет. Всё, с меня хватит. — быстро сказала она, почти срываясь на шёпот. — Мы уходим. Немедленно.

— Пошли. — Тео уже взял Эйлару за локоть, настойчиво разворачивая к тропе.

И на этот раз даже Эйлара не стала спорить. Но прежде чем сделать шаг, она на долю секунды обернулась. На поверхности алтаря, там, где остались капли её крови, одна из рун едва заметно светилась тусклым голубым светом.

Спокойно выдернув локоть из слишком крепкой хватки Тео, она шагнула к тропе и пошла рядом с Мирой. Лицо её оставалось ровным, но пальцы правой руки всё ещё были сжаты — тонкая царапина на подушечке пальца неприятно жгла. Позади, на поляне, голубоватое сияние продолжало тускло мерцать сквозь туман, но никто из них не решился посмотреть туда снова. Мира почти вплотную прижалась к Эйларе, кутаясь в накидку.

— Я же говорила, что это плохая идея. — быстро проговорила она, стараясь говорить твёрдо, но голос заметно дрожал.

— Вообще-то это была твоя идея. — Заметила Эйлара, не сбавляя шага.

— Сейчас не время придирааться к деталям. — Тео шёл чуть впереди, напряжённо всматриваясь в узкую тропу. Его плечи были жёстко расправлены, будто он ожидал чего угодно из окружающей темноты. — Быстрее. — коротко сказал он. — Мне не нравится этот туман.

Голубоватая дымка медленно ползла между деревьями, стелясь всё гуще. Она цеплялась за ноги, скрывала корни, скрадывала очертания тропы. Воздух заметно похолодел. Даже привычный запах хвои исчез, уступив место сырой, почти каменной стуже.

— Мы ведь идём правильно? — Мира нервно оглянулась через плечо.

Тео резко остановился. Перед ними тропа неожиданно раздваивалась.

— Этого здесь не было. — тихо сказал он.

— Что значит не было? — Мира мгновенно побледнела.

Тео медленно перевёл взгляд с одной дорожки на другую.

— Когда мы шли сюда, развилки не было.

Эйлара подошла ближе. В свете луны обе тропы выглядели одинаково: узкие, влажные, уходящие в чёрные переплетения деревьев. Она спокойно посмотрела сначала вправо, потом влево.

— Возможно, мы просто не заметили.

— Нет. — Тео покачал головой. — Я точно помню дорогу.

— Не говори так. Это звучит ужасно. — Мира резко схватила его за рукав.

Где-то совсем близко хрустнула ветка. Все трое одновременно замерли. Тео мгновенно обернулся, заслоня девушек собой. Несколько секунд они стояли в полной тишине. Но за деревьями ничего не было. Только голубой туман, медленно перетекающий между стволами.

— Это просто лес. — спокойно сказала Эйлара.

И в тот же миг услышала это. Очень тихо. Почти неразличимо.

— Эйлара.

Голос прозвучал где-то справа. Низкий. Мужской. Он словно пришёл вместе с туманом, мягко скользнув между деревьями. Она резко повернула голову. Там никого не было. Только густая сизая дымка.

— Что? — Мира тут же посмотрела на неё.

— Ничего. — Эйлара нахмурилась.

— Ты остановилась. — сказала Мира.

— Показалось. — Ответила она.

— Что именно? — Тео внимательно посмотрел на неё.

— Ничего важного. — Ровно ответила Эйлара.

Но через несколько шагов голос прозвучал снова. Уже ближе. Яснее.

— Эйлара.

Она остановилась так резко, что Мира едва не налетела на неё.

— Что теперь? — Быстро спросила подруга.

Эйлара медленно всматривалась в туман между деревьями. Сердце билось ровно, но внутри поднималась холодная настороженность.

— Ты слышала? — Спросила она.

— Что именно? — Мира непонимающе нахмурилась.

— Кто-то позвал меня. — — Сказала Эйлара и посмотрела назад.

— Никто ничего не говорил. — Тео резко сжал челюсть.

— Я слышала. — спокойно ответила Эйлара. — Это был мужской голос.

— Нет. Нет, мне это совсем не нравится. — Мира побледнела ещё сильнее.

Тео шагнул ближе и твёрдо сказал:

— Не слушай. Просто идём.

Он взял Эйлару за запястье и повёл вперёд. Но туман вокруг становился плотнее. Деревья вдруг начали казаться одинаковыми. Чёрные стволы подступали ближе, словно медленно смыкались вокруг них. Тропа снова разделилась. Потом ещё раз. И ещё. Каждый новый поворот выводил к точно таким же переплетениям корней и сосен.

— Мы ходим кругами. — хрипло сказала Мира.

— Нет. — резко ответил Тео, хотя в голосе его впервые прозвучала неуверенность. — Это невозможно.

Они свернули влево. Через минуту перед ними вырос низкий каменный валун, покрытый мхом. Тот самый, мимо которого они уже проходили несколько минут назад.

— Тео. — Мира судорожно втянула воздух.

Он ничего не ответил. Его лицо побледнело. И тогда из тумана снова донёсся голос. Тихий. Почти ласковый. Совсем рядом.

— Эйлара.

На этот раз он звучал так, будто стоящий за её спиной человек наклонился к самому уху. Эйлара резко обернулась. И в голубой дымке между деревьями мелькнул высокий мужской силуэт. Неподвижный. Без лица. Мира вскрикнула. Тео выругался и резко заслониł их собой. Но в следующую секунду туман дрогнул, и фигура исчезла. Осталась только пустота и холод, от которого по коже пошли мурашки.

— Бежим. — глухо сказал Тео.

Они сорвались с места одновременно. Тео первым рванул по тропе, не отпуская руку Эйлары. Мира почти бежала рядом, тяжело дыша и всё время сбиваясь с шага на влажных корнях. Голубой туман цеплялся за ноги, будто пытался удержать, стелился всё плотнее, скрывая землю. Ветки хлестали по лицу и плечам. Под ногами хрустела хвоя. Где-то совсем рядом скрипели деревья, и этот звук в ночной тишине казался почти живым.

— Быстрее! — резко бросил Тео, оглядываясь через плечо.

— Я и так бегу! — выдохнула Мира, едва не споткнувшись.

Эйлара молчала. Она бежала ровно, почти не сбивая дыхания, лишь изредка бросая короткие взгляды по сторонам. Ей казалось, что туман движется вместе с ними. Перетекает между деревьями, скользит следом, не отставая ни на шаг. Позади снова послышался голос. Теперь он был отчётливее. Настойчивее.

— Эйлара.

Она резко сжала пальцы свободной руки. Но не обернулась.

— Не смотри назад. — глухо сказал Тео, будто почувствовав это.

— Я и не собиралась. — ровно ответила она.

Мира коротко всхлипнула от напряжения.

— Скажите мне, что это кто-то просто решил пошутить.

— Сейчас не лучшее время для обсуждений. — Бросил Тео.

Они свернули между двумя огромными соснами. Тропа резко пошла вниз. Под ногами стало скользко. Мира всё-таки оступилась и вскрикнула, падая на одно колено. Тео мгновенно остановился.

— Чёрт. — Он отпустил Эйлару и резко наклонился к Мире, помогая ей подняться.

— Всё нормально?

— Да. — быстро выдохнула она, хотя голос дрожал. — Просто нога соскользнула.

Эйлара в этот момент замерла и подняла голову. Там, впереди, между чёрными стволами мелькнуло что-то тёплое. Жёлтое. Неровное.

— Свет. — спокойно сказала она.

Тео резко обернулся. И тоже увидел его. Вдалеке, сквозь редяющий туман, дрожали слабые огни деревенских фонарей. Мира шумно выдохнула.

— Слава небесам. Бежим. — Коротко сказал Тео.

На этот раз никто не спорил. Они снова сорвались вперёд. С каждым шагом туман становился реже. Голубоватое свечение бледнело, растворяясь в обычной серой дымке. Воздух менялся. Возвращался запах сырой земли, дыма от костров, весенней ночи. Ещё несколько десятков шагов — и деревья резко расступились.

Они буквально вывалились из леса на открытую дорогу у окраины деревни. Здесь было светло от фонарей. Издалека доносилась музыка с ярмарочной площади, смех, гул голосов. Всё было привычным. Обычным. Будто лес за их спинами не пытался только что удержать их внутри.

— Всё. Всё, больше никаких ночных прогулок. Никогда. — Мира остановилась первой, согнулась пополам и тяжело перевела дыхание.

Тео тоже тяжело дышал, но взгляд его был прикован к лесу. Он смотрел на тёмную стену деревьев так, словно ждал, что оттуда кто-то выйдет. Но лес стоял неподвижный. Обычный. Тихий. Эйлара медленно выпрямилась и спокойно поправила выбившуюся прядь волос. Лицо её было совершенно ровным. Только взгляд стал чуть холоднее.

— Ты хоть понимаешь, что это было? — Мира подняла голову и посмотрела на неё.

— Нет. — честно ответила Эйлара. — И это мне совсем не нравится.

— Когда голос звал тебя ты его узнала? — Тео медленно перевёл взгляд на неё.

Несколько секунд она молчала. Потом спокойно покачала головой.

— Нет. Но он знал моё имя.

Они медленно вернулись к ярмарочной площади. Чем ближе становились огни, тем сильнее всё произошедшее в лесу начинало казаться дурным наваждением. Музыка снова наполняла воздух, над костром поднимались искры, люди смеялись, спорили, поднимали кружки с горячим вином. Будто за чёрной полосой деревьев не было ничего странного.

Мира всё ещё держалась слишком близко к Эйларе и то и дело нервно оглядывалась. Тео молчал. Его лицо оставалось напряжённым. Когда они вышли к костру, Мира вдруг наклонилась к Эйларе и тихо сказала:

— Только не оборачивайся резко.

— Что? — Эйлара спокойно перевела на неё взгляд.

— Райан. — Мира едва заметно качнула головой в сторону дальнего края площади.

Эйлара скользнула взглядом поверх плеч Миры. У дальнего деревянного навеса действительно стоял Райан. Он держал в руке кружку, лениво разговаривал с кем-то из местных, но взгляд его был прикован к ней. Даже отсюда было видно напряжение в его лице.

— Потрясающе. — Ровно сказала Эйлара.

— Если он снова подойдёт, скажи. — Тео проследил за её взглядом и тихо нахмурился.

— Не стоит. — Спокойно ответила она. — Я справлюсь сама.

Они устроились у самого костра. Жар приятно обжигал лицо, прогоняя липкий холод леса. Несколько минут все молчали. Потом Мира наклонилась совсем близко и почти шёпотом спросила:

— Что это было?

— Ты сама говорила, что у вас здесь бывают странные туманы. — Эйлара смотрела в пламя.

Мира резко покачала головой.

— Я не о таких. Она крепче обхватила кружку ладонями. — Это было другое.

— Завтра днём сходим туда ещё раз. — Тео тихо выдохнул.

— Серьёзно? — Мира уставилась на него. — Ты только что едва не тащил нас оттуда силой.

— Днём. — Повторил он. — Хочу убедиться, что нам не почудилось.

Мира открыла рот для ответа, но в этот момент рядом возник высокий темноволосый мужчина в светлой рубашке. Он чуть поклонился Эйларе.

— Простите. Позвольте пригласить вас на танец?

Эйлара подняла взгляд. Незнакомец улыбался открыто и спокойно, без навязчивости. Где-то рядом уже заиграла быстрая живая мелодия. Мира округлила глаза.

— Даже не думай отказываться, — шепнула она.

Эйлара коротко посмотрела на неё, потом на протянутую руку мужчины. И неожиданно для самой себя вложила в неё ладонь.

— Хорошо. — Сказала она.

— Что? — Мира едва не подавилась воздухом.

— Кажется, сегодня вечер сюрпризов. — Тео тихо рассмеялся.

Эйлара позволила вывести себя в круг танцующих. Музыка была стремительной, звонкой. Мужчина уверенно вёл, заставляя её двигаться быстрее, чем она привыкла. Сначала движения давались сдержанно, почти механически. Но через несколько поворотов что-то изменилось. Ветер трепал выбившиеся пряди, юбка скользила по ногам, вокруг мелькали лица, огни, вспышки смеха.

И вдруг она сама не поняла, в какой момент рассмеялась. По-настоящему. Легко. Искренне. Звук собственного смеха удивил её сильнее, чем всё, что произошло в лесу. Когда партнёр резко крутанул её, она мельком заметила Райана. Он стоял у края площадки, неподвижный, с каменным лицом. И смотрел только на неё. Что-то холодное мелькнуло в его взгляде. Эйлара отвернулась прежде, чем успела задуматься. Музыка закончилась.

— Вы прекрасно танцуете. — Мужчина с улыбкой отпустил её руку.

— Благодарю. — ровно ответила она, всё ещё чуть запыхавшись.

Когда танец был окончен и она вернулась к костру, Мира смотрела на неё так, словно увидела впервые.

— Вот это да. — Сказала она удивленно.

— Весело же. — Тео усмехнулся.

— Ты не понимаешь. — Быстро сказала Мира. — Я ни разу не видела, чтобы она так смеялась. Она всегда.. Мира неопределённо повела рукой. — Как ледяная статуя.

— Спасибо за лестное сравнение. — Эйлара спокойно села обратно.

— Это всего лишь танец. — Тео усмехнулся.

— Возможно. — тихо ответила Мира, всё ещё внимательно глядя на подругу.

Прошло ещё около часа. Музыка сменилась более медленной. Костёр начал оседать. Люди постепенно расходились.

— Я пойду домой. — Эйлара поднялась первой.

— Я провожу. И мне нужно с тобой поговорить. — Мира тут же встала.

— Не нужно. — Сказала Эйлара. — Всё нормально.

— После леса ты серьёзно считаешь, что я отпущу тебя одну?

— Я не ребёнок. — Ответила она.

— Тогда хотя бы дай знать, когда дойдёшь. — Мира нахмурилась, но всё же остановилась.

— Хорошо. — Эйлара коротко кивнула Тео и пошла прочь от площади.

Музыка и голоса постепенно стихали за спиной. Ночная дорога была почти пустой. Фонари бросали на влажную землю бледные круги света. Мысли возвращались к лесу. К алтарю. К голубому туману. К голосу, назвавшему её по имени. Она шла медленно, погружённая в размышления, когда впереди из тени выступил Райан.

— Спокойно. — Он поднял руки ладонями вверх. — Я не причиню тебе вреда.

Эйлара даже не замедлилась. Она просто обошла его и пошла дальше. Через секунду он уже шагнул рядом.

— Почему ты даже не пытаешься дать мне шанс? — Спросил он.

— Потому что не хочу. — Ровно ответила она.

— Ты даже не знаешь меня по-настоящему.

— И не хочу узнавать.

Он нервно усмехнулся.

— Из-за вчерашнего? Я уже сказал, что перегнул.

— Это не отменяет того, что ты сделал.

— Я могу измениться. — Райан ускорил шаг, заглядывая ей в лицо.

Эйлара остановилась. Медленно повернулась к нему.

— Люди не меняются только потому, что им отказали.

Райан протянул руку и осторожно коснулся её пальцев. На этот раз она не выдернула ладонь. Просто смотрела на него спокойно и холодно.

— Эйлара — начал он.

И в этот миг где-то за домами, со стороны леса, раздался протяжный волчий вой. Один. Затем второй, ближе. Потом ещё несколько голосов подхватили его, сливаясь в жуткий, тягучий хор. Райан резко побледнел и обернулся. Эйлара медленно перевела взгляд в сторону чёрной полосы леса. По спине пробежал холод. Вой оборвался так же внезапно, как начался. Наступила вязкая, тяжёлая тишина.

— Что за.. — Райан нервно сглотнул.

— Доброй ночи, Райан. — Эйлара спокойно высвободила руку.

И, не оборачиваясь больше, пошла к дому бабушки, оставив его одного посреди пустой дороги под глухим мраком весенней ночи.

Глава четвертая.

— Ну и как прошли ваши танцы? — спросила бабушка, ставя перед Эйларой чашку с горячим травяным настоем.

Эйлара сидела за столом, машинально водя пальцем по краю блюдца. Взгляд её был опущен, но она почти не видела ни чашки, ни солнечных полос на старом деревянном столе. Перед глазами снова и снова всплывала ночная поляна. Холодный камень под ладонью. Тонкая полоска крови на пальце. И та самая руна, тускло вспыхнувшая голубым светом. Потом совсем другой образ. Музыка. Быстрый танец. Её собственный смех, такой неожиданный, будто принадлежал не ей. А затем снова — тёмная дорога, вой волков и Райан, застывший посреди ночи с испуганным лицом.

— Эйлара. — Голос бабушки прозвучал чуть громче. Эйлара подняла голову. Пожилая женщина смотрела на неё поверх очков внимательно и чуть нахмурившись. — Я спрашиваю, настолько ли плох был вечер, что ты до сих пор мысленно оттуда не вернулась?

— Всё прошло нормально. — Эйлара коротко моргнула.

Бабушка скептически поджала губы.

— Нормально — это когда человек отвечает сразу, а не смотрит в чашку так, будто пытается прочесть в ней будущее. Эйлара чуть отвела взгляд. Бабушка опустила напротив, аккуратно поправила очки и сложила руки на столе. — Значит, танцы всё-таки были?

— Были. — Сказала она.

— И? — Бабушка чуть наклонила голову.

— Что и?

— Не заставляй меня вытягивать из тебя каждое слово. — Сухо сказала бабушка. — Ты ходила на ярмарку. Там музыка, люди, костёр. Кто-то наверняка пригласил тебя танцевать.

Эйлара на секунду замолчала.

— Пригласил. — Ответила она коротко.

— И ты согласилась? — Бабушкины брови медленно поползли вверх.

— Да.

Несколько секунд женщина просто смотрела на неё. Потом тихо усмехнулась.

— Похоже, деревенский воздух творит чудеса.

— Не начинай. — Эйлара чуть нахмурилась.

— Даже не собиралась. — бабушка взяла чашку. — Просто пытаюсь представить, как моя внучка добровольно танцует среди толпы. Это зрелище стоило бы увидеть.

Эйлара опустила взгляд к настою. На поверхности дрогнуло отражение света. Она вдруг вспомнила, как ночью, вернувшись домой, осторожно прикрыла дверь, чтобы не разбудить бабушку. Как зажгла свечу и поставила её на подоконник так, как обещала, чтобы Мира, если вдруг выглянет из окна своего дома, увидела огонёк и поняла, что всё в порядке. Тогда пламя долго дрожало от ночного сквозняка, а она сама стояла рядом и смотрела в темноту, думая о руне. О том, как камень отозвался на её кровь.

— Ты снова ушла куда-то в свои мысли. — сказала бабушка. Эйлара подняла на неё глаза. Женщина смотрела пристально. Слишком внимательно. — Что-то случилось вчера?

— Нет. — слишком быстро ответила Эйлара.

Бабушка медленно сняла очки и аккуратно положила их на стол.

— Я знаю этот тон. Ты так отвечала в лет двенадцать, когда разбила окно в мастерской соседа.

— Это было один раз.

— И именно поэтому я запомнила. — Спокойно ответила бабушка. Она чуть наклонилась вперёд. — Так что случилось?

Эйлара выдержала её взгляд. Потом ровно сказала:

— Ничего такого, о чём стоило бы волноваться.

Бабушка молчала ещё несколько секунд. Затем медленно кивнула. Но выражение тревоги в её лице не исчезло.

— Хорошо. — наконец сказала она и снова надела очки. — Тогда хотя бы скажи, почему ты выглядишь так, будто всю ночь пыталась разгадать какую-то загадку. Эйлара опустила взгляд к чашке. И впервые за всё утро не нашла ответа сразу.

Тишину кухни разорвал резкий стук в дверь. Такой быстрый и настойчивый, что чашка в руках бабушки чуть звякнула о блюде.

— Ну вот. — пробормотала Элеонора, поднимая взгляд. — Если это снова торговец тканями, я притворюсь, что меня нет дома.

Стук повторился. На этот раз вместе с ним послышался знакомый звонкий голос:

— Открывайте, иначе я решу, что вы тут обе умерли от скуки!

Эйлара едва заметно выдохнула. Бабушка хмыкнула.

— А нет. Это хуже. — Она поднялась из-за стола и неторопливо пошла к двери.

— Бабушка Элеонора! — тут же возмущённо донеслось снаружи. — Я всё слышала!

— Значит, слух у тебя по-прежнему отличный. — Спокойно ответила бабушка, открывая дверь.

Мира буквально влетела в дом вместе с прохладным утренним воздухом. Щёки её покраснелись, светлые волосы были слегка растрёпаны от ветра, а в глазах горело привычное живое возбуждение.

— Доброе утро! — весело сказала она, быстро наклоняясь и целуя Элеонору в щёку. — Вы прекрасно выглядите.

— Ты ужасная льстец. — Ответила бабушка, но уголки её губ дрогнули.

— И это работает. Мира рассмеялась и уже через секунду перевела взгляд на Эйлару. — А вот ты выглядишь так, будто всю ночь спорила с призраками.

— Доброе утро и тебе. — Эйлара спокойно посмотрела на неё.

— Это не ответ. — Мира быстро прошла к столу и без приглашения уселась на свободный стул. — Я ждала хоть какого-нибудь знака жизни.

— Свеча стояла в окне. — ровно напомнила Эйлара.

Мира тут же кивнула.

— Да, я видела. Иначе уже ломилась бы сюда ночью.

Элеонора вернулась к столу, окинула обеих внимательным взглядом и чуть прищурилась поверх очков.

— Так-так. Похоже, мне чего-то не рассказали.

Мира мгновенно выпрямилась.

— Абсолютно ничего страшного. — слишком быстро сказала она.

— Когда человек начинает с этих слов, дальше обычно следует очень длинная история.

— Бабушка перевела на неё взгляд.

— Бабушка. — предупреждающе произнесла Эйлара.

Бабушка посмотрела сначала на внучку, потом на Миру и медленно кивнула.

— Хорошо. Пока сделаю вид, что верю вам обеим. Она взяла чайник и налила Мире настой. — Но если выяснится, что вы ночью бродили по лесу, я лично запрю вас дома до конца выходных.

— Почему именно лесу? — Мира чуть не поперхнулась воздухом.

Элеонора замерла с чайником в руке. Несколько секунд в кухне стояла тишина. Потом бабушка очень медленно поставила чайник обратно на стол.

— Просто предположила. — спокойно сказала она.

Мира нервно переглянулась с Эйларой. Эйлара оставалась совершенно неподвижной, но взгляд её стал внимательнее. Бабушка заметила это и чуть нахмурилась.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — ровно ответила Эйлара.

Мира поспешно вмешалась:

— Вообще-то я пришла не для допросов. У нас планы.

— И какие же? — Элеонора скрестила руки на груди.

Мира мгновенно оживилась.

— Я веду Эйлару показать деревню днём. Рынок, старую мельницу, мост у реки может быть, часовню.

— Может быть? — Переспросила бабушка.

— Может быть, всё. — быстро исправилась Мира. — Главное вытащить её из дома, пока она снова не спряталась за альбомом.

— Это, между прочим, разумная мысль. — Элеонора посмотрела на внучку поверх очков.

— Я ещё не согласилась. — Эйлара спокойно взяла чашку.

— Конечно согласилась. — Уверенно сказала Мира. — Ты просто пока об этом не знаешь.

— Иногда мне кажется, что именно ты была рождена, чтобы управлять этой упрямой девочкой. — Бабушка тихо усмехнулась.

— Поверьте, это тяжёлый труд. — Драматично вздохнула Мира.

У Эйлары заметно дрогнула уголок губ. И Мира тут же это заметила. Её взгляд вспыхнул торжеством.

— Вот. Уже лучше. — сказала она. — А теперь рассказывай.

— Что именно? — Эйлара медленно подняла на неё взгляд.

— Не делай вид, будто не понимаешь. — Мира выразительно приподняла брови. — Танец.

Элеонора, до этого невозмутимо помешивавшая чай, замерла.

— Танец? — Переспросила она и перевела взгляд на внучку поверх очков. — Это уже интересно.

— Там не о чем рассказывать. — Эйлара спокойно взяла чашку.

— О, вот тут ты ошибаешься. — Мира тут же выпрямилась на стуле. — Потому что это был исторический момент.

— Не преувеличивай.

— Я вообще преуменьшаю. — Мира театрально прижала ладонь к груди. — Элеонора, вы бы это видели.

— И что же я должна была увидеть? — Бабушка чуть склонила голову.

— Мужчина пригласил её танцевать. — Мира расплылась в широкой улыбке.

— И ты согласилась? — Элеонора медленно посмотрела на Эйлару.

— Да. — Эйлара выдержала её взгляд.

Бабушка моргнула. Потом осторожно сняла очки.

— Кажется, мне нужен более крепкий чай. — Сказала она.

— Вот именно! Я сама думала, что у меня начались видения. — Мира звонко рассмеялась.

— Это был просто танец. — ровно сказала Эйлара.

— Просто? — Мира всплеснула руками. — Он был одним из самых быстрых. Музыканты разошлись так, будто решили проверить, кто из гостей останется стоять.

— И? — Элеонора снова надела очки.

— А она не просто не сбилась. Она смеялась. — Мира наклонилась ближе. На кухне повисла короткая тишина.

— Смеялась? — Элеонора медленно повернулась к внучке.

— Это звучит так, будто произошло нечто невозможное. — Эйлара чуть нахмурилась.

— Для тебя? — сухо заметила бабушка. — Почти.

Мира уже сияла.

— Это был настоящий смех. Не эта её едва заметная усмешка, когда она делает вид, будто ей смешно из вежливости.

Эйлара спокойно опустила чашку на блюдце. Но воспоминание всё равно всплыло слишком ясно. Музыка. Быстрый ритм. Широкая ладонь незнакомого мужчины, уверенно удерживающая её в танце. Резкий поворот. Порыв ветра, бросивший волосы в лицо. И вдруг собственный смех, сорвавшийся неожиданно легко. Настолько естественно, что на мгновение она сама не узнала этот звук. А потом взгляд. Тяжёлый. Неподвижный. Райан стоял у края площади и смотрел прямо на неё. Без улыбки. С таким выражением, словно каждый её смех был личным оскорблением. Эйлара медленно моргнула, отгоняя воспоминание.

— Это был всего лишь танец. — спокойно повторила она.

— Ну конечно. — Мира хитро сощурилась. — Поэтому после него даже Тео сказал. — Она выпрямилась и нарочито низким голосом передразнила: — Весёлый же танец.

— А ты что ответила? — Элеонора тихо хмыкнула.

Мира всплеснула руками.

— Я сказала, что никогда не видела Эйлару такой. — Она повернулась к подруге. — И это правда. Ты всегда держись так, будто вокруг тебя невидимая ледяная стена.

— Очень лестное сравнение. — Эйлара чуть приподняла бровь.

— Зато честное. — быстро сказала Мира. — А вчера ты вдруг стала живой.

— Иногда это полезно. — Элеонора внимательно посмотрела на внучку.

— Возможно. — Эйлара опустила взгляд к чашке.

— Вот именно! А значит, сегодня мы продолжим. — Мира резко хлопнула ладонями по столу и вскочила.

— Нет. — спокойно ответила Эйлара.

— Да.

— Нет.

— Вы спорите, как дети. — Элеонора, наблюдая за этим, покачала головой.

— Сегодня ярмарки нет, но это даже лучше. — Мира быстро обошла стол и остановилась рядом с Эйларой.

— Чем? — Спросила Эйлара.

— Мы пойдём к старой мельнице. Потом на мост через реку. А если ты снова начнёшь изображать каменную статую, я лично столкну тебя в воду. — Просто сказала Мира пожав плечами.

— Это угроза? — Эйлара медленно подняла на неё взгляд.

— Обещание. — весело ответила Мира.

— Иди собирайся, Эйлара. — Элеонора тихо рассмеялась и поднялась из-за стола.

— Бабушка.

— Даже не начинай. — спокойно перебила Элеонора. — После твоего вчерашнего танца я хочу увидеть, как далеко ещё может зайти это чудо.

— Слышала? — Мира победно вскинула подбородок.

Эйлара несколько секунд смотрела то на одну, то на другую. Потом медленно выдохнула.

— Вы обе невыносимы.

— Значит, согласна. — тут же сказала Мира.

Она схватила её за руку и потянула вверх. Эйлара поднялась со стула. И прежде чем выйти из кухни, на мгновение задержала взгляд на окне. За стеклом, далеко за крышами домов, над тёмной линией леса едва угадывались смутные очертания замка. Неподвижные. Мрачные.

Через несколько минут они уже шли по узкой деревенской улице. Весеннее солнце стояло высоко, заливая каменные дома мягким золотистым светом. После прохлады кухни воздух казался особенно свежим. Где-то лаяла собака, у дальнего двора громко переговаривались женщины, развешивая бельё, а с площади доносился размеренный стук молота — кто-то разбирает ярмарочные конструкции после ночного праздника.

Мира шла чуть впереди, оживлённо рассказывая что-то о местных лавках и размахивая руками так энергично, будто без этого её рассказ был бы неполным.

— И если ты снова скажешь, что тебе всё равно, мы всё равно зайдём к старому пекарю. — Быстро сказала она, оборачиваясь через плечо. — Его булочки с яблоками стоят того, чтобы ради них существовать.

— Ты слишком драматизируешь. — Спокойно ответила Эйлара.

— Нет, я просто умею ценить прекрасное.

— Ты называешь прекрасным всё, что можно съесть.

— Потому что это самый честный вид прекрасного.

Эйлара чуть заметно усмехнулась.

Они свернули за угол и почти сразу увидели Тео. Он стоял у старого раскидистого вяза на перекрёстке, прислонившись плечом к стволу. Руки были скрещены на груди, а в уголке рта торчала тонкая соломинка, которую он лениво перекатывал губами. Вид у него был такой, словно он ждал их уже давно и ничуть не сомневался, что дождётся. Заметив девушек, он оттолкнулся от дерева и выпрямился.

— Ну наконец-то. — сказал Тео, вытаскивая соломинку изо рта. — Я уже начал думать, что Мира решила устроить трёхчасовую лекцию о пользе правильного завтрака.

— Очень смешно. — фыркнула Мира. — Вообще-то я спасала Эйлару от добровольного заточения.

— И как? Успешно? — Тео перевёл взгляд на Эйлару.

— Пока не знаю. — Ровно ответила она.

— Значит, надежда ещё есть. — Он усмехнулся.

— Вот видишь? Даже Тео понимает всю важность моего подвига. — Мира довольно хлопнула в ладоши.

— Я пока ничего не подтверждал. — Лениво заметил он.

— Предатель.

— Куда теперь? — Тео только рассмеялся и пошёл рядом с ними.

— К мельнице. — уверенно заявила Мира. — Потом на мост.

— Амбициозно.

— Не начинай.

Эйлара шла между ними, слушая их лёгкую перебранку. После тревожной ночи эта обычная деревенская суета казалась почти странной в своей простоте. Солнечные блики скользили по булыжникам мостовой. Ветер шевелил молодую листву. Где-то за забором громко кудахтали кур.

— Кстати. — Тео покосился на Эйлару. — Я так и не успел сказать.

— Что? — Эйлара повернула к нему голову.

— Вчерашний танец был впечатляющим.

— Нет, ну серьёзно? Ты тоже решил начать? — Мира тут же резко остановилась и уставилась на него.

— Что такого? — с невинным видом спросил он.

— Она и так уже смущена.

- Я не смущена. — Сказала Эйлара.
- Правда? — Тео чуть приподнял бровь.
- Да. — Ответила она.
- Тогда почему ты отвела взгляд?
- Потому что ты мешаешь идти. — Эйлара медленно посмотрела прямо на него.
- Вот это удар. — Мира расхохоталась.
- Жестоко. — Тео театрально прижал ладонь к груди.
- Заслуженно. — невозмутимо ответила Эйлара.
- Он несколько секунд смотрел на неё, а потом вдруг широко улыбнулся.
- Всё-таки вчерашний вечер пошёл тебе на пользу.
- Почему?
- Ты стала чаще отвечать.
- Я же говорила. — Мира довольно закивала.

Эйлара ничего не ответила. Но уголки её губ едва заметно дрогнули. Они как раз вышли к небольшой площади с каменным колодцем, когда Мира вдруг оживилась ещё сильнее и указала рукой вперёд.

- А вот и мельница. — Сказал Тео.

За низкими крышами домов уже виднелось большое деревянное колесо, медленно вращавшееся под струями быстрой речной воды.

- Спорим, Эйларе понравится? — сказала Мира, глядя на Тео.
- Если не понравится, значит, у неё совсем нет души. — Он усмехнулся.
- Очень смелое заявление. — ровно произнесла Эйлара.
- Хочешь проверить? — Тео повернулся к ней.

И в её взгляде мелькнуло что-то похожее на живой, спокойный интерес. Они прошли ещё немного по узкой каменной дорожке, и мельница открылась перед ними целиком. Она стояла у самой реки, тяжёлая, тёмная, сложенная из старого серого камня. Высокая покатая крыша была покрыта потемневшей от времени черепицей, кое-где густо поросшей мхом. Огромное деревянное колесо, почти в два человеческих роста, медленно вращалось под напором воды. Потоки с шумом били по широким лопастям, и от этого по всей округе разносился низкий, размеренный скрип старого механизма. Рядом тянулся узкий каменный мост через быструю реку. Вода под ним была тёмной, почти чёрной, с серебряными бликами солнца.

— Вот она. — с довольным видом сказала Мира, раскинув руки. — Гордость нашей деревни.

— Очень скромное описание для постройки, которую ты в детстве называла древней крепостью мучной власти. — Тео фыркнул.

- Мне было восемь. — Мира резко повернулась к нему.

— Но звучало впечатляюще.

— Не слушай его. На самом деле мельнице почти триста лет. — Она закатила глаза.

Эйлара подняла взгляд к высоким окнам верхнего этажа. Стёкла были мутными, местами совсем потемневшими от времени. На деревянных ставнях виднелись глубокие трещины.

— Она до сих пор работает? — Спросила она.

— Работает. — Ответил Тео. Он подошёл ближе к перилам моста и оперся на них локтями. — Старик Бреннер упрямее любого местного камня. Полдеревни уверено, что мельница рухнет раньше, чем он согласится её закрыть.

— И это при том, что она пережила два пожара и весенний разлив двадцать лет назад. — Добавила Мира. — Тогда вода поднялась почти до второго этажа.

— А ещё тут, говорят, раньше прятали контрабандистов. — С ленивой усмешкой заметил Тео.

- Не выдумывай. — Мира тут же ткнула его локтем.

— Это не я. Это рассказы моего деда. — Ответил он.

— Твой дед уверен, что в реке живёт речной дух, который ворует носки.

— Потому что это правда.

Эйлара чуть заметно усмехнулась и медленно прошла вдоль моста. Шум воды заглушал их голоса. Она остановилась у края перил и долго смотрела, как поток разбивается о каменные опоры. В солнечном свете вода казалась почти стальной. Что-то в этом месте притягивало взгляд. Старая древесина. Сырой камень. Неспешное вращение колеса. Всё выглядело так, словно время здесь текло иначе.

Пока Мира и Тео продолжали спорить о том, действительно ли старик Бреннер однажды пытался прогнать местных мальчишек лопатой, Эйлара незаметно отошла чуть дальше. Она медленно спустилась к самому краю моста, туда, где открывался вид на противоположный берег. За рекой начиналась узкая тропа, уходившая между редкими ивами.

— Эйлара! — крикнула Мира, уже поднимаясь по деревянным ступеням ко входу в мельницу. — Мы внутрь!

Тео придержал для неё тяжёлую дверь.

— Тут наверху отличный вид. — Добавил он. — И если повезёт, Бреннер угостит тебя хлебом.

Эйлара чуть повернула голову.

— Сейчас приду. — ровно ответила она.

— Только не потеряйся. — Мира подозрительно прищурилась.

— Постараюсь.

Дверь за ними тяжело закрылась. Скрипнула старая древесина. И на несколько секунд вокруг остался только шум воды. Эйлара медленно обернулась. И замерла. На другом конце моста, у самой каменной арки, стоял мужчина. Высокий. Неподвижный. Тёмное длинное пальто слегка колыхалось от ветра. Волосы были убраны назад, знакомые черты. Люциан. Он стоял, положив одну руку на холодный камень перил, и смотрел прямо на неё. Спокойно. Слишком спокойно для человека, которого невозможно было ожидать увидеть здесь, в глухой деревне. На его лице не было ни удивления, ни спешки. Словно он заранее знал, что эта встреча произойдёт. Эйлара не шевелилась.

Несколько долгих секунд они просто смотрели друг на друга через мост и шумящую внизу реку. Потом Люциан слегка склонил голову. Не улыбнулся. Только едва заметно кивнул, будто приветствуя её. Эйлара медленно выпрямилась. Внутри не было ни паники, ни страха. Только холодная, собранная настороженность. Она ещё раз коротко взглянула на дверь мельницы, за которой скрылись Мира и Тео. А затем, не сводя взгляда с Люциана, шагнула на мост. Камень под её ногами был прохладным. Вода внизу шумела всё громче. И с каждым шагом расстояние между ними сокращалось.

Когда Эйлара остановилась в нескольких шагах от него. Шум реки глухо отдавался под каменными сводами моста. Ветер скользнул между ними, качнув полы его тёмного пальто. Люциан не двинулся. Только продолжал смотреть на неё своим спокойным, непроницаемым взглядом.

— Вы меня преследуете. — Эйлара холодно прищурилась.

Её голос прозвучал ровно. Без дрожи. Без растерянности. Люциан чуть склонил голову.

— Если бы я хотел вас преследовать, вы бы этого не заметили.

— Очень самоуверенно. — Эйлара едва заметно напряглась.

— Это не самоуверенность. — Ответил он.

— Тогда что? Факт. Она коротко усмехнулась. — Значит, вы случайно оказались в этой деревне. Случайно стоите здесь. Случайно появляетесь каждый раз там, где оказываюсь я.

— Нет. — Люциан спокойно выдержал её взгляд.

— Хотя бы честно.

Несколько секунд между ними висела тишина. Река шумела внизу. Где-то внутри мельницы глухо скрипнули старые балки.

— Вы были в лесу прошлой ночью. — Эйлара медленно сделала ещё полшага ближе.

Это не был вопрос. Люциан кивнул. Коротко. Спокойно.

— Значит, это было ваше мастерство? — Эйлара резко сузила глаза.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу. Без малейшей паузы.

Она нахмурилась.

— Голос. Туман. Колокол. Это тоже не вы?

— Нет.

— И вы хотите, чтобы я поверила?

— Мне не нужно, чтобы вы верили. — Тихо сказал он. — Мне нужно, чтобы вы начали видеть.

— Это вы звали меня по имени. — Эйлара резко выдохнула.

— Нет, не я. — Люциан медленно покачал головой.

— Тогда кто?

На этот раз он не ответил. Лишь на мгновение отвёл взгляд к её правой руке. И в следующую секунду шагнул вперёд. Эйлара едва успела напрячься. Люциан осторожно, но твёрдо взял её за запястье. Его пальцы были холодными. Не ледяными. Просто холодными, как камень старых стен.

— Отпустите. — Она инстинктивно дёрнула рукой.

— Посмотрите.

Его голос прозвучал тихо, но так властно, что она невольно замерла. Люциан медленно перевернул её ладонь вверх. И указал на внутреннюю сторону руки.

Эйлара опустила взгляд. На бледной коже, чуть ниже тонкой голубой жилки, проступал знак. Тонкие линии. Изогнутые, переплетённые между собой. Тот самый узор, что был вырезан на старом колодце. Тот самый символ, который она видела на алтаре. Сейчас он едва заметно светился бледным голубоватым светом. Словно был выжжен под самой кожей. У Эйлара перехватило дыхание. Она резко попыталась вырвать руку. Люциан отпустил её сразу. Она отступила на шаг, ошеломлённо глядя на запястье.

— Что это? — Её голос впервые дрогнул. Совсем чуть-чуть.

— Метка пробуждения. — Люциан смотрел на неё слишком внимательно. Слишком серьёзно.

— Что? — Эйлара резко подняла голову.

Он выдержал короткую паузу. А потом тихо произнёс:

— Вы разбудили алтарь, Эйлара. И теперь он знает, что вы вернулись.

— Кто он? — Эйлара резко вскинула взгляд.

Люциан не отпустил её руки. Его пальцы всё так же спокойно удерживали запястье, разворачивая его так, чтобы тонкая бледная метка оставалась открытой. Ветер с реки шевелил светлые пряди его волос. Серые глаза были неподвижны.

— Я уже показывал вам ответ. — тихо сказал он.

— О чём вы? — Эйлара нахмурилась.

Люциан чуть склонил голову.

— В галерее. В реставрационной комнате.

Его слова словно толкнули что-то внутри её памяти. Перед глазами вспыхнуло полотно. Старинный портрет. Потемневший от времени. Но лицо на нём было абсолютно узнаваемым. Тот самый мужчина. Тот, которого она рисовала в мастерской, даже не понимая, откуда знает эти резкие черты, этот холодный изумрудный взгляд. Под портретом золотой вязью была выве-

дена дата четырёхвековой давности. И имя. Каэль Морвелейн. Эйлара резко вдохнула. Люциан внимательно следил за её лицом.

— А потом вы увидели восточную стену.

И снова память послушно развернула перед ней образ. Большой старинный диптих. Потемневшее полотно. Слева — молодой мужчина. А справа Девушка. Не она. Но сходство было пугающим. Те же тёмные волосы. Те же черты лица. Только взгляд мягче. Спокойнее. И в её позе было что-то странно знакомое. Эйлара медленно подняла глаза на Люциана.

— Каэль Морвелейн. — тихо повторила она.

Люциан кивнул.

— Один из сильнейших магов своего времени. Его голос стал тише. Почти глухим. — Он был последним хранителем.. он резко замолчал.

Со стороны мельницы донёлся звонкий голос Миры.

— Эйлара! Ты где там? Эйлара вздрогнула и резко повернула голову. На крыльце мельницы стояла Мира, сложив ладони рупором у губ. Рядом с ней виднелся Тео. — Ты идёшь или решила поселиться на мосту?

Эйлара мгновенно снова повернулась к Люциану.

— Кто он такой?

Но рядом уже никого не было. Пустой мост. Только ветер пробегал по старым доскам. Люциан исчез так бесшумно, будто его здесь никогда и не стояло. Эйлара застыла. Потом резко опустила взгляд на запястье. Метка всё ещё проступала на коже. Она быстро дёрнула рукав платья вниз, скрывая её. — Бред какой-то. — тихо, почти зло сказала она самой себе. И, резко развернувшись, быстрым шагом направилась обратно к мельнице. На ходу она слышала, как сердце стучит непривычно быстро.

В голове вспыхивали обрывки образов. Каэль Морвелейн. Портрет. Алтарь. Люциан. Но Эйлара только сильнее сжала пальцы и, поднявшись по ступеням, заставила лицо снова стать спокойным. Когда она вошла внутрь, Мира сразу прищурилась.

— Ты чего такая?

— Засмотрелась на реку. — Эйлара ровно посмотрела на неё.

Тео, стоявший у старого жернова, внимательно всмотрелся в её лицо, но ничего не сказал.

— Ты ужасно врешь. — Мира подозрительно сощурилась ещё сильнее.

— А ты слишком любопытна. — спокойно ответила Эйлара и прошла мимо них в полумрак старой мельницы.

Старые доски мельницы тихо поскрипывали под ногами. Сквозь щели в стенах внутрь пробивались тонкие полосы дневного света, ложась на покрытые пылью жернова и тяжёлые деревянные балки. В воздухе пахло сухой мукой, сыростью и старым деревом. Мира уже увлечённо рассказывала что-то Тео, показывая на сложный механизм мельничных колёс.

— Видишь это колесо? — быстро сказала она, указывая вверх. — Говорят, раньше его запускали даже зимой, когда река почти замерзала.

— Это потому, что старик Арден был упрямее самой зимы. — Тео усмехнулся.

— Он не был упрямым. — возразила Мира. — Просто невыносимо принципиальным.

— По-моему, это одно и то же. — спокойно заметил Тео.

Мира фыркнула и толкнула его локтем. Эйлара шла рядом, почти не слушая их. Их голоса доходили до неё словно издалека, приглушённые и расплывчатые. Перед внутренним взглядом вспыхивали совсем другие образы. Белая плотная бумага. Её собственные быстрые штрихи. Мужское лицо, которое она выводила снова и снова, не понимая, почему знает его так точно. Изумрудные глаза. Резкие скулы. Холодное выражение лица.

Потом галерея. Полотно, которое она не отправляла. То самое. «Возвращение». Как оно могло оказаться там? Кто отправил его от её имени? И зачем? Её пальцы невольно сжались. Под тканью рукава кожа на запястье скрывалась метка.

— Эйлара? — Она резко подняла голову. — Ты вообще нас слышишь? — Мира стояла перед ней, склонив голову набок.

— Иногда. — ровно ответила Эйлара.

— Это уже прогресс. — Тео коротко усмехнулся.

— Очень смешно. — спокойно сказала она.

Мира внимательно взгляделась в её лицо, но ничего больше спрашивать не стала. Вместо этого хлопнула в ладоши.

— Ладно. Раз уж кое-кто мысленно отсутствует, идём дальше. Здесь всё равно больше смотреть не на что.

Они спустились по старым скрипучим ступеням и вышли наружу. Солнечный свет после полумрака мельницы показался неожиданно ярким. Внизу шумела река, разбиваясь о камни под мостом. Несколько секунд они молча шли по тропе вдоль воды. Эйлара всё ещё перебирала в голове обрывки слов Люциана. Последний хранитель. И почему исчез, не договорив? Наконец она остановилась. Мира и Тео по инерции сделали ещё пару шагов и обернулись. Эйлара смотрела на реку, словно спрашивала о чём-то совершенно обыденном.

— Вы когда-нибудь слышали о Каэле Морвелейне? — Спросила она.

Слова повисли в воздухе. Мира застыла так резко, что даже перестала дышать. Тео тоже замер. Его лицо мгновенно стало серьёзным. Несколько секунд никто не говорил. Река продолжала шуметь внизу, ветер шевелил молодую листву над мостом. Мира первой медленно повернула к ней голову.

— Что ты сейчас сказала? — тихо спросила она.

— Каэль Морвелейн. — Эйлара перевела на неё спокойный взгляд.

Тео напряжённо переглянулся с Мирой. На его скулах заходили желваки.

— Откуда ты услышала это имя? — ровно спросил он.

Эйлара заметила, как побледнело лицо Миры. Что-то в их реакции было слишком явным. Слишком резким. И именно в этот момент Эйлара поняла одно. Это имя здесь знали. И знали слишком хорошо.

Глава пятая.

Эйлара выдержала их взгляды спокойно. На её лице не дрогнул ни один мускул. Только пальцы чуть сильнее сжались на складках рукава, скрывавшего метку.

— Просто слышала мельком вчера. — Ровно сказала она. — На танцах кто-то упоминал это имя. Да и полотно в галерее на которое ты указывала.

Тео нахмурился, но, кажется, принял объяснение. Мира всё ещё смотрела на неё подозрительно, будто чувствовала, что это не вся правда. Но через несколько секунд медленно выдохнула и отвела взгляд.

— О таком здесь не говорят просто так. — Тихо сказала она.

Они снова двинулись по тропе, но шаг их стал медленнее. Весёлое настроение, которое ещё недавно витало между ними, словно растворилось. Тео шёл чуть впереди, задумчиво глядя под ноги. Мира нервно теребила край накидки.

— Это имя передавалось в деревне из поколения в поколение. — Наконец заговорила она. — Как предупреждение.

— Предупреждение? — Эйлара перевела на неё внимательный взгляд.

Мира кивнула.

— Его запрещено произносить вслух. Особенно рядом с лесом.

— Почему?

— Никто толком не знает. — Тео коротко пожал плечами. — Просто так было всегда. Старшие говорили, что имя нельзя будить.

— Очень убедительное объяснение. — спокойно заметила Эйлара.

— Я же говорю, это легенды. — быстро ответила Мира. — Мы знаем только обрывки. Она ненадолго замолчала, будто перебирая в памяти старые рассказы. — Говорят, Каэль Морвелейн был сильным магом. Настолько сильным, что мог управлять самой тканью мира. Но вся его сила оказалась бесполезной перед смертью. А в галереи я показывала на портрет рядом с ним копию тебя.

— Что случилось? — Эйлара едва заметно нахмурилась.

— Его невеста была смертельно больна как и говорил тогда куратор в галерее. — Тихо сказала Мира. — И он не смог её спасти. Несмотря на всё своё могущество. Тео кивнул. — После этого что-то произошло в замке. Что-то ужасное. Но дальше легенды расходятся. Кто-то говорит, он обезумел. Кто-то что попытался заключить сделку с силами, которых не должен был касаться. Кто-то считает, что именно тогда появился алтарь.

Эйлара почувствовала, как внутри холодно сжалось. Перед глазами снова вспыхнуло потемневшее полотно в галерее. Девушка рядом с Каэлем. Тёмные волосы. Тот же изгиб губ. Те же черты. Мира вдруг резко остановилась.

— А вообще когда я увидела тот диптих в галерее. — Она обернулась к Эйларе. Лицо её снова заметно побледнело. — Я чуть с ума не сошла. Эйлара молчала. Мира нервно усмехнулась. — Ты даже представить не можешь, как это выглядело со стороны. Мы стоим перед картиной, а там девушка твоя точная копия. И рядом этот мужчина. Тот самый, которого ты рисуешь снова и снова.

Тео тоже остановился и перевёл тяжёлый взгляд на Эйлару.

— Мира рассказывала мне об этом. — сказал он. — Я думал, она преувеличивает.

Мира медленно покачала головой.

— Твои картины. Это полотно, которое ты не отправляла. Алтарь, который ты никогда не видела. И это сходство.. — Она сделала шаг ближе. — Эйлара, это уже не может быть просто совпадением.

Эйлара спокойно встретила её взгляд. Лицо её оставалось холодным и ровным. Но в голове с пугающей ясностью складывались осколки. Каэль Морвелейн. Девушка с полотна. Метка на её руке. Голос в лесу. Светящаяся руна. И имя, которое здесь боялись даже произносить.

— Возможно. — тихо сказала она. — Но я собираюсь выяснить, что именно это значит. Мира замерла на месте и удивлённо моргнула.

— Выяснить? — быстро переспросила она. — Эйлара, это прозвучало так, будто ты уже собираешься лезть в замок.

Эйлара спокойно продолжила идти по тропе.

— Я всего лишь сказала, что хочу понять, что происходит.

— Это почти одно и то же. — Пробормотала Мира, поспешив за ней.

Тео, который шёл на несколько шагов впереди, обернулся через плечо. В его лице мелькнула настороженность.

— Если речь о вчерашнем лесу, то я бы для начала выбрал вариант держаться от всего этого подальше.

— Разумное предложение. — Ответила Эйлара.

— Но? — Сухо уточнил он. Она перевела на него спокойный взгляд. — Но оно не отвечает ни на один вопрос. — Тео коротко выдохнул и отвернулся.

— Конечно. — Мне не нравится, когда ты так говоришь. — Мира нервно провела ладонью по волосам.

— Как?

— Вот этим своим тоном. — Она передёрнула плечами. — Слишком спокойным. Обычно это значит, что ты уже что-то решила и переубедить тебя невозможно.

— Ты знаешь меня всего несколько лет, а говоришь так, будто это древнее проклятие. — Эйлара едва заметно приподняла бровь.

— Так и есть. — Мрачно сказала Мира. — Звучит зловеще. — Тео тихо усмехнулся.

— Ты даже не представляешь насколько. — Тут же ответила Мира.

Они вышли на более широкую тропу, ведущую обратно к деревне. Сквозь деревья уже мелькали крыши домов и белёсые полосы дыма над трубами. Ветер шевелил молодую листву, принося запах воды и свежей муки с мельницы.

Несколько минут они шли молча. Эйлара почти не слышала их шагов. Мысли снова и снова возвращались к мосту. К холодным пальцам Люциана на её запястье. К бледному узору, проступившему на коже. А потом к собственным рисункам. Лицо мужчины, которое она выводила снова и снова, не понимая, почему рука сама знает каждую линию. К полотну, появившемуся на выставке без её ведома. К диптиху в галерее. И к девушке, похожей на неё так пугающе сильно, будто между ними лежало не четыре века, а лишь тонкая завеса сна.

— Эйлара? — Голос Миры заставил её поднять глаза. Подруга смотрела на неё с тревогой. — Ты опять ушла куда-то в свои мысли.

— Просто думаю. — Сказала Эйлара.

— Это как раз меня и пугает.

— Почему? — Эйлара чуть склонила голову.

— Потому что после таких твоих «просто думаю» обычно происходит что-нибудь совершенно безумное. — Мира тяжело вздохнула.

— Похоже, у вас насыщенная дружба. — Тео фыркнул.

Мира бросила на него быстрый взгляд.

— Ты знаком с ней меньше суток. Поверь, это ещё очень мягкая характеристика.

— Не слушай её. — Эйлара спокойно посмотрела на Тео.

— Уже поздно. — С лёгкой усмешкой ответил он.

Они свернули на главную деревенскую улицу. Впереди показалась площадь, залитая мягким дневным светом. Люди неторопливо проходили мимо лавок, дети бегали у колодца, откуда-то доносился запах свежего хлеба. Обычная деревенская жизнь. Спокойная. Тёплая. Совершенно не похожая на истории о древнем маге и исчезающих девушках.

— Подождите. — Мира вдруг резко остановилась. — Эйлара и Тео обернулись. Мира медленно прищурилась, глядя куда-то поверх их плеч. — Только не говорите мне, что это снова он.

Эйлара проследила за её взглядом. На другом конце улицы, у каменной ограды старой часовни, стоял Райан. Он не двигался. Просто смотрел прямо на неё. Слишком внимательно. Тео нахмурился. Эйлара выдержала взгляд Райана несколько секунд. Лицо её осталось совершенно ровным. Потом она спокойно отвернулась.

— Идём дальше. — Сказала она.

— Ты так просто собираешься его игнорировать? — тихо спросила Мира.

— Именно.

Но когда они пошли дальше, Эйлара почему-то почувствовала, как под тканью рукава едва заметно дрогнула скрытая метка. Совсем слабо. Как короткий холодный укол. Она не остановилась. Только медленно сжала пальцы.

Они ещё ненадолго задержались у часовни. Мира, заметив, что Эйлара снова ушла в себя, больше не пыталась вытянуть из неё разговор. Вместо этого она болтала с Тео о предстоящей ярмарке выходного дня, о том, что местный пекарь вечно пересушивает булочки, а старуха обязательно будет спорить с каждым покупателем о цене яблок. Тео лениво отвечал, прислонившись плечом к низкой каменной ограде, иногда поглядывая на Эйлару, но не задавая лишних вопросов.

Эйлара стояла чуть в стороне, слушая их вполуха. Её взгляд скользил по старым серым плитам часовни, по колышущимся под ветром ветвям рябины, по деревенской улице, где Райан уже исчез, будто его там и не было. Когда они наконец двинулись дальше, разговор постепенно вернулся к чему-то лёгкому и обыденному. Они прошли через рынок, задержались у лотка с сушёными травами, потом свернули к дому Элеоноры. У калитки Мира резко остановилась.

— Я зайду позже. — быстро сказала она, поправляя волосы. — И даже не думай спрятаться.

— Я подумаю. — спокойно ответила Эйлара.

— Нет, не подумаешь.

— Уже думаю.

— Вот поэтому с тобой невозможно. — Мира прищурилась.

— Увидимся. — Тео тихо усмехнулся.

Эйлара коротко кивнула. Они ушли вниз по улице, о чём-то переговариваясь между собой, а она ещё несколько секунд стояла у калитки, глядя им вслед. Потом вошла в дом. Поднявшись к себе, Эйлара села у окна.

За лесом, в сизой дневной дымке, едва различались тёмные шпили замка. Она долго сидела неподвижно, опершись локтем о подоконник. В комнате было тихо. Лишь редкий ветер шевелил занавеску.

К обеду действительно заглянула Мира. Они сидели на кухне, пили травяной настой, и Мира рассказывала о какой-то нелепой ссоре между соседями из-за пропавшей козы. Эйлара даже пару раз коротко усмехнулась, чем вызвала у подруги победный блеск в глазах. Потом Мира убежала, сославшись на дела дома.

После её ухода Эйлара вместе с бабушкой ходила на рынок. Элеонора долго выбирала овощи, спорила с торговцами, придирчиво осматривала каждую корзину, а Эйлара молча несла покупки рядом. К вечеру усталость наконец дала о себе знать. Вернувшись домой, она подня-

лась наверх и позволила себе прилечь поверх покрывала. Сон накрыл её почти сразу. Разбудил голос бабушки.

— Эйлара! Спустись на минуту! — Она открыла глаза не сразу. В комнате уже густели вечерние тени. Несколько секунд ушло на то, чтобы вспомнить, где она. Потом она поднялась и спустилась вниз. Элеонора ждала её у стола в кухне. В руках у неё был сложенный вдвое лист плотной тёмной бумаги. Бабушка подняла на внучку внимательный взгляд поверх очков. — Тебе письмо.

— Мне? — Эйлара нахмурилась.

— Именно. — Ответила бабушка.

Она подошла и взяла лист. Бумага была холодной. На ней не было ни печати, ни подписи. Открыв его Эйлара увидела только одно слово, выведенное ровным чёрным почерком.

«Возвращение».

На короткий миг внутри всё неприятно сжалось. Но лицо Эйлары осталось совершенно спокойным. Она медленно сложила лист обратно.

— Что там? — Элеонора внимательно наблюдала за ней.

Эйлара подняла взгляд.

— От куратора. — ровно сказала она. — По поводу выставки.

Бабушка прищурилась, будто уловила фальшь. Но через секунду лишь кивнула.

— Ясно.

— Поднимусь к себе. Нужно ответить. — Эйлара спокойно убрала письмо в карман платья.

— Не сиди слишком долго. Скоро ужин.

— Хорошо.

Она развернулась и медленно поднялась по лестнице. Лишь когда дверь её комнаты закрылась, Эйлара снова достала лист. В вечернем полумраке чёрное слово казалось ещё темнее. Она долго смотрела на него, чувствуя, как за окном медленно поднимается ветер.

Эйлара ещё несколько мгновений стояла у двери своей комнаты, глядя на лист в руке. «Возвращение». Чёрные буквы будто медленно проступали всё глубже в плотной бумаге. Она резко сложила письмо и спрятала его во внутренний карман платья. Потом развернулась и вышла.

Старые деревянные ступени тихо поскрипывали под её шагами. Элеонора сидела у стола, перебирая пучки мяты. Услышав шаги внучки, она подняла голову.

— Куда это ты? — спокойно спросила бабушка, внимательно посмотрев поверх очков.

Эйлара уже набрасывала на плечи тёмный плащ.

— Подышать. — ровно ответила она, застёгивая ворот.

— Уже темнеет. — Элеонора нахмурилась.

— Я ненадолго.

Бабушка несколько секунд молчала, словно собираясь возразить. Но потом только тяжело вздохнула.

— Далеко не уходи.

— Хорошо. — Эйлара открыла дверь и вышла.

Вечерний воздух оказался прохладнее, чем она ожидала.

Сумерки уже опускались на деревню, медленно стирая краски дня. Над крышами домов клубился тонкий дым, в окнах загорались редкие огни. Она медленно шла в низ по улице. Камни мостовой глухо отзывались под подошвами. Где-то вдали залаяла собака. Из открытого окна донёсся смех. Обычные звуки вечерней деревни.

Но Эйлара почти не слышала их. Она шла, не думая о направлении. Только холодный воздух наполнял лёгкие. Только тяжесть письма ощущалась сквозь ткань кармана. Она поднялась по узкой дорожке между двумя старыми домами, миновала колодец, свернула туда, где

заканчивались последние ограды. И лишь когда впереди выросла тёмная стена деревьев, остановилась.

Лес. Тот самый. Перед ней лежала узкая тропа, уходящая под густые кроны. Та самая дорога, по которой они прошлой ночью шли с Мирой и Тео к алтарю.

Эйлара замерла у самого края. Медленно подняла голову. Над верхушками сосен небо уже темнело, густое и низкое. Первые звёзды едва проступали сквозь тонкую дымку облаков. Ветер качнул ветви. Те тихо зашептались над её головой. Она стояла так несколько долгих секунд, запрокинув лицо к небу. Неподвижная. Словно прислушиваясь к чему-то, чего не могли услышать другие. Потом медленно опустила взгляд. И шагнула вперёд.

Под кронами сразу стало темнее. Лес встретил её влажной прохладой и запахом хвои. Тропа была знакомой. Эйлара шла спокойно, не ускоряя шаг. Мрак сгущался между деревьями. Где-то далеко скрипнула ветка. Слева в кустах что-то коротко зашуршало и стихло. Ветер становился холоднее. Он скользил между стволами, касаясь края её плаща. Тени ложились длинными полосами поперёк тропы. Лес медленно поглощал остатки вечернего света.

Тропа вывела её к поляне неожиданно. Ещё мгновение назад вокруг стояли плотные, почти сросшиеся между собой стволы сосен, тяжёлые ветви нависали так низко, что закрывали небо, а затем лес внезапно разомкнулся.

Перед ней открылось круглое пространство, неподвижное и мёртвенно тихое. Алтарь стоял в самом центре. Лунный свет, просачиваясь сквозь кроны, ложился на камень тусклыми серебряными полосами.

И среди вырезанных на поверхности древних рун одна выделялась особенно. Та самая. Она светилась. Слабо. Едва заметно. Глубоким, холодным голубоватым мерцанием, будто под камнем медленно билось чужое, затухающее сердце.

Эйлара остановилась в нескольких шагах. Несколько долгих секунд просто смотрела. Потом медленно подошла ближе. Под её ногами приглушённо похрустывала хвоя. Воздух здесь был гуще, чем в лесу. Насыщенный влажной прохладой, запахом старого камня и чем-то ещё. Чем-то неуловимо сладковатым. Почти похожим на аромат давно увядших цветов. Она остановилась у самого края алтаря. Подняла руку. Пальцы спокойно скользнули к рукаву платья. Медленным движением она отодвинула ткань вверх. На бледной коже проступала метка. Тонкие переплетающиеся линии, похожие на древнюю вязь и сплетённые ветви. Теперь она была видна гораздо отчётливее. Не просто след.

Она тоже слабо мерцала. Той же тусклой голубизной. Эйлара нахмурилась. Её взгляд медленно переместился с метки на руну. Потом обратно.

— Что ты такое?.. — Тихо произнесла она.

Её голос прозвучал странно глухо. Будто сама поляна поглотила звук. Ответа не было. Только тишина. Но уже в следующее мгновение что-то изменилось.

У самых корней сосен начала сгущаться дымка. Она поднималась медленно, почти лениво. Тонкими струями выползала из темноты между деревьями. Голубоватая. Полупрозрачная.

Она стелилась по земле, окутывая поляну холодным призрачным кружевом. Эйлара медленно выпрямилась. Её взгляд скользнул по окружающему лесу. Никого. Только неподвижные чёрные стволы. Но чувство присутствия возникло почти сразу. Тяжёлое. Осязаемое. Такое, словно кто-то стоял совсем рядом. За её спиной.

Она резко обернулась. Пустота. Туман продолжал прибывать. Он уже касался краёв её плаща, обвивался вокруг щиколоток, охлаждал кожу даже сквозь ткань. И тогда она услышала голос. Он возник не снаружи. Не из леса.

Он прозвучал так, будто родился сразу отовсюду. Из воздуха. Из камня. Из самой земли под ногами. Низкий. Тихий. Невероятно отчётливый.

— Ты всё же вернулась.

По спине Эйлары пробежал холод. Она медленно повернула голову. Вгляделась в туман. Никого. Ни силуэта. Ни движения. Только голубоватая мгла. Её лицо осталось спокойным, но пальцы непроизвольно сжались.

— Кто здесь? — Ровно спросила она.

Несколько мгновений стояла абсолютная тишина. Потом голос раздался снова. Чуть ближе. Чуть глубже. Словно наклонялся к самому её уху.

— Ты пришла гораздо раньше, чем я ожидал.

Эйлара резко обернулась. Снова никого. Туман вокруг неё дрогнул, будто по нему прошла невидимая волна. Голубое свечение усилилось. Руна на алтаре вспыхнула ярче. Метка на её запястье болезненно заколола. Она стиснула зубы.

— Покажись. — Сказала она негромко.

На этот раз голос ответил не сразу. Когда он снова прозвучал, в нём появилась странная, почти человеческая усталость.

— Ты ещё не готова видеть.

Туман медленно поднялся выше. Теперь он доходил ей почти до колен. Холод становился плотнее, вязче. Густая мгла клубилась вокруг алтаря, будто живая. Эйлара чувствовала, как учащается её дыхание.

Голос снова прозвучал. Совсем близко. Так близко, что ей показалось, будто холодное дыхание коснулось её виска.

— Но ты уже начала вспоминать.

— Нет. Ответила она. — Эйлара медленно выпрямилась.

Пальцы её всё ещё лежали на холодной поверхности камня, а взгляд оставался прикованным к тускло мерцающей руне. Голубоватое сияние едва заметно пульсировало в её глубине, словно под толщей древнего камня билось чужое, беспокойное сердце.

Туман вокруг алтаря становился гуще.

Он больше не стелился просто по земле, он начинал подниматься. Медленно, вязко, закручиваясь вокруг её ног длинными полупрозрачными лентами. Воздух становился тяжелее с каждым мгновением. Насыщеннее. Холоднее.

И голос вновь прозвучал совсем близко. Настолько близко, что ей показалось, будто кто-то наклонился прямо к её уху.

— Ты лжёшь.

Эйлара резко обернулась. За спиной никого не было. Лишь тёмные неподвижные сосны, растворяющиеся в клубящемся голубоватом мареве. Она медленно сжала пальцы.

— Я ничего не помню. — Её голос прозвучал ровно, но в нём впервые проступила натянутая жёсткость. — Если ты пытаешься заставить меня поверить в обратное, это бессмысленно.

Туман дрогнул. Словно от беззвучного смеха.

— Бессмысленно? — голос стал глубже, обволакивающим, почти бархатным, но от этого ещё более жутким. — Твоя память уже откликнулась.

— О чём ты? — Эйлара нахмурилась.

Несколько секунд стояла тишина. А затем слова прозвучали медленно. Почти шёпотом.

— Галерея.

И в то же мгновение что-то резко сдавило ей виски. Перед внутренним взором вспыхнула чужая ночь. Она увидела её не глазами словно память прорвалась сквозь плотную завесу и на одно мучительное мгновение впилась прямо в сознание.

Чёрный лес. Древние исполинские деревья, заслоняющие небо. Холодный камень под босыми ступнями. Чьи-то сильные руки, удерживающие её за плечи. Тёмный, неподвижный взгляд. Губы его шевельнулись. Он что-то произнёс.

Эйлара резко вдохнула. Видение исчезло. Она пошатнулась и невольно схватилась за край алтаря. Лёд пробежал по позвоночнику. Сердце забило тяжело и глухо.

— Что это было?.. — Едва слышно произнесла она.

Голос ответил не сразу. Теперь он звучал ниже. Тише. С оттенком странной, почти болезненной усталости.

— Ты вспомнила.

— Нет. — резко отрезала Эйлара, выпрямляясь. — Это не воспоминание. Это внушение. Иллюзия. Что бы ни происходило здесь, оно не имеет ко мне отношения.

Туман вокруг неё дрогнул сильнее. Поднялся выше колен. Закружился плотным кольцом.

— Ты всё ещё сопротивляешься. — Произнёс голос.

— Кто ты? — Эйлара вскинула голову, всматриваясь в сгущающуюся мглу. Молчание. Лишь тихий, едва различимый шорох, будто кто-то медленно ступал по влажной хвое совсем рядом, оставаясь невидимым. — Покажись.

Снова тишина. И затем:

— Пока нет.

Холод усилился. Эйлара почувствовала, как под тканью рукава метка вспыхнула резкой ледяной болью. Она вздрогнула. Инстинктивно отдернула рукав. Бледный узор на коже светился теперь так же, как руна на алтаре. Мягким голубым светом.

И в этот миг голос произнёс уже совсем иначе. Не как призрак. как человек, слишком долго ждавший.

— Ты вернулась.

Эти два слова прозвучали так тихо, что могли бы показаться дыханием ветра. Но от них по коже Эйлары пробежала ледяная дрожь. Она застыла. Туман начал стремительно сгущаться. Из глубины леса донёсся протяжный, низкий звук.

Это был глухой, тягучий стон, будто сама земля под корнями древних сосен медленно раздвигалась, выпуская наружу нечто, слишком долго скрытое в её чёрной утробе.

Эйлара замерла.

Голубой туман вокруг алтаря взметнулся вверх резким порывом, словно невидимая сила всколыхнула его изнутри. Холодная дымка начала стремительно сгущаться впереди, между тесно сомкнувшимися древесными стволами.

И тогда она увидела это. Сначала лишь смутный, расплывчатый контур Высокий. Неподвижный. Затем очертания начали проступать отчётливее. Слишком высокий для человека. Чёрный силуэт медленно выступал из тумана, словно сам был соткан из него. Его фигура казалась иссушённой и угловатой, но вместе с тем в ней ощущалась пугающая сила. За спиной медленно развернулось нечто, напоминавшее огромные крылья.

Словно сплетённые из тени, сухих ветвей и самой ночной мглы. Они не шевелились. Просто распахнулись в безмолвной, чудовищной неподвижности, заслоняя собой лес позади. Голова существа была слегка склонена набок. Будто оно разглядывало её. Из-под густой завесы мрака медленно проступили два тусклых, холодно-злёного огня. Глаза.

Эйлара почувствовала, как всё внутри мгновенно сжалось. Это был не тот ясный, холодный страх, который она испытывала прежде. Это был древний, животный ужас, от которого кровь леденеет в венах прежде, чем разум успевает понять причину.

Существо шагнуло вперёд. Тихо. Но от одного этого движения земля под её ногами едва заметно дрогнула. И тогда Эйлара сорвалась с места.

Она резко развернулась и бросилась к тропе, почти не чувствуя, как влажная хвоя скользит под подошвами. Ветки хлестали по лицу. Пальто цеплялся за низкие сучья. Холодный воздух обжигал лёгкие. За спиной не было слышно ни шагов, ни дыхания, ни треска ломаемых ветвей. Лишь тишина. Тяжёлая. Невыносимая. И именно эта тишина пугала сильнее любого преследования. Она бежала быстро. Изо всех сил стараясь сохранить ясность.

Сейчас должна была показаться знакомая развилка. Потом узкий спуск. Потом — просвет между соснами и дорога к деревне. Но лес не менялся. Перед ней снова и снова возникали

одни и те же искривлённые стволы. Одна и та же сосна с раздвоенным чёрным стволом. Один и тот же валун, покрытый серебристым мхом. Она резко остановилась. Тяжело дыша. Сердце глухо колотилось где-то в горле. Нет. Это было невозможно. Она точно свернула вправо. Потом налево. Потом вниз по склону. И всё же снова оказалась здесь. За спиной медленно раздался голос. Совсем близко.

— Ты не выйдешь.

Эйлара резко обернулась. Никого. Только густая голубоватая мгла. Она попятилась. И в тот же миг лес вокруг неё изменился. Деревья начали двигаться. Не быстро. Почти незаметно. Словно поворачивались вокруг собственной оси, меняя направление троп. Корни медленно выползали из земли, переплетаясь поперёк пути. Туман клубился всё плотнее, затягивая пространство между стволами мерцающей завесой.

— Нет. — Выдохнула она.

Её голос прозвучал чужим. Слишком тихим. Из тумана впереди вновь проступил силуэт. Теперь ближе. Гораздо ближе. Она увидела, как медленно раскрываются его крылья. Услышала сухой, ломкий треск, словно сотни старых костей сдвинулись в своих гнёздах.

И тогда лес заговорил. Со всех сторон. Шёпотом. Десятками голосов. Они произносили только одно имя. Её имя.

Шёпот звучал сверху, снизу, за спиной, прямо у самого уха. Холодные пальцы ужаса сомкнулись у неё на горле. Она вновь бросилась бежать. На этот раз почти вслепую. Лёгкие горели. Но лес не выпускал её. Тропы закручивались кольцом. Стволы смыкались стеной. Туман становился плотнее, пока не превратился в почти осязаемую ледяную завесу.

Она бежала. Не разбирая дороги. Лес вокруг превратился в сплошную дрожащую массу чёрных стволов и голубоватого мерцания. Ветки с сухим хрустом цеплялись за волосы, рвали плащ, хлестали по щекам так резко, что кожа начинала гореть.

Дыхание сбивалось. Лёгкие будто наполнялись ледяным стеклом. Но Эйлара не останавливалась. Позади уже не было слышно ничего. Эта тишина стала абсолютной. Такой глубокой, что в какой-то момент ей показалось, будто весь мир вокруг оглох. А затем в этой мёртвой пустоте начали проступать силуэты.

Сначала один. Слева от тропы. Высокая женская фигура, полупрозрачная, словно вырезанная из самой дымки. Лицо её было скрыто длинными спутанными волосами. Руки безвольно свисали вдоль тела. Потом ещё одна. Справа. Мужчина в длинных, изодранных одеждах. За ним третий. Четвёртый. Пятый.

Они появлялись между деревьями, медленно выступая из клубящегося тумана. Женщины. Мужчины. Старики. Совсем юные. Их лица были бледными, почти белыми, с пустыми глазницами, в которых клубилась та же холодная голубая мгла. Они не двигались. Просто стояли. Смотрели. Провожали её пустыми взглядами.

Эйлара резко замедлилась. Сердце бешено колотилось. И тогда они заговорили. Хором. Тихо.

Сначала это был лишь неразборчивый шелест. Похожий на далёкое жужжание тысяч пчёл, запертых в огромном стеклянном улье. Низкий, вибрирующий звук наполнял лес, проникая под кожу, заставляя мелко дрожать кости. С каждым мгновением он становился громче. Густее. Настойчивее. Голоса сливались в единый монотонный поток, от которого начинало мутиться сознание.

Эйлара пыталась различить слова. И наконец услышала.

— Вернулась..

— Возвращение..

— Долг..

— Заверши..

— Вернись..

Тысячи шепчущих голосов повторяли это снова и снова. Одно и то же. Словно заклинание. Словно приговор.

— Замолчите! — Сорвавшимся голосом крикнула Эйлара.

И в тот же миг что-то резко схватило её сзади. Холодное. Нечеловечески сильное. Тонкая, ледяная хватка сомкнулась поперёк талии. Воздух выбило из лёгких. Она вскрикнула. Земля внезапно ушла из-под ног. Эйлару резко рвануло вверх. Настолько стремительно, что лес внизу мгновенно провалился в спутанную вращающуюся бездну ветвей и голубого тумана.

— Нет!

Крик сорвался сам собой. Она отчаянно забилась, пытаясь вырваться. Пальцы хватали пустоту. Ногти бессильно скользили по чему-то холодному и твёрдому. Ветер ударил в лицо. Холодный, режущий. Она поднималась всё выше. Туман клубился вокруг неё, как живое существо. Паника захлестнула разум. Эйлара резко повернула голову. И увидела того, кто держал её.

На одно бесконечно страшное мгновение весь мир вокруг перестал существовать. Перед ней было лицо. То самое. Лицо с её полотен.

Резкие, безупречно чёткие черты. Бледная кожа. Белые волосы, развевающиеся в ледяном ветре. На шее, уходя под воротник, тянулись тонкие чёрные узоры. Они извивались по коже, словно живая вязь древних рун. Одна такая же руна горела прямо на его щеке тусклым голубым светом. Но страшнее всего были глаза.

Изумрудные. Глубокие. Невыносимо знакомые. Не мёртвые. Не пустые. В них жило сознание. Древнее. Бесконечно усталое. И исполненное такой бездонной тоски, что от одного взгляда в них Эйларе стало трудно дышать.

Она не могла отвести взгляд. Что-то внутри болезненно сжалось. Словно эта зелень уже смотрела на неё когда-то. Очень давно. Слишком давно. Сознание начало мутнеть. Контур лица расплывались. Голубой туман сгущался перед глазами. Мир качнулся. Последнее, что она услышала, прежде чем тьма окончательно сомкнулась вокруг неё, был его голос. Совсем тихий. Прямо у самого уха.

— Лес не выпустит тебя. — Сказал он.

Сознание возвращалось медленно. Сначала пришёл звук. Тихий, размеренный треск горящих поленьев. Потом тепло. Неясное, далёкое, словно оно касалось её сквозь толстый слой воды и сна. И лишь затем пришла боль. Тупая тяжесть в висках. Слабость в руках. Неприятный холод где-то глубоко под рёбрами.

Эйлара едва заметно нахмурилась. Ресницы дрогнули. Она медленно открыла глаза. Несколько секунд взгляд оставался расфокусированным.

Потолок над ней был высоким. Слишком высоким для деревенского дома. Тёмные каменные своды уходили вверх и терялись в полумраке. Между ними проходили тонкие серебристые линии старинной резьбы, похожие на переплетение ветвей или древних рун.

Эйлара медленно поднялась на локтях. Тяжёлая ткань пледа соскользнула с её плеч. Она замерла. Это была не её комната. Не дом бабушки. Не её мастерская. Вообще ничего знакомого. Под ней находилась широкая кровать с резным изголовьем из чёрного дерева. Рядом стоял высокий подсвечник, в котором горело несколько длинных свечей. Их пламя колыхалось едва заметно, будто здесь не существовало ветра. Воздух пах камнем. Старым деревом. Пеплом. И чем-то ещё. Едва уловимым. Запахом дождя, которого не было. Эйлара осторожно опустила ноги на пол. Каменные плиты оказались прохладными. Она поднялась. Мир слегка качнулся. Но через мгновение равновесие вернулось.

— Где я?.. — Тихо произнесла она.

Ответа не было. Только треск огня. Она медленно огляделась. Помещение больше напоминало небольшой зал, чем спальню. Вдоль стен тянулись высокие книжные шкафы. Некоторые были настолько древними, что древесина почернела от времени. В углу стоял старый письменный стол. На нём лежали раскрытые книги. Слишком далеко, чтобы рассмотреть названия.

Напротив кровати горел огромный камин. Пламя отбрасывало золотистые отблески на каменные стены. Тени медленно двигались по залу. Будто жили собственной жизнью. Эйлара сделала несколько шагов вперёд. И тогда заметила арку.

Широкий открытый проход. За ним струился серебристый лунный свет. Она остановилась. Сердце вдруг ударило чуть быстрее. Словно что-то внутри уже знало, что находится за этой аркой. Но разум ещё отказывался понимать. Медленно. Она подошла ближе. Лунный свет ложился на камень длинными бледными полосами. Холодный ночной воздух коснулся её лица. И Эйлара вышла наружу.

Перед ней открылась лоджия. Высокая. Каменная. Полукруглая. Её окружали тонкие арочные колонны, увитые серебристым плющом. Листья тихо шевелились под ночным ветром. Она подошла к самому краю и замерла.

Перед ней простирался мир. Тёмный. Безмолвный. Огромный. Далеко внизу мерцали огни. Сотни маленьких золотых точек. Они рассыпались среди ночной темноты подобно звёздам, упавшим на землю. Деревня.

Отсюда она казалась совсем крошечной. Беззащитной. Почти игрушечной. Чуть дальше серебрилось озеро. Огромное зеркало ночи. Гладкая поверхность отражала луну так чётко, будто под водой существовало второе небо. Лёгкий ветер пробежал над водой. И отражение луны дрожало. Словно живое. За озером поднимались чёрные холмы. А ещё дальше тянулся лес. Бесконечный. Мрачный. Похожий на тёмное море из древесных крон.

Эйлара почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она знала этот вид. Хотя никогда раньше не стояла здесь. Она медленно положила ладони на холодный камень балюстрады. Подняла взгляд к небу.

Луна висела огромным серебряным диском. Невероятно близко. Будто её можно было коснуться рукой.

— Это невозможно, — тихо произнесла она.

Ветер шевельнул её волосы. Где-то далеко внизу протяжно завыл волк. Ему ответил другой. И вскоре их голоса разнеслись над лесом длинным жутким хором. Эйлара медленно закрыла глаза. Перед внутренним взором вновь вспыхнули изумрудные глаза. С полотна её рисунков. Она резко открыла глаза. Сжала пальцы.

— Кто ты?.. — Почти шёпотом спросила она пустоту.

Ночной ветер пролетел через лоджию. Заставил дрогнуть пламя свечей за её спиной. И где-то в глубине замка раздался звук. Тихий. Металлический. Словно очень далеко открылась тяжёлая дверь. Потом шаги. Неторопливые. Приближающиеся. Эйлара медленно обернулась. За аркой, ведущей обратно в зал, колыхались тени от камина. И ей вдруг показалось, что она здесь не одна.

Она резко сорвалась с места. Страх наконец догнал её. Не тот осторожный холодный страх, который заставляет насторожиться. Настоящий. Первобытный. Тот, что заставляет тело двигаться раньше разума.

Она влетела обратно в и бросилась к высоким двустворчатым дверям. Ладони ударились о тёмное дерево. Двери распахнулись. Не заперты. От этого стало только хуже. Если её не запирали, значит были уверены, что она всё равно не уйдёт.

— Нет нет.. — Она выбежала в коридор.

Широкий и бесконечный. Освещённый десятками свечей. Пламя дрожало внутри высоких канделябров, отбрасывая длинные живые тени на стены. Камень здесь был почти чёрным. Полированный временем. Местами покрытый серебристыми прожилками древней резьбы.

На стенах висели картины. Сотни картин. Старые портреты. Люди в старинных одеждах смотрели на неё из полумрака. Одни были потемневшими от времени. Другие выглядели так, словно написаны совсем недавно. Но объединяло их одно. Все глаза следили за ней. Куда бы она ни повернула голову. Куда бы ни побежала. Ей казалось, что взгляды скользят следом.

— Это невозможно. — Прошептала она.

Она свернула за угол. Потом ещё раз. И снова. Коридоры расходились в разные стороны подобно каменному лабиринту. Высокие стрельчатые окна пропускали внутрь холодный лунный свет.

Он ложился на пол серебряными полосами. Между окнами стояли рыцарские доспехи. Почти человеческого роста. Некоторые держали длинные алебарды. Некоторые мечи.

В дрожащем свете свечей казалось, будто они вот-вот шевельнутся. Будто повернут головы вслед за ней. Шаги за спиной не стихали. Размеренные. Спокойные. Неторопливые. Будто тот, кто шёл за ней, прекрасно знал, что догонять не придётся.

Эйлара бросилась дальше. Сердце колотилось так сильно, что заглушало почти все остальные звуки. Она влетела в очередной поворот. И резко остановилась. Перед ней открывалась огромная лестница. Широкая. Монументальная. Она уходила вниз несколькими пролётами, изгибаясь плавной дугой. Перила были выполнены из чёрного металла и переплетались узором из ветвей и шипов. Высоко над лестницей висела гигантская люстра. Сотни свечей мерцали внутри хрустальных подвесок. Свет дрожал подобно звёздам.

Не думая, она бросилась вниз. Пальцы скользнули по холодным перилам. Платье цеплялось за ступени. Она почти бежала. Только бы найти выход. Только бы проснуться. Потому что всё это не могло быть настоящим. Не могло.

Внизу её встретил огромный зал. И она замерла на мгновение. Всё пространство тонуло в золотистом мерцании свечей. Они были повсюду. На высоких подсвечниках. На каминных полках. На длинных столах. В настенных канделябрах.

Сотни огоньков дрожали в полумраке. Свет отражался в мраморе пола. В стекле. В серебре. Тени скользили по колоннам. Поднимались к потолку. Словно что-то живое обитало между ними. Эйлара медленно подняла голову. И застыла.

Наверху. На лестничной площадке. Стоял он. Неподвижный. Высокий. Почти растворённый в сумраке. Чёрная одежда сливалась с тенями. Лишь лицо оставалось различимым. И глаза. Глаза с её рисунков. Глаза человека, которого она изображала снова и снова, даже не зная его имени.

Он просто смотрел на неё. Без единого движения. Без единого слова. И от этого взгляда по позвоночнику пробежал ледяной ужас. Будто он видел её насквозь. Будто знал о ней больше, чем она сама.

Эйлара резко вдохнула. И вновь побежала. Она слышала собственное дыхание. Слышала удары сердца. Слышала шелест ткани. Но не слышала его шагов. Это пугало сильнее всего. Она вылетела из зала в очередной коридор. Здесь было ещё темнее. Длинные узкие окна под самым потолком пропускали бледный лунный свет. На стенах висели огромные старинные гобелены. Почерневшие от времени. На них изображались замки. Древние леса. И какие-то странные фигуры в длинных плащах.

Ветер неизвестно откуда шевелил тяжёлую ткань. Гобелены едва заметно колыхались. Словно внутри них кто-то двигался. Эйлара пробежала мимо. И вдруг впереди вспыхнул свет. Много света. Она резко подняла голову. Перед ней открывался огромный холл. Высокий. Величественный. С громадными окнами от пола до потолка. Лунный свет потоками лился внутрь. Серебрил мрамор. Заставлял сиять хрусталь люстр. А впереди виднелись двери. Огромные. Широкие. Почти во всю стену. Тяжёлые створки из тёмного дерева, окованные серебром. Выход. Или хотя бы надежда на него.

Не раздумывая ни секунды, Эйлара бросилась к ним. И в тот самый миг где-то позади, в глубине бесконечных коридоров замка, раздался низкий глухой звук. Похожий на далёкий раскат грома. Или на чей-то тихий, очень древний смех.

Эйлара остановилась у самых дверей. Ладонь её легла на холодную металлическую ручку. Тяжёлое дерево возвышалось перед ней подобно последней границе между ней и этим бесконечным мрачным лабиринтом. Она тяжело дышала. Сердце всё ещё билось слишком быстро. Но теперь вместе со страхом внутри поднималось что-то другое.

Она не обернулась. Не посмотрела назад. Даже когда всем существом почувствовала, что он приближается. Не шагами и не звуком. Просто присутствием. Словно сама тьма замка начинала собираться в одной точке за её спиной.

«Что происходит?» Мысль пронеслась быстро. «Кто он? Что это за место? Почему все говорят так, будто знают меня?» Она стиснула зубы. Перед глазами вспыхнули обрывки последних дней. Картины. Алтарь.

— Нет, — едва слышно прошептала она. — Её пальцы крепче сжались. — Это не моё место.

Позади раздался голос. От которого холод проходил под самой кожей.

— Ты знаешь, что лжёшь. — Эйлара зажмурилась на мгновение. Голос звучал уже совсем близко. Словно человек стоял всего в нескольких шагах. — Ты не сможешь уйти отсюда.

Она почувствовала, как по позвоночнику пробежала ледяная дрожь. Но вместо того чтобы замереть, резко распахнула двери. Створки с глухим грохотом ударились о стены. Навстречу ей ворвался ночной ветер.

Эйлара не раздумывала ни секунды. Она выбежала наружу. Перед ней открылась широкая лестница из светлого камня. Ступени спускались вниз длинными террасами, извиваясь вдоль внешней стены замка. Над головой возвышались башни. Чёрные. Огромные. Острые шпили уходили прямо в ночное небо, пронзая облака подобно гигантским копьям. Между ними горели редкие огни. Маленькие золотистые точки среди бесконечного камня. Замок нависал над ней словно живое существо. Древнее. Молчаливое. Наблюдающее.

Эйлара бросилась вниз. Подол платья цеплялся за ступени. Ветер рвал волосы. Она почти не замечала этого. Главное дальше. Подальше отсюда.

Каждый новый пролёт открывал перед ней новые части замка. Высокие арки. Балконы. Лестница закончилась неожиданно. Внизу начиналась дорога. Узкая извилистая дорожка, уходящая по склону горы вниз. Она вилась между чёрными кипарисами и серебристыми деревьями, листья которых мерцали под лунным светом словно покрытые инеем.

Эйлара снова побежала. Камешки разлетались из-под ног. Холодный воздух обжигал лёгкие. Впереди расстилалась ночь. Она не выдержала и на бегу подняла голову. Замок возвышался над склоном как исполинская чёрная крепость. Луна серебрила его стены. Башни тонули в облаках. И на одной из высоких открытых галерей стояла фигура.

Она резко отвернулась и ускорила ещё сильнее. Ветер свистел в ушах. Дорога уходила всё ниже. К тёмным деревьям. К озеру, отражавшему луну. К чёрному лесу, который окружал замок подобно бескрайнему морю теней.

Эйлара продолжала бежать по извилистой дороге, почти не замечая усталости, которая постепенно наливалась тяжестью ноги. Склон становился всё круче, а дорожка всё уже, теряясь среди тёмных кипарисов и древних деревьев с серебристыми листьями. Лунный свет местами пробивался сквозь их кроны, оставляя на земле бледные пятна, похожие на осколки разбитого зеркала.

Она заставила себя замедлиться. Всего на несколько шагов. Всего на одно мгновение. Ей нужно было понять. Нужно было хоть приблизительно определить, куда ведёт эта дорога.

Эйлара тяжело вдохнула холодный воздух и быстро огляделась. Слева внизу между деревьями мелькала серебристая гладь озера. Справа возвышались скалы, на вершине которых стоял замок. Чёрный. Невозможный. Огромный.

Она нахмурилась. Если озеро оставалось по левую руку, а замок за спиной, значит дорога действительно уходила в сторону деревни. По крайней мере ей так казалось. Она цеплялась за эту мысль как за последнюю нить здравого смысла. Потому что всё остальное давно перестало подчиняться разумным объяснениям.

— Хорошо, — прошептала она себе под нос. — Просто продолжай идти.

Но в этот момент что-то изменилось. Она почувствовала это раньше, чем услышала. Воздух дрогнул. Словно над миром натянулась невидимая струна. А потом раздался звук. Глухой. Тяжёлый. Ритмичный. Хлопанье крыльев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.